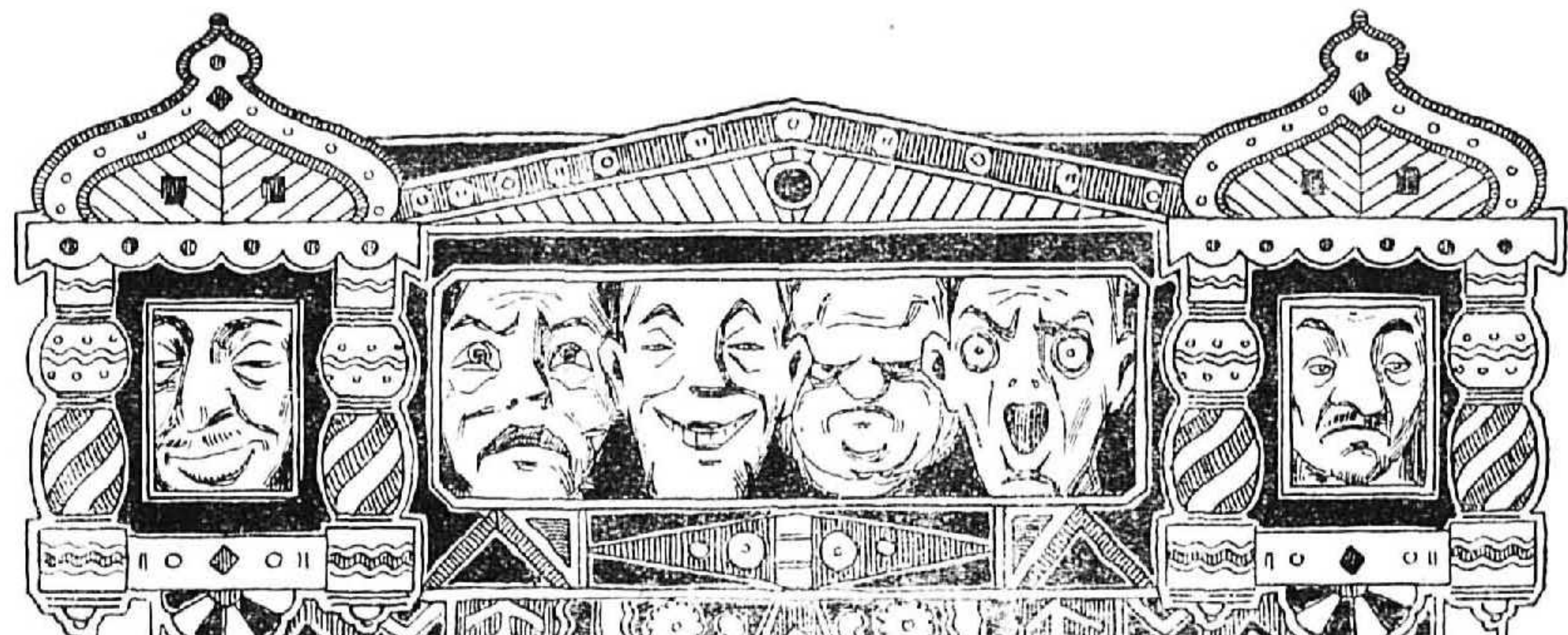
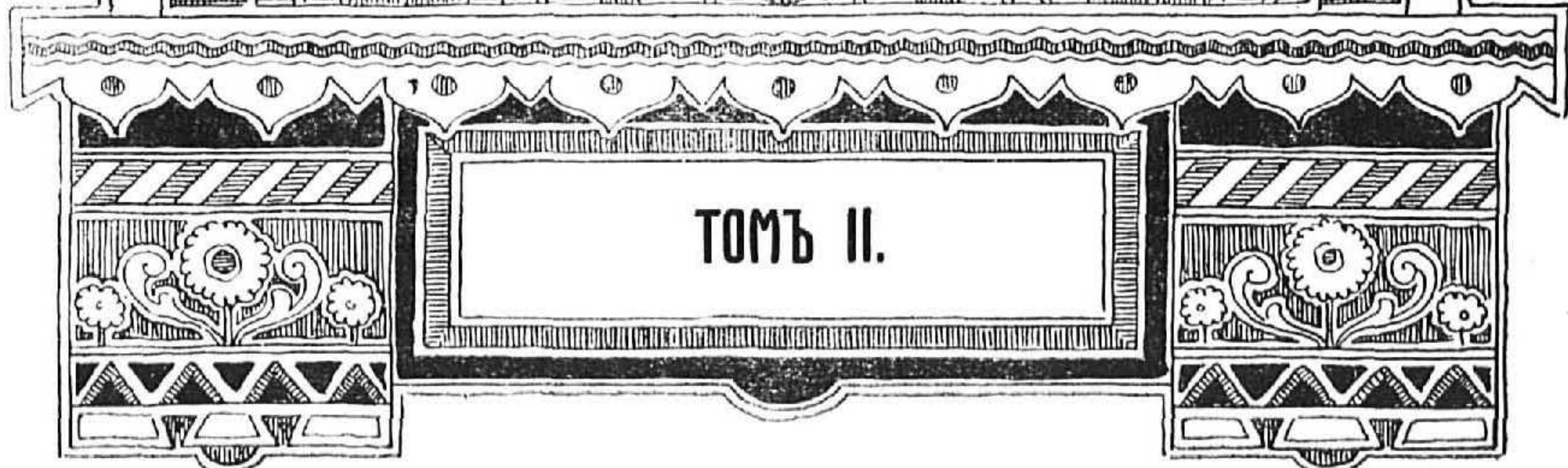

Полное Собраніе

Этнографическихъ трудовъ.

Александра Евгеніевича

БУРЦЕВА.

ТОМЪ II.

А. Е. БУРЦЕВЪ.

Русскія народныя сказки и суевѣрные разсказы про нечистую силу.

С.-Петербургъ.

1910 г.

АЛЕКСАНДРЪ ЕВГЕНЬЕВИЧЪ БУРЦЕВЪ.

Барскій охотникъ.

Когда было еще крѣпостное право и крестьяне жили за господами, въ то самое время былъ взятъ одинъ охотникъ бариномъ къ себѣ во дворъ.

И дано было порученіе ему только ходить за охотою, больше съ него ничего и не спрашивалось.

Вотъ въ одинъ прекрасный день, когда солнце уже высоко взошло на небо, онъ бродилъ по лѣсу, присматривая дичь. Онъ дошелъ до дуплистаго дерева, на которомъ замѣтилъ чье-то гнѣздо. И въ ёмъ появилось любопытство узнать, чье бы это было гнѣздо. Онъ немедля ни минуты, взлѣзъ на дерево—и что же онъ, къ своему удивленію видитъ: въ немъ три штуки золотыхъ яицъ.

Онъ рѣшился ждать, чтобы во что ни стало, но убить чудную птицу. Не прошло и часу времени, какъ летитъ птица необыкновенной красоты и садится прямо въ гнѣздо. Онъ взвелъ курокъ и сталъ цѣлиться. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Обливаясь кровью, птица повалилась на землю. Онъ съ радостью подошелъ къ ней и взялъ ее въ руки. И что же, къ своему удивленію увидалъ! На ней золотыми буквами написано слѣдующее: „кто съѣстъ голову,--тотъ будетъ царемъ;

а кто съѣстъ ноги,—тотъ будетъ плевать золотомъ".

Онъ принесъ эту птицу барину и подалъ ему въ руки. Баринъ посмотрѣлъ на нее, но ничего не сказалъ, а только велѣлъ вычистить, изжарить и подать ее ему на завтракъ.

Онъ взялъ эту птицу отъ барина и пошелъ къ себѣ на кухню. Тамъ его уже ждала жена и двое дѣтей, которыхъ онъ имѣлъ: Иванъ и Александръ.

Когда жена увидѣла, что онъ несетъ птицу и велитъ ей жарить, то сказала:

— *Сколько времени ты охотишься, но* не дашь своимъ дѣтямъ отвѣдать дичи. Пусть хоть съѣдятъ они отъ нея—одну голову, а другой—ноги.

Мужъ согласился. И вотъ, когда уже совсѣмъ ожарили птицу, то Ивану отдали ея голову, а Александру—ноги, а остатки были снесены барину.

И вотъ, когда уже совсѣмъ ожарили птицу, то Ивану отдали ея голову, а Александру—ноги, а остатки были снесены барину.

Рисунокъ художника А. Третьякова.

Какъ только баринъ увидалъ, что птица такъ обрѣзана, то спросилъ охотника:

— А кто же съѣлъ голову и ноги, что мнѣ было всего важнѣе?

Охотникъ отвѣтилъ, что съѣли его дѣти.

Узнавъ объ этомъ, баринъ грозно приказалъ ему:

— Иди сейчасъ-же домой и зарѣжь своихъ дѣтей; вынь у нихъ сердца и, зажаривъ, принеси мнѣ ихъ.

Услышавъ отъ барина такія рѣчи, охотникъ обомлѣлъ отъ страха—очень ужъ жаль ему было дѣтей своихъ; но что было дѣлать.

Печальный и задумчивый вернулся охотникъ къ себѣ въ избу. Жена и дѣти, увидѣвъ его запечаленнымъ, спросили его: какъ дѣла и о чемъ онъ грустить.

Охотникъ отвѣтилъ имъ:

— Да вотъ, любезные дѣти, баринъ велѣлъ сейчасъ же зарѣзать васъ, вынуть ваши сердца, зажарить ихъ и принесть ему на обѣдъ.

На это старшій сынъ сказалъ отцу:

— Нѣтъ, тятя, ты насъ не рѣжь; а убей двухъ щенковъ, вынь сердца, ожарь и снеси ихъ къ барину. Но когда придешь къ нему, то какъ только будешь переступать черезъ порогъ то упади, какъ бы запнувшись, – пусть сердца съ тарелки упадутъ на полъ, и чрезъ это онъ не станетъ ихъ ѣсть. А мы тѣмъ временемъ скроемся изъ имѣнія и тебѣ за это ничего не будетъ.

Охотникъ сдѣлалъ все такъ, какъ посовѣтывалъ ему старшій сынъ А дѣти его, какъ только онъ ушелъ къ барину съ жаркимъ, простились съ матерью и пошли изъ отцовскаго дома куда глаза глядятъ.

Долго ли, коротко ли оно шли, –о томъ не извѣстно; только, наконецъ, пришли они въ одинъ городъ и помѣстились у одной старушки, которая приняла ихъ очень ласково и сказала имъ:

-- Вотъ я уже стала очень стара, а дѣтей у меня нѣтъ, такъ докормите меня до смерти, и васъ Богъ не забудетъ. Да къ тому же еще завтра у насъ будутъ выборы царя. Городъ-то нашъ столичный, народу соберется много, тогда и вы можете сходить посмотрѣть. Порядокъ выбора у насъ такой: есть у насъ очень древняя икона; передъ нею ставятъ подсвѣчникъ, но свѣчей не зажигаютъ, а пропускаютъ по одному человѣку, мимо иконы, и если кто пройдетъ въ это время свѣча сама зажгется, то тотъ будетъ нашъ царь“.

Вотъ переночевали они у старушки; утромъ поѣли и пошли на выборы царя. Встали всѣ въ одну ширинку; старшій братъ былъ впереди, а младшій позади его. Много уже прошло народу мимо иконы, а свѣча все еще не зажглась. Наконецъ дошла очередь и до братьевъ И какъ только старшій братъ поровнялся съ иконой, то тотчасъ свѣча вдругъ и вспыхнула.

Тутъ же сразу народъ закричалъ: ура!—и подъѣхала свѣтлая карета, въ которую посадили Ивана и увезли. А младшій братъ испугался и убѣжалъ къ себѣ на квартиру, гдѣ ихъ уже ожидала старушка; но онъ ничего не сообщилъ о братѣ и сталъ жить у нея одинъ.

Бабушка занималась торговлею булокъ и лепешекъ; а теперь сталъ замѣнивать ее Александръ. Онъ приходилъ въ рынокъ раньше всѣхъ старухъ и рас-

продавалъ свой товаръ всѣхъ скорѣе Продастъ, бывало, все и идетъ домой, да поплевываетъ себѣ, чтобы люди не замѣтили, и наплюетъ столько денегъ, что бабушка подивится и скажетъ:

— Вотъ я ужъ вѣкъ торгую, но никогда не выторговывала столько, сколько ты выторговываешь въ одинъ день; ты такъ скоро.

И дѣйствительно, время летѣло быстро, онъ расторговался, записался въ купцы, а о братѣ Иванѣ и думать забылъ.

Въ этомъ же городѣ, недалеко отъ нихъ жилъ богатѣйшій купецъ, по имени— Максимъ. У купца были три прекрасныхъ дочери и всѣ въ зрѣломъ уже возрастѣ. И вотъ надумалъ онъ ѣхать торговать въ другое государство на три года, и передъ отъѣздомъ призываетъ къ себѣ старшую дочь и говоритъ ей:

— Послушай, моя любезная дочка. Вотъ я уѣзжаю торговать въ чужія государства на три года, и у меня остаются три бочки меду, какъ бы ихъ сохранить цѣлыми до моего пріѣзда?

А старшая дочь и говоритъ ему:

— Любезный родитель, су только насъ есть хорошихъ погребовъ, и неужели въ нихъ испортится вашъ медъ?

Онъ на это сказалъ ей:

— Ты мало еще понимаешь. Иди къ себѣ въ покой и пошли ко мнѣ твою среднюю сестру; спрошу ее, какъ она мнѣ посовѣтуетъ.

Старшая дочь ушла и вмѣсто ея пришла средняя; но и она тоже сказала, что и старшая. Отецъ отослалъ и эту въ покой и велѣлъ придти младшей дочери. Когда пришла та, то купецъ повторилъ тотъ же вопросъ, что и старшимъ двумъ дочерямъ. Младшая дочь, выслушавъ отца, отвѣтила ему:

— Нѣтъ, любезный родитель, у васъ есть не три бочки меду, и не объ этомъ вы заботитесь, а у васъ есть три красавицы дочки.

Да, это вѣрно, сказалъ отецъ.—Ты хотя и младшая по рожденію, но старшая по разуму. Посовѣтуй же мнѣ, какъ это сохранить.

— Любезный мой родитель,—сказала дочь, — сдѣлайте три золотыхъ шара одинаковой величины и поставьте ихъ на крышу вашего дома. При этомъ замѣтьте: который шаръ на которую дочь вы ставили, и чей шаръ почернѣетъ, значитъ та дочь и преступитъ противъ отца. Кромѣ того заготовьте намъ провизіи до вашего пріѣзда и заприте насъ однихъ въ домѣ, а ключъ возьмите съ собой, чтобы мы не могли выйдти изъ дому и къ намъ никто бы не ходилъ.

Купецъ сдѣлалъ все такъ, какъ посовѣтовала ему младшая дочь, и самъ отправился въ дорогу.

Какъ только услышалъ Александръ, что купецъ уѣхалъ на три года торговать въ другія государства, то очень обрадовался этому, потому что онъ уже раньше былъ знакомъ съ его дочерьми, и они его любили, но сильно боялись отца своего.

На другой же день, по отъѣздѣ купца, какъ только стемнѣло, Александръ надѣлъ нищенскую одежду и пошелъ къ купеческимъ дочерямъ. Онъ тихо подошелъ къ дому, чтобы не замѣтили люди, и постучался въ комнату, подъ видомъ странника.

Александръ постучался въ комнату, подъ видомъ странника.

Рисунокъ художника А. Третьякова.

Старшая сестра выглянувъ въ окно и узнавъ въ странникѣ Сашу, тотчасъ же выбросила ему за окно конецъ веревки. Онъ обвязался концомъ веревки и его живо всѣ три сестры подняли прямо къ себѣ въ залъ.

Тутъ его посадили за столъ и начали угощать, а послѣ угощенія сестры стали просить его проводить вечеръ съ ними и поиграть въ карты. Онъ согласился, но на такихъ условіяхъ, если онъ посадитъ которую въ дурочкн, то спать съ нимъ ночь въ одной постели.

Они сыграли—и дурочкою осталась старшая сестра. Онъ съ ней спалъ ночь.

На утро встали, поугощались и потомъ, на прежнихъ же условіяхъ, онъ сталъ играть въ дурачки со средней сестрой и тоже оставилъ ее дурочкой и спалъ и съ ней ночь. А потомъ дошла

Они играли въ карты. Рисунокъ художника А. Третьякова.

Вышли преступныя дочери и начали просить у него прощеніе. Рисунокъ А. Третьякова.

очередь и до младшей сестры, которую онъ тоже оставилъ дурочкой и спалъ съ нею ночь. А послѣ этихъ трехъ ночей, проведенныхъ съ сестрами, онъ ушелъ домой къ своей хозяйкѣ.

Время шло своимъ чередомъ. Купеческія дочери почувствовали себя въ тягостяхъ и, когда пришло время, родили по мальчику. Но дѣти жили недолго и всѣ померли.

Александръ къ сестрамъ больше не ходилъ, такъ какъ скоро долженъ былъ пріѣхать ихъ отецъ. И дѣйствительно, въ одно прекрасное утро онѣ увидѣли, что ѣдетъ ихъ папаша. Сознавая свою вину, они опасались за нее.

Купецъ же, какъ только сталъ подъѣзжать къ дому, тотчасъ же, прежде всего, обратилъ вниманіе на стоявшіе на крышѣ дома шары, и увидавъ ихъ потемнѣвшими, понялъ, что съ дочерьми не все обстоитъ благополучно. Когда же онъ подъѣхалъ къ дому и сталъ отпирать ворота, навстрѣчу ему вышли преступныя дочери и начали просить у него прощенія. Онъ сталъ ихъ распрашивать, какъ могло это случиться, и онѣ обо всемъ разсказали ему подробно. И купецъ твердо поклялся отомстить Александру за насмѣшки на его дочерьми.

Въ одно прекрасное время купецъ сдѣлалъ пиръ и въ числѣ прочихъ пригласилъ къ себѣ въ гости и Александра, который не замедлилъ къ нему явиться.

Когда кончился пиръ, купецъ приказалъ старшей дочери принести коверъ-самолетъ, привезенный имъ изъ заморскихъ странъ, и они стали забавляться съ этимъ ковромъ: то полетятъ по заламъ, то вылетятъ на волю?

Сперва леталъ на коврѣ самъ купецъ, потомъ дочери его, наконецъ, предложили и Александру, чтобы и онъ позабавился этимъ удовольствіемъ, но Александръ долго отказывался отъ этой забавы, но въ концѣ концовъ всетаки уступилъ ихъ общей просьбы и согласился сѣсть на коверъ-самолетъ.

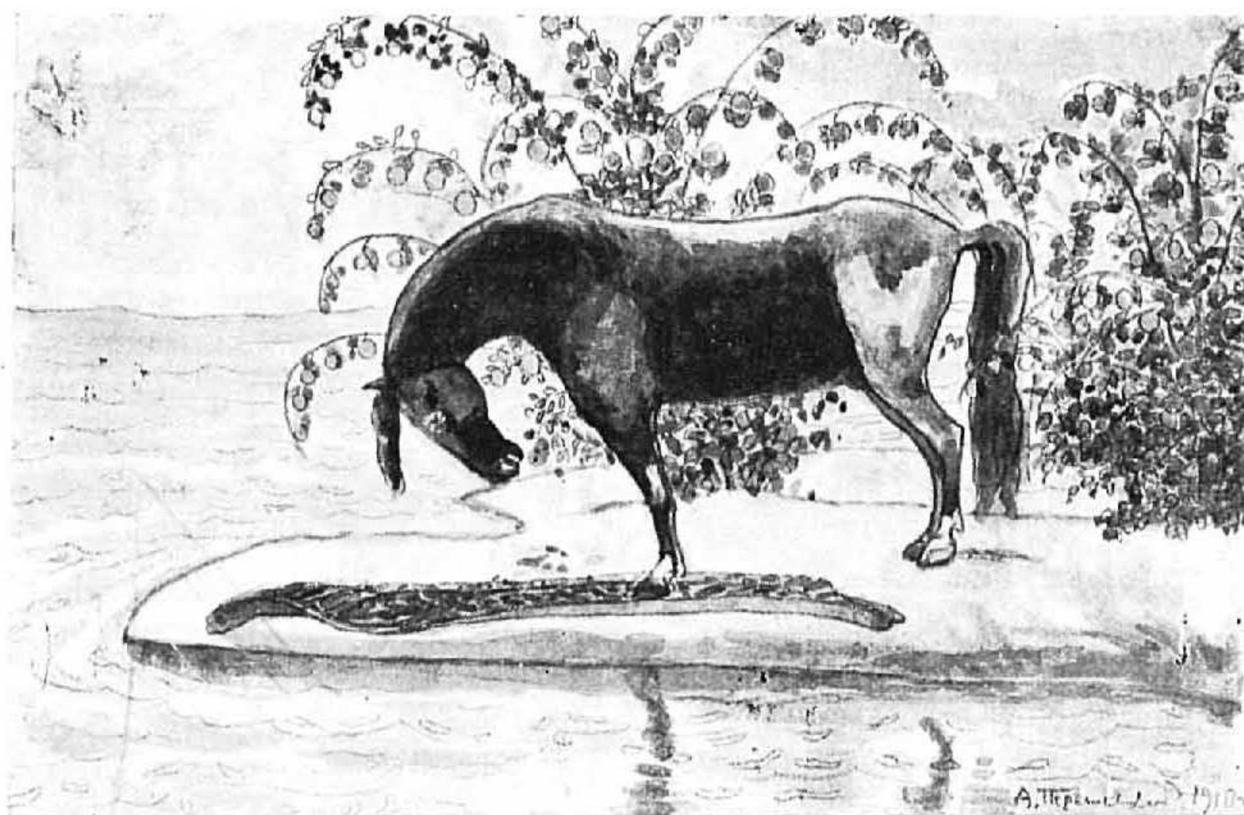
И какъ только Александръ сѣлъ, купецъ отвернулъ подъемные винты и коверъ быстро понесся вверхъ.

Долго лѣталъ Александръ надъ землей и ему ужасно это наскучало. Онъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы спуститься на землю, но никакъ не могъ найти опускающаго внизъ винта. Наконецъ онъ сталъ терять терпѣніе, да къ тому же и голодъ его сильно мучилъ, а коверъ въ это время плылъ въ воздухѣ надъ моремъ. Вдругъ Александръ попалъ на тотъ самый винтъ, который служилъ для спуска внизъ. Коверъ сталъ опускаться и прямо въ море. Боясь погибнуть въ морскихъ пучинахъ, Александръ сталъ всматриваться въ горизонтъ и замѣтилъ одинъ маленькій островокъ, къ которому направилъ коверъ и, подлетѣвъ къ берегу, спустился на него и вышелъ на землю.

Островокъ оказался необитаемымъ, но очень красивымъ по мѣстоположенію. Свернувъ коверъ, Александръ взялъ его подъ мышку и направился вглубь острова, въ надеждѣ отыскать что нибудь для удовлетворенія голода.

Онъ замѣтилъ маленькій островокъ. — Рисунокъ А. Третьякова.

Какъ только онъ его съѣлъ, то въ одинъ моментъ превратился изъ человѣка въ вороного жеребца. — Рисунокъ художника А. Третьякова.

И дѣйствительно, вскорѣ ему удалось отыскать яблоню, съ очень красивыми на ней плодами. Александръ чрезвычайно обрадовался своему открытію и тотчасъ сорвалъ одно яблоко и началъ его ѣсть. Но какъ только онъ его съѣлъ, то въ одинъ моментъ превратился изъ человѣка въ воронаго жеребца.

Вотъ какими чарами обладало съѣденное имъ яблоко.

Не смотря на столь непредвидѣнное обстоятельство, Александръ, однако, не растерялся, и схвативъ въ ротъ коверъ, онъ рѣшилъ скакать съ нимъ дальше по острову.

Вскорѣ попалась ему на глаза другая яблоня. Онъ сорвалъ съ нея яблоко и съѣлъ его; и вдругъ изъ жеребца сдѣлался козломъ.

Опять побѣжалъ онъ дальше и увидалъ новую яблоню, съ которой тоже сорвалъ и съѣлъ яблоко. На этотъ разъ онъ изъ козла превратился опять въ человѣка, въ весьма красиваго молодца.

Александръ, послѣ этихъ превращеній, рѣшилъ вернуться и нарвать такихъ чудесныхъ плодовъ, которыми онъ могъ, по желанію, превратить человѣка въ лошадь или козла. Онъ, про себя, рѣшилъ, по возвращеніи домой накормить этими яблоками купеческихъ дочерей. И вернувшись къ первымъ двумъ яблонямъ онъ нарвалъ достаточное количество чудесныхъ яблоковъ, а потомъ сѣлъ на коверъ-самолетъ и понесся обратно въ свой городъ.

Прилетѣвъ благполучно домой, онъ попрежнему, занялся торговлей.

Вдругъ купецъ узнаетъ, что Александръ не погибъ, какъ онъ того ожидалъ, а благополучно поживаетъ въ своемъ домѣ и занимается, по старому торговлей. Купцу это извѣстіе пришлось не по душѣ. Вотъ онъ вновь устраиваетъ пиръ и посылаетъ свою старшую дочь пригласить Александра въ гости.

Когда старшая купеческая дочь пришла къ Александру съ приглашеніемъ, то тотъ предложилъ ей, въ видѣ угощенія, скушать яблоко. Дѣвушка долго отказывалась отъ этого, но, наконецъ, взяла и съѣла. И какъ только она съѣла яблоко, тотчасъ же превратилась въ вороную кобылицу. Александръ взялъ на узду и отвелъ ее въ конюшню.

Долго ждалъ купецъ возвращенія своей дочери, но не дождавшись, послалъ къ Александру среднюю. Но и среднюю постигла та же участь, что и старшую сестру.

Тогда купецъ послалъ свою младшую дочь. Но и съ этой Александръ поступилъ также, какъ и съ двумя ея старшими сестрами.

Не дождавшись обратно ни одной изъ дочерей, купецъ рѣшилъ отправиться самолично къ Александру. Но придя къ нему, онъ не нашелъ ихъ здѣсь. Что было ему дѣлать? Пропали всѣ три дочери безъ вести. И сталъ купецъ жить одинъ.

Спустя недолгое послѣ этого время, Александръ вздумалъ тоже устроить

пиръ, и на этотъ пиръ созвалъ онъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ пригласилъ онъ также и купца.

Послѣ пирушки Александръ приказалъ заложить тройку вороныхъ кобылицъ и всѣ гости поѣхали кататься по

Александръ приказалъ заложить тройку вороныхъ кобылицъ

Рисунокъ художника А. Третьякова.

городу, а также и купецъ вмѣстѣ съ прочими. А когда прогулка была окончена, Александръ сказалъ своимъ гостямъ:

— Вы знаете, что я могу сдѣлать изъ кобылицъ козъ.

Всѣ гости крайне удивились этому.

Александръ вывелъ кобылицъ на дворъ и далъ имъ по яблоку, и въ одинъ мигъ кобылицы превратились въ козъ.

Послѣ этого Александръ подошелъ къ купцу и говоритъ ему:

— Если ты желаешь возвратить своихъ дочерей и сдѣлать ихъ счастливыми, то я могу изъ этихъ козъ сдѣлать твоихъ дочерей и онѣ будутъ лицомъ красивѣе прежняго.

Александръ вывелъ козъ во дворъ и въ присутствіи купца подалъ каждой изъ нихъ по яблоку. Какъ только онѣ съѣли плоды, тотчасъ же превратились въ дѣвушекъ, замѣчательной красоты. Чудныя головки ихъ были покрыты пушистыми волосами, которые волнами сбѣгали на ихъ нѣжныя плеча. Ихъ хорошенькія личика улыбались пріятной улыбкой, а глаза сверкали демоничес-

Александръ вывелъ козъ во дворъ. Рисунокъ художника А. Третьякова.

Какъ только онѣ съѣли плоды, тотчасъ же превратились въ дѣвушекъ, замѣчательной красоты. Рисунокъ художника А. Третьякова.

кимъ блескомъ и были полны очарованія. Щечки были покрыты алымъ румянцемъ.

Купецъ взглянувъ на своихъ дочерей, былъ пораженъ ихъ красотой. Сестры ни слова не сказали своему отцу.

Александръ приказалъ нарядить сестеръ въ лучшія платья и привести ихъ въ залъ, куда онъ съ купцомъ отправились теперь.

Когда сестры, одѣтыя въ нарядныя платья, были приведены и посажены за общій столъ съ отцомъ, то послѣдній, увидѣвъ ихъ въ нарядахъ, еще болѣе удивился красотѣ своихъ дочерей. А Александръ сказалъ тутъ купцу:

Когда сестры, одѣтыя въ нарядныя платья, были приведены и посажены за общій столъ съ отцомъ, то послѣдній удивился красотѣ своихъ дочерей.

Рисунокъ художника А. Третьякова.

— Теперь я хочу жениться на твоей младшей дочери и ты ни ей, ни мнѣ не прикословь.

Купецъ согласился на это.

И вскорѣ же была отпразднована свадьба, на которую было созвано множество гостей. Всѣ были очень довольны новобрачными.

Послѣ свадьбы молодые стали ходить по гостямъ вмѣстѣ съ сестрами новобрачной.

Между тѣмъ до царя дошелъ слухъ, что въ городѣ есть такой человѣкъ, который дѣлаетъ изъ лошади козу, а изъ козы человѣка. Царь немедленно же послалъ своихъ слугъ съ приказомъ, во

чтобы-то ни стало привести этого человѣка къ нему во дворецъ.

Въ одинъ прекрасный день Александръ съ своей супругой сѣли обѣдать и въ это время вдругъ приносятъ ему приказъ отъ самого царя, чтобы онъ немедленно же явился во дворецъ.

Александръ, не долго думавши, живо собрался и отправился къ царю. Придя во дворецъ, онъ обратился къ часовымъ и тѣ провели въ большое зало и велѣли тутъ ждать царя. Скоро пришелъ царь и сталъ распрашивать у Александра о его родѣ и племени и чѣмъ онъ занимается. Александръ разсказалъ ему обо всемъ подробно. И когда царь узналъ, что онъ его родной братъ, то чрезвычайно обрадовался и началъ его цѣловать.

Послѣ этого Александръ своею супругою переѣхали на жительство

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вотъ пришло время, когда надо отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ въ хлѣвъ то на гумно, то на полати, то—куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ шестка ощепокъ, а ощепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха—да какъ заревѣтъ. Услышалъ старикъ, что реветъ его старуха, пришелъ въ избу и спрашиваетъ:—о чемъ ты, старуха, плачешь?—Охъ, старикъ, не знаешь ты моего горя. Какъ мнѣ не реветь. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебѣ скажу. Стала я топить печку, уронила ощепокъ на шестокъ, а съ шестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашъ Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на залавочкѣ; ощепокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то?—А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебѣ реветь,—Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: „вотъ бѣда, видно за мной пришли, пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватятъ". Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видитъ: никого нѣтъ, кромѣ старика и старухи. Зашелъ въ избу и

Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

распросилъ, о чемъ они ревутъ. Они разсказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка, плюнулъ на земь и сказалъ: „тьфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичѣе, да дурнѣе васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду—не видать вамъ меня болѣе.“ Ушелъ. Только его и видѣли старикъ со старухою.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходитъ въ избу, а въ ней тоже живетъ старикъ со старухой; они ѣдятъ кисель и молокомъ захлебываютъ. Хлебнутъ ложку киселя и бѣжатъ въ клить молокомъ захлебнуть. Глядитъ, глядитъ на нихъ Иванъ и говоритъ:—не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей, и я научу васъ, какъ надо ѣсть.—Возьми, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы каждый разъ ѣдимъ до пристатку, зачастую и наѣсться не можемъ.—Пошелъ Иванъ на клить, принесъ горшокъ съ молокомъ, поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель уписывать. Всѣ такъ наѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходитъ въ нее, а въ избѣ такой дымъ что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносятъ. Глядитъ, глядитъ Иванъ и говоритъ: „кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ.“ Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать имъ по своему;

Хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами. Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

дали ему сто рублей, только бы напередъ не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣлили... Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самаго потолка дырку; дыму сразу не стало, и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идетъ Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья Вотъ схватилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свиной визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: „бѣгите скорѣе, узнайте о чемъ моя свинья пищитъ." Увидалъ Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: „свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости." Слуги спросили Ивана, что онъ свиньѣ наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: „да вотъ зову ее въ гости, къ крестнику на свадьбу—въ свахи, да не идетъ, говоритъ—не въ чемъ." Слуги разсказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свиньѣ хорошее шелковое платье. Снарядили свинью въ это платье, но оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и!—Чего ей еще надо кричитъ баринъ.—Да вотъ, говоритъ Иванъ, идти не можетъ, больно толста, лошадей проситъ.—Дай ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ.— Вывели что ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходитъ, свиньѣ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этотъ шумъ, и онъ опять закричалъ:—чего ей еще надо?— Да вотъ, говоритъ Иванъ, проситъ она барскаго благословенія на дорогу и де-

Иванъ сѣлъ на лошадей и поѣхалъ къ отцу къ матери.

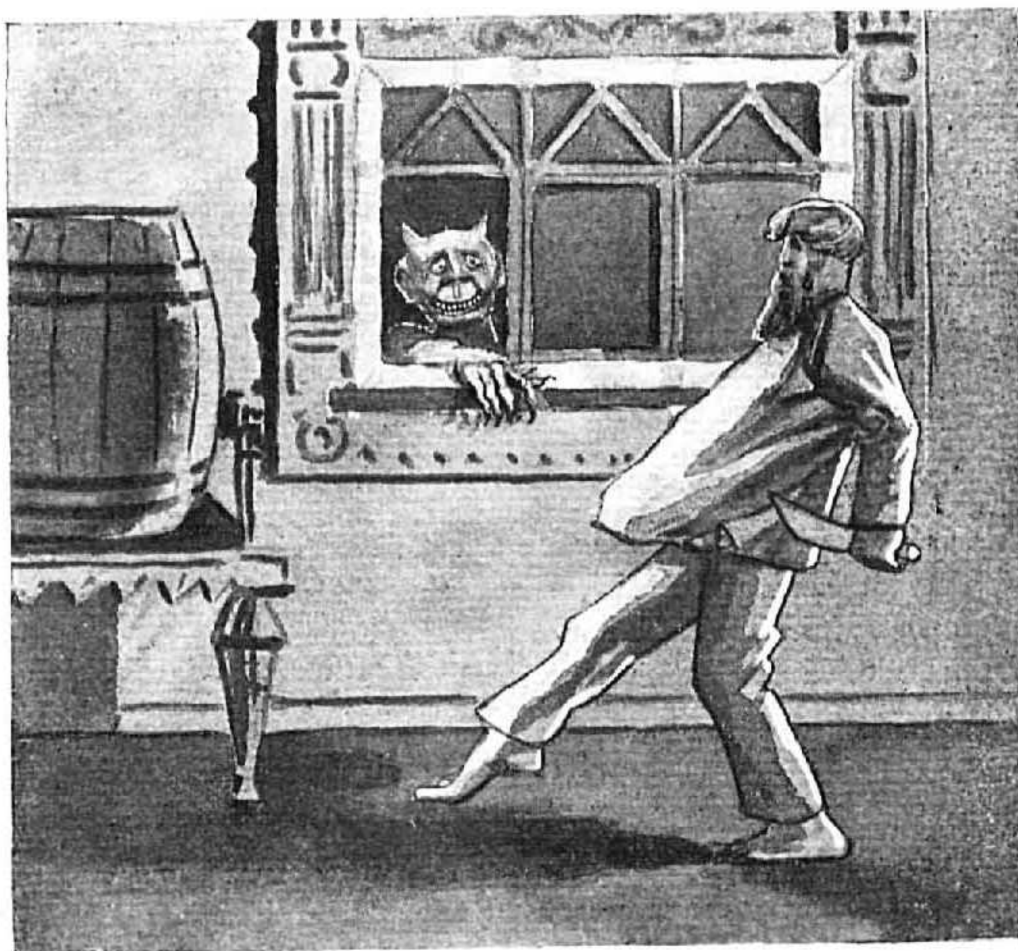
Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

негъ сколько нибудь.—Дать ей двѣсти рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: собралъ все, что дали свиньѣ, сѣлъ на лошадей и рѣшилъ: „идти мнѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на свѣтѣ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ.“ Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ— онъ воротился домой. И живутъ теперь всѣ они вмѣстѣ, да поживаютъ и добра наживаютъ.

Бочка съ золотомъ.

Между жителями Мегры есть преданіе о бочкѣ съ золотомъ, которую чертъ отнялъ у нѣкотораго богача, опустилъ ее на дно рѣки и прикрѣпилъ тамъ желѣзными цѣпями.

Въ осеннюю ночь кто то постучалъ подъ окномъ богача. Онъ отворилъ ставень и спросилъ, кто его безпокоитъ въ такую пору. Отвѣта не было. Богачъ уснулъ, но опять послышался стукъ. Мужикъ снова окликнулъ и снова было молчаніе. Вѣроятно, подумалъ онъ, меня хотятъ ограбить, а потому снялъ съ палки ружье, зарядилъ его пулею, намѣреваясь при малѣйшемъ шорохѣ, выстрѣлить въ вора. Только что успѣлъ онъ приготовиться, какъ опять послышался стукъ. Нѣтъ ужъ теперь кончено, подумалъ богачъ и выстрѣлилъ наудачу. Пуля со свистомъ прокатилась по улицѣ и въ тоже время подъ окномъ раздался ужасный хохотъ, отъ котораго у богача захолонуло сердце и самъ онъ затрясся какъ осиновый листъ. Торопливо онъ сталъ запирать окно, какъ глядь за окно держится мохнатая рука и не позволяетъ задвинуть ставень. Богачъ схватилъ ножъ, чтобъ отрѣзать мохнатую руку, а изъ подъ окна выставилось чудовище съ неподвижными оловянными глазами, съ чернымъ лицомъ. Чудовище приказываетъ богачу оставить безполезное намѣреніе, а выйти на улицу и слѣдовать за нимъ. Дѣлать нечего; надо повиноваться приказанію строгаго ночнаго посѣтителя. Чудовище схватило его за лѣвую руку и потащило за собой вверхъ по теченію рѣки. Долго они шли, наконецъ страшилище остановилось и сказало своему дрожащему товарищу: послушай товарищъ: у тебя есть бочка съ золотомъ. Я знаю, что ты ни за что не разстанешься съ ней. Чѣмъ пропадать сокровищу, по смерти отдай его мнѣ; вѣдь я тоже помогалъ тебѣ наживать его. Но смотри, если откажешься, то я сейчасъ же брошу тебя въ воду и будешь ты цѣлый вѣкъ жариться на сковородкѣ. Богачъ какъ не любилъ бочку, отдалъ, не желая умирать, согласился на предложеніе страннаго незнакомца. Ну, когда ты согласенъ, то завтра въ полночь я приду къ тебѣ за бочкой, теперь прощай. Чудовище юркнуло въ воду. Мужикъ смекнулъ, что велъ бесѣду съ чертомъ. На другой день стукъ, стукъ подъ окномъ. Мужикъ выглянулъ. Здорово пріятель! Я вѣренъ своему слову, вѣренъ ли ты? Вѣренъ чертышко,

Богачъ схватилъ ножъ. Рисунокъ В. Ткаченко.

Чартъ взвалилъ бочку на плечи. Рисунокъ В. Ткаченко

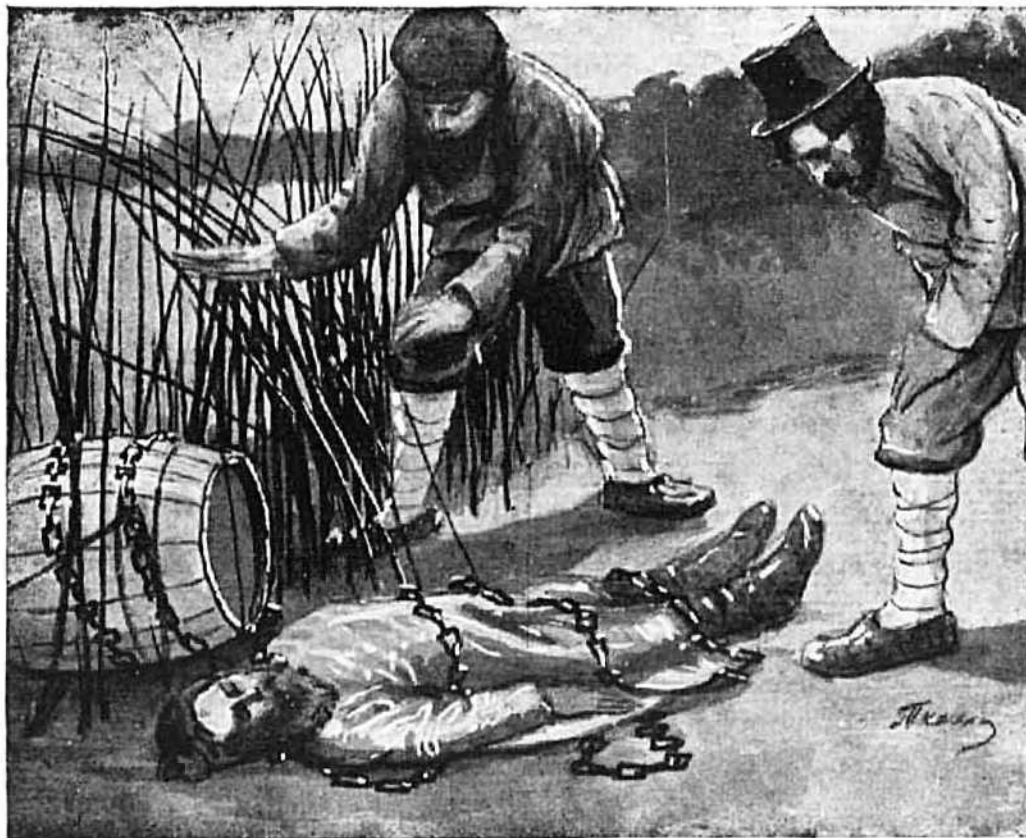
вѣренъ. Когда такъ, то подавай бочку и иди за мной. Чертъ взвалилъ бочку на плечи и понесъ. Богачъ шелъ за нимъ. По приходѣ на вчерашнее мѣсто, чертъ опустилъ бочку на землю, сходилъ на дно рѣки, вытащилъ оттуда двѣ желѣзныя цѣпи, опустилъ бочку и погрузилъ ее въ глубину рѣки, туда отправился и самъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ вышелъ изъ воды и подавая мужику горсть золота сказалъ: вотъ тебы за твою примѣрную вѣрность, но смотри никому ни слова о бочкѣ, а если чуть проговоришься, не миновать моихъ рукъ. Проговоривъ это, онъ нырнулъ и скрылся. Долго опечаленный мужикъ стоялъ на берегу рѣки и только съ восходомъ солнца оставилъ то мѣсто, гдѣ навсегда распростился съ дорогой бочкой. Возвратясь домой, онъ залился горькими слезами, глядя на пустое мѣсто, напоминавшемъ ему о любимомъ предметѣ. Съ этого времени мужикъ сдѣлался горькимъ пьяницей, тогда какъ прежде не бралъ въ ротъ ни капли хмѣльнаго. Сосѣди не могли надивиться на мужика, который изъ скряги сдѣлался кутилой и допытывались о причинѣ такой перемѣны и пожалуй не узнали бы, если бы онъ самъ не проболтался одному изъ своихъ пріятелей. Но что же изъ этого вышло? Въ одинъ день мужикъ, выходя съ пріятелями изъ кабака, повстрѣчался съ однимъ повидимому ему знакомымъ человѣкомъ, котораго началъ звать къ себѣ въ гости. Несмотря на позднее время, пріятели согласились на предложеніе добраго знакомаго и пошли за нимъ. Болѣе часа продолжался ихъ путь. Время въ раз-

Видитъ, что они стоятъ въ водѣ по колѣно.

Рисунокъ В. Ткаченко.

говорахъ шло незамѣтно. Вдругъ товарищъ богача зѣвнулъ и перекрестился. Видятъ, что они стоятъ въ водѣ по колѣно, а товарищъ его бредетъ дальше и наконецъ скрылся въ глубинѣ рѣки. На другой день богача нашли мертвымъ, опутаннаго цѣпями съ пустой бочкой на шеѣ и похоронили на томъ же мѣстѣ, гдѣ угостилъ его чертъ. Разсказываютъ, что на могилѣ богача бываетъ споръ о золотѣ. Богачъ упрекаетъ черта обманщика въ томъ, что послѣ угоще-

На другой день богача нашли мертвымъ. Рисунокъ В. Ткаченко.

нія отпустилъ его домой съ пустою бочкой, а золото пересыпалъ въ другую. Многіе послѣ того пытались достать бочку, но безуспѣшно. Разъ было какой то рыбакъ, въ отсутствіи черта, вытащилъ бочку на поверхность воды, но чертъ, узнавъ о похищеніи, подоспѣлъ изъ дальныхъ сторонъ и увлекъ бѣднаго мужика вмѣстѣ съ лодкой на дно рѣки. Послѣ того никто не смѣлъ ловить долгое время рыбу на томъ мѣстѣ, боясь черта, котораго однако видѣли въ то время, когда онъ сидя на камнѣ по срединѣ рѣки расчесывалъ волоса мѣднымъ гребнемъ, величиною въ сажень. Впрочемъ теперь на этомъ мѣстѣ ловятъ рыбу, не опосаясь черта, который вѣроятно со своей бочкой или переселился въ другое мѣсто, или тутъ же укрѣпилъ ее не на шутку, не боясь, что люди похитятъ ее.

Разсказъ крестьянина.

Шелъ одинъ мужикъ дорогой и дошелъ до крестовъ (въ мѣстахъ, гдѣ скрещиваются дороги или раздвояются ставятся деревянные кресты). На крестахъ то и увидѣлъ онъ палку, да и взялъ подпираться. Только ште енъ до палки дотронулся, какъ увидѣлъ трехъ бѣсенковъ. Ени у мужика то и спросили: „чего тебѣ нужно господинъ?". Мужикъ какъ испугался и бросилъ палку. А это ка-

Крестьянинъ неожиданно увидѣлъ трехъ бѣсенковъ.

Рисунокъ В. Малышева.

кой нибудь колдунъ не могъ совладать съ бѣсами, да и насадилъ ихъ на палку и бросилъ ее на кресты; а биси то отъ палки ужъ не отойдутъ. Знаешь ты какъ биси-то колдуновъ то мучатъ? Ени постоянно торшатъ ево (безпокоятъ) все работы просятъ. Колдуны имъ и даютъ работу. Возьмутъ маленку риси да симя (льнянаго сѣмя) свалятъ въ одно мѣсто и велятъ разобрать све порознь. Ени это все сдѣлаюъ въ полчаса. Нѣтъ такъ колдунъ дастъ имъ вить веревку изъ песку. Ени ужъ вьютъ, вьютъ, совсѣмъ совьютъ, понесутъ, веревка то и разсыплется, и давай опять вить. Да та (до тѣхъ поръ) ени вьютъ эту веревку, пока колдуну не понадобятся. Ени все дѣлаютъ, чево только колдунъ не прикажетъ. Одинъ

лѣнивый колдунъ заставилъ чертей-то овинъ молотить. Вотъ ени и пошли молотить то ночью. И такъ все измолотили, што и соломы обирать не надо; все мекиной сдѣлали.

Въ Шаймѣ (деревня Погорѣльской волости Бѣлозерскаго уѣзда) былъ колдунъ, Степаномъ звали (онъ пользовался обширной извѣстностью: лечилъ наговоромъ испорченныя свадьбы, скотъ, давалъ огороды пастухамъ—словомъ былъ знаменитый колдунъ). Енъ этта разъ напился пьяный, сѣлъ въ сани и зарыкалъ бисямъ-то: „сани вы сани, катитеся сами". Сани и покатились.

Знаменитый колдунъ Степанъ. Рисунокъ В. Малышева.

„Роковой человѣкъ".

Стоели мы на судахъ въ Рыбной (Рыбинскѣ). Дѣло то было около Петрова дня. Стоимъ мы разъ на палубѣ и видимъ ште хто то, какъ выскочитъ изъ воды, а потомъ о воду какъ хлопнется и скажетъ: „Есь (есть) рокъ да человѣка нѣтъ". И это сказалъ три раза. Дня три все такъ высовывался и говорилъ. На четвертый то день ходили по берегу три прикашшика. Вотъ одинъ прикашшикъ и говоритъ: „Робята, я выкупаюсь", и сталъ разоблакаться. Дру-

гіе прикашшики стали ево отговариват и говорили, што чертъ недавно дѣковался (издѣвался). Но енъ говоритъ, што ему стаетъ тошно и што енъ больше не можетъ терпить жары. И разоблокса (раздѣлся). Прикашшики не опустили ево въ воду, а взели ведро да и облили ево водой. Онъ тутъ же и умеръ.

Вотъ што значитъ роковой то человѣкъ.

Взяли ведро и облили водой, онъ тутъ же и умеръ.

Рисунокъ В. Малышева.

Нашла коса на камень.

Пошли мы разъ въ путину. Насъ было человѣкъ пятокъ. Только што за свою то деревню вышли, погналъ одинъ старикъ отъ Покрова (мѣстность въ 20 вер. отъ Никановской), который тоже шелъ въ путину. Стали подходить ужъ мы подъ городъ, Покровской старикъ и сказалъ намъ: „Вы посидите, робята, тутъ маленько, а я пойду у этого пастуха задавлю самую лучшую корову". Мы и присили отдохнуть, а енъ пошелъ за кустовье. Погледимъ въ ту сторону, куда мужикъ — отъ ушелъ, и видимъ, чито изъ кустовъ валитъ (идетъ страш-

Идетъ страшной медвѣдище, да прямо и въ стадо.

Рисунокъ В. Малышева.

ной медвѣдишшо, да прямо и въ стадо. А пастухъ сидитъ на пенькѣ, вяжетъ лапоть и не поглядитъ, што медвидь идетъ. Медвидь зашелъ въ стадо и давай соваться въ коровъ. Совался, совался, ничево не могъ сдѣлать; такъ и пошелъ въ кусты опеть. Немного помапили (подождали) мужичекъ къ намъ и пришелъ. „Нѣтъ", говоритъ, „робята: я хитеръ, а пастухъ ушшо хотряе меня, вѣдь всѣхъ коровъ пеньками сдѣлалъ. Какую ни хвачу, все пенекъ, али зубамъ тошно стало.

О домовомъ, водяномъ, лѣшемъ.

„Сплю я на лежанкѣ. Въ головахъ у менѣ ничего не было. Пришелъ ко мнѣ тятя и будитъ меня съ лежанки: „Таня, Таня, пусти—тко миня, дѣвушка, на лежанку." Я пробудилась, ему и говорю: „Тятя, да у меня вѣдь въ головахъ-то нѣтъ ничево." А онъ и говоритъ: „а вотъ у меня своя подушка есь." Я погляжу, а енъ и вбыль съ подушкой стоитъ. Я слѣзла са лежанки. „Ну, говорю коли есть подушка, такъ ступай и ложись."

Ну, говорю, коль есть подушка, такъ ступай и ложись.

Рисунокъ В. Малышева.

Енъ и легъ. Я тово же часу въ горницу сошла; а тятя спитъ на постели. Тутъ я и подумала, што это былъ домовой.

Призывъ домоваго при пореходѣ изъ стараго дома въ новый: „Батюшко, хозяюшко, здись оставайся и туда пойдемъ.“

Разсказъ о рыбакѣ.

Поѣхали мы съ братомъ Пешкой удные пускать. (Удные — ловушка для рыбы: къ шнуру саж. въ двѣсти длиною привязываются на разстояніи сажени другъ отъ друга крючки металлическіе, съ насаженными на нихъ раками, рыбою или другою наживою; ловушка опускается на дно озера на сутки и болѣе). На середину—то озера выѣхали, Пешка то и говоритъ мнѣ: „што кабы намъ на праздникъ—отъ рыбы то попало хоть побольше.“ Я и сказалъ ему: „Богъ дасъ, такъ и попадетъ.“ А енъ мнѣ въ отвѣтъ: „да ужъ Богъ, ковды чертъ не насадитъ, такъ безъ рыбы и уйдешь.“ Только што сказалъ енъ это, какъ изъ

воды выскочитъ что то бѣлое и давай о воду хлопаться. Мы оба испугались, да дѣлать нечего: надо удные пускать. Опустили и поѣхали домой. На другой день пріѣхали вынимать, какъ вынели, да поглядимъ, такъ скажи, хоть одна удочка есь; всѣ чертъ оторвалъ. Вотъ какъ онъ обдѣлалъ насъ.

Голько что сказалъ онъ это, какъ изъ воды выскочитъ что то бѣлое и давай о воду хлопаться.

Рисунокъ В. Магышева.

Разсказъ о колдунѣ.

Захотѣлось одному мужику съ лѣшимъ знаться. Вотъ енъ и пошелъ къ колдуну и разсказалъ, што ему тоже охота быть колдуномъ. Колдунъ и повелъ ево въ лѣсъ знакомить съ лѣшимъ—то. Какъ пришли въ лѣсъ—отъ, и стали у одные большіе ели. Колдунъ—отъ и говоритъ мужику: смотри, ты, братана, не убойся, какъ придетъ къ намъ лѣшій—отъ. — „Ладно", говоритъ, „не испугаюсь." Вотъ колдунъ и свистнулъ горазно—горазно. И пошелъ вихорь большой — большой, што ели вершковъ по шести толщиной такъ и гнетъ къ землѣ. А вихремъ то лѣшій шелъ. Вотъ енъ и сталъ предъ колду-

номъ, какъ человѣкъ. Носбодился енъ въ бѣлую рубашку, въ лапти; волосье—то на головѣ долгое—долгое; а все эдакъ растрепалось, какъ холмина; а самъ — отъ большой — пребольшой. И спроситъ енъ у колдуна: „чево тибѣ надо отъ миня?“ А колдунъ ему въ отвѣтъ: „Да вотъ я къ тебѣ, чарь лѣсной, привелъ знакомить человѣка.“ Лѣшій поглядѣлъ на мужика, да и говоритъ: „Это мнѣ не знакомый . . . чево изъ нево выйдетъ какъ енъ боится вихря.“ А мужикъ такъ испугался, што на травѣ совсѣмъ безъ памяти. Такъ енъ и не сдѣлался колдуномъ.

Лѣшій поглядѣлъ на мужика да и говоритъ. „Это мнѣ не знакомый... чево изъ него выйдетъ какъ онъ боится вихря.“

Рисунокъ В. Малышева.

Разсказъ о чертѣ.

Ловили мы зимою маленькимъ тагасомъ по маленькимъ озерышкамъ. Вотъ и пріѣхали на одно хлухое озеро (глухимъ озеромъ называется такое, которое не имѣетъ сообщенія съ другими озерами). Мужики—то намъ тамошніе говорили: „Смотри ребята, ловить то ловите, да опасайтесь; тутъ вѣдь шутитъ горазно.“ А мы ни

чево и не опасались; по озеру то ходимъ, такъ ревомъ и ревимъ. Тоню закинули и вытянули, клюшить стали. И такъ у насъ тяжело идетъ, такъ хоть плачь. Думали што ятва попала. Какъ вытащили то матицу всю на волю, да

И думали што ятва попала. Рисунокъ художника В. Малышева.

погледимъ, такъ скажи хоть бы одна живая есть: все виника, полную матицу такъ и напихалъ водяной. Хозяинъ у насъ Ондрiй покойничекъ, такой шутникъ былъ. Енъ и забранился: „глухая ты собака, проклятый чертъ. Гдѣ ты такую охинею и виниковъ — то взялъ?" Ладили ужъ совсимъ съ озера уѣхать, да мужики нѣкоторые отговорили: „давайте, говорятъ, робята, ушшо—то (еще-то) тоньку закинемте." Маленько подались впередъ отъ этыя тони—то, на и закинули. Пока и тони всiя не вытянули, такъ все шепоткомъ говорили. И на этотъ разъ тоня тоже тяжело шла. Какъ дошли до матицы, и навалила сорога (плотва). Насилу ужъ тогда мы матицу выташшили изъ воды. Такъ вѣдь полная матица и попала товда сороги."

Разсказъ.

Пошли мы этта разъ косить съ батькомъ (съ мужемъ). Батько ушелъ впередъ, а я осталась назади. Замужемъ то я жила первый годъ: ни полей, ни луговъ не знала. Батько такъ ли идетъ впередъ ходко, што я не могу и догнать. Я ужъ бѣжала, бѣжала за нимъ, да минѣ ужъ толенько стало (толенько—досадно, тяжело). Я и рыкнула: „дожидайся". А енъ минѣ сказалъ: „иди скоряе то." Дѣлать нечего ужъ минѣ: я такъ все поле за нимъ бѣгомъ и пробѣжала. Ходко ужъ саосичье (заочѣсье — отъ словъ: за осѣкомъ, за полемъ—заполье) пойдетъ, а енъ все бѣжитъ. Я ужъ, грѣшная, молиться стала ему, чтобы потихоньку шелъ-то. Вдругъ хто-то въ лѣсу спросилъ со смѣхомъ: ково ведешь-то?" А енъ какъ схахаетъ: ха-ха-ха-ха, ково ведешь? Параню. Какъ сказалъ это слово, такъ и сдѣлался большой пребольшой и пошелъ по лѣсу, а самъ все хахаетъ, да ладонями хлопаетъ. Я вижу, што миня лѣшій обвелъ, и пошла къ дому. Иду, и сама все по сторонамъ гляжу, думаю, не увижу ли гдѣ батька (мужа). Къ деревнѣ ужъ стала подходить . . . Погляжу, а батька ужъ лугъ докашиваетъ.

Я вижу, что меня лѣшій обвелъ. Рисунокъ художника В. Малышева.

Цѣлебный ключъ.

Въ двухъ верстахъ отъ деревни Никановской находится ключъ, на низменной мѣстности, въ верстѣ отъ Лазско-Азатскаго озера, съ которымъ соединяется небольшимъ ручьемъ. Въ ключъ вмѣсто обруба вставлена бездонная кадка, около аршина въ діаметрѣ; вода въ немъ чистая, прозрачная, пріятная на вкусъ. Вблизи ключа стоитъ ель. На вѣтвяхъ ея почти всегда можно встрѣтить крестики, пояса, рубашки и другія мелкія вещи — это дань ключу отъ больныхъ за его цѣлительную воду, которую берутъ для окачиванія страждущихъ. По мнѣнію жителей окрестныхъ деревень, вода этого ключа имѣетъ удивительное свойство: послѣ окачиванія ею больной или скоро выздоравливаетъ, или умираетъ. Вотъ что мы записали со словъ крестьянки деревни Никановской Анны Федоровой Ераковой, 60 лѣтъ отъ роду:

Когда идешь на ключъ за водой, то надо ни съ кѣмъ не говорить. Кто встрѣчу попадетъ, надо ничего не спрашивать, не сказывать. Сойдешь на ключъ, помолишшо на всѣ четыре стороны.

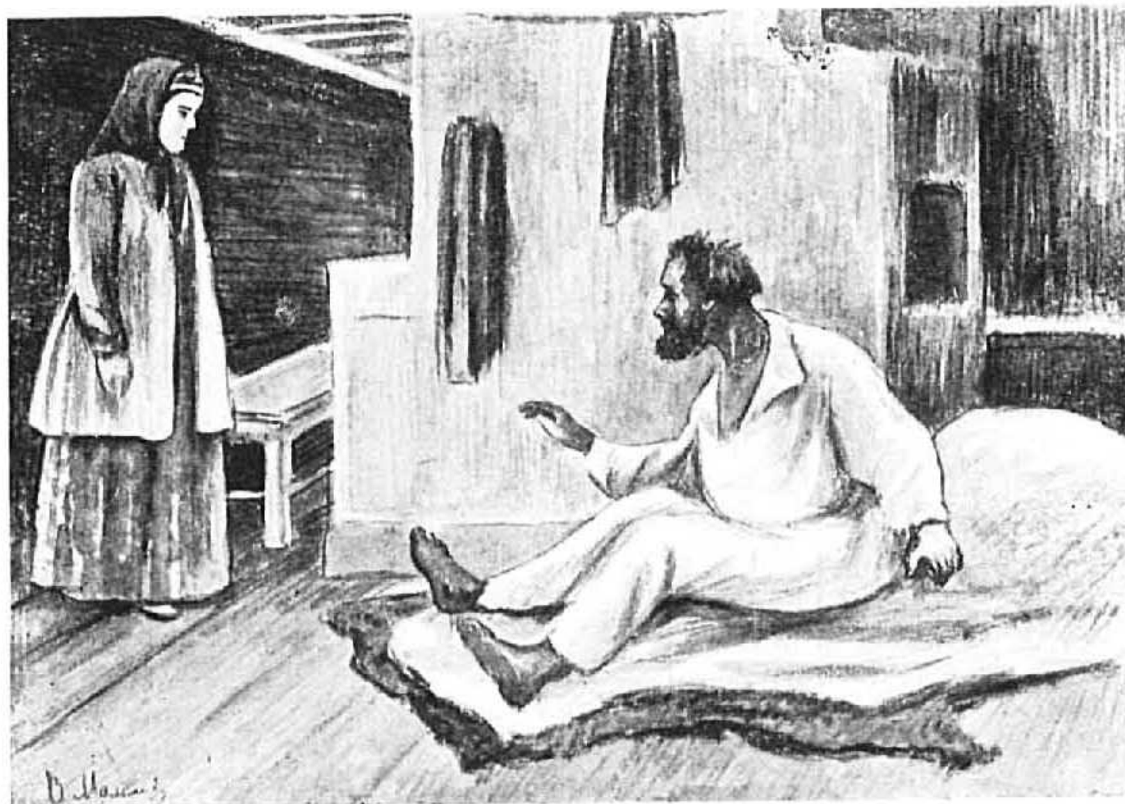

Цѣлебный ключъ. Рисунокъ В. Малышева.

Возьмешь съ больнаго хоть крестикъ или чево нибудь другое и повѣсишь на елочку. Кто буди этого ключа не узнаетъ, тотъ буди не ходитъ за водой. Всѣмъ ходятъ: и старымъ и малымъ. Придутъ за водой, какъ задумаются: на живое али на мертвое. Какъ на живое (къ выздоровленiю), воды ча стоитъ какъ стеклышко, свѣжая; какъ на мертвое (къ смерти), такъ ключи забьютъ: завыскакиваетъ оттуда съ пескомъ. Ковда черпаютъ воду говорятъ: „Чарь водяной, чарь земляной, чарица водянная, чарица земляная, дай мнѣ водычи на доброе здоровье рабу Божьему (имя больного)". И зачерпываютъ воды въ ведерочко.—

Какъ приходила умершая жена.

Лежу этта я разъ вечеромъ на полу. Ушшо (еще) ночи то немного было, только што стемнало. Вдругъ хто-то въ воротахъ кольнулъ. Въ воротахъ то прошелъ, да и въ избу идетъ. Въ избу-то зашелъ, да и уперся въ воронечъ-то (балка, на которой держатся полати), да и стоитъ. Я и спросилъ: Хто такой пришелъ то?" А енъ мнѣ и сказалъ: „Я Васильюшко". Я такъ и оммеръ: поднялся эдакъ маленько, да и гляжу да и увидалъ, што вбыль стоитъ хозейка. На-

Приподнялся немного, гляжу стоитъ моя хозяйка.

Рисунокъ В. Малышева.

дзобилась въ казачинъ, въ бороздатый сарафанъ, на головѣ красной платокъ и кукошникъ съ бѣлымъ позументомъ. Я грѣшной не робкой: осмѣлился и спросилъ у нея: „зачѣмъ ты сюда пришла то?“ А ена мнѣ въ отвѣтъ: „какъ зачѣмъ пришла?“ провѣдать то думаю васъ надо вѣдь?. Я ничево не испугался, говорю съ ней. Опять и сказалъ ей „куда свезена, такъ поди съ Богомъ, а намъ съ Фенькой (дочкой) и безъ тебѣ жить хорошо“. Она мнѣ и сказала опеть „Ну ужъ ковды посылаешь, такъ я и пойду“. Какъ ужъ вышла за ворота то да ушшо подъ окошкомъ то сказала: топерь ужъ я больше къ тебѣ не приду, топерь ужъ ты ко мнѣ иди“. Какъ она то ушла и возьми меня страхъ: дрожу то такъ, самъ такъ отъ постели-то и отскакиваю, а волосье все стало дыбомъ. Всю ночь на постели провертѣлся, насилу до—утра дождался.

О порчѣ на свадьбахъ.

Женился разъ богатый мужикъ. Во свадьбѣ то у жениха и у невѣсты было по колдуну. Ѣдетъ отъ винченья (вѣнчанія). Вотъ нивистинъ отъ колдунъ да и вздумалъ пошутить надъ жениховымъ. Вдругъ у жениха лопнула дуга. Всѣ за-

О порчѣ на свадьбахъ. Рисунокъ В. Малышева.

бѣгали засуетились. Колдунъ отъ жениха и говоритъ: „стой робята, не трожьте ничево: я все сдѣлаю". Взялъ жениховъ-отъ колдунъ у всѣхъ пояса, связалъ ими дугу, запрягъ и сказалъ: „какъ эта дуга гнется и скрипитъ, такъ гнись у колдуна спина и скрипи". Вотъ нивистина колдуна съ тыя поры и закоробило. Пріѣхали домой. Колдуну такъ тошно и стаетъ. Подходитъ енъ къ женихову колдуну да прямо ему и въ ноги: „Батюшко, родной, говоритъ, развяжи, Христа ради и дугу, штобы я больше не маялся". — Нѣтъ, говоритъ тотъ, ковды ты такъ сдѣлалъ, такъ и пускай тебя коребитъ всю свадьбу". Такъ енъ и не развязалъ, пока свадьба не прошла.

О чертяхъ.

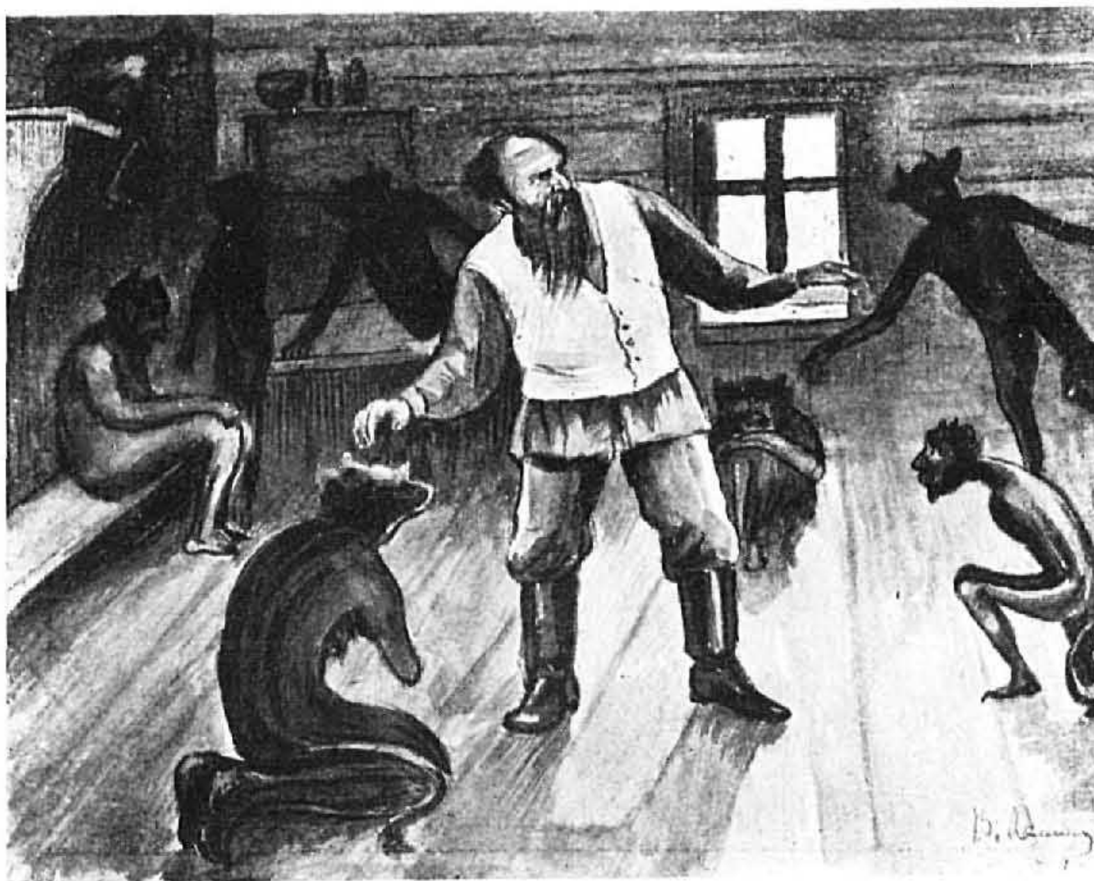
Черти были у Аксіона Парамонова (крестьянина деревни Балахтины Воздвиженской волости). Они родятся изъ чего-то. Оми ево то и мучатъ: „давай, говорятъ, работы." Онъ мучился, колѣнкамъ такъ и притянетъ къ груди. Это было на бисидѣ, годовъ пятнадцать прошло ужъ. Онъ не могъ распорядиться: онъ значитъ, опьянѣлъ, а они у нево работы просили. Пошлетъ на елкѣ

Работы требуютъ. Рисунокъ В. Малышева.

иголки (хвои) считати, а они сосчитаютъ скорехонько; опеть и придутъ, опеть и просятъ работы. А опеть пошлетъ ихъ на осинѣ лисье считати, а они скорехонько опеть и сосчитаютъ: на осинѣ то больше бьются што-што ихъ листьевъ меньше, нежели иголокъ на елкѣ: вѣтромъ ихъ сгибаетъ и шевелитъ. Ну, онъ потомъ и отправилъ ихъ на озеро: „заливайте, говоритъ, колъ" (выше уровня поставленный). Вотъ они не могли залить то. Я говорю: „вѣдь опеть они скоро сдѣлаютъ и придутъ." А онъ говоритъ: „нѣтъ ужъ не скоро придутъ: петатца будутъ сутки — двое." А какъ опеть придутъ, онъ опеть и дасъ имъ чурбанъ осиновый тянуть. Онъ отсѣчетъ его короче на полъ аршина себя (своего роста) и велитъ имъ вытянуть съ него. Они петаютца сутки не одни, не могутъ вытянуть. И опеть просятъ работы. Онъ опеть заставитъ ихъ веревку вить изъ песку. Опеть сутки двое петаютца.

Мы видали много разъ: онъ намъ казалъ ихъ (чертей). „Я, говоритъ, сейчасъ клинку своихъ ребятъ, такъ сейчасъ и явятся." Въ избѣ и на улицѣ видали. Яна вѣку человѣкъ у трехъ видѣлъ эдакихъ, право страшно: маленькіе, востроголовые такіе, съ кошку то будутъ; на двухъ ногахъ ходятъ. (На вопросы: какое лицо у чертей: есть ли рога, копыта?—разсказчикъ не далъ опредѣленнаго отвѣта). Лицо—Богъ ее знаетъ—я не глядѣлъ . . . ни на какое не похоже лицо . . . сами голые, черные, руки коротенькія — этонія вотъ, все равно какъ у собаки лапа вотъ. Я немного и глядѣлъ ихъ—страшно было: напустилъ ихъ цѣлую избу на бисидѣ;

Напустилъ ихъ цѣлую избу. Рисунокъ В. Малышева.

лѣзутъ на лавки, на полки, вездѣ . . . Всѣ дѣвки убѣжали изъ избы. Были они (черти) въ избѣ около часа . . . Всѣ хахали надъ нимъ.

Въ пречистую (престольный праздникъ) онъ (Аксіанъ Парамоновъ) былъ пьянъ, а я то не пью . . . А пошли мы тутъ въ другую деревню, ну всего какъ съ версту, ну да въ одномъ полѣ. А онъ же самъ и говоритъ: „смотри-тко, робята, какъ поросятокъ то бѣжитъ." А мы знаемъ, что онъ ужъ это сдѣлалъ. На лугу мы видѣли маленькихъ свинокъ множество, какъ черныхъ кочекъ: востроухіе всѣ, не пищатъ, ничево . . . ушки какъ у зайчика—въ одно мѣсто сложены. Всѣ опеть скоро куда то дѣвались.

Онъ (Аксіонъ Парамоновъ) Богу не молился, не гавливалъ никогда.

Нашей барынѣ, Прасковьѣ Николаевнѣ онъ давалъ ихъ (чертей): „возьми, говоритъ, парочку — самчика и самочку. Тебѣ, говоритъ, съ парой веселѣе будетъ" — „Нѣтъ, говоритъ, мнѣ одного дай." Одного онъ не даетъ. Одного возьмешь, такъ одинъ и будетъ, приплоду не будетъ.

Возьми говоритъ парочку.—Самчика и самочку.

Рисунокъ В. Малышева.

Особенно его (Аксіона Парамонова) донимаетъ кривой (чертъ) покою не даетъ, все безъ дѣла не можетъ быть, все работы проситъ.

Случается: женщина родитъ ребенка, и его не могутъ ни накормить, ни напоить: все проситъ (ѣсть и пить). Потомъ человѣка найдетъ (знахаря), поворожитъ—только изъ зыбки (люлька) одна вода выльется, а въ зыбкѣ останется головенька или чурбачекъ. Да вотъ въ Пушкинѣ (деревня Чуриновской волости) мальчикъ до десяти годовъ жилъ, по караваю за—разъ хлѣба ѣлъ Нашли человѣка, поворожилъ—осталась въ зыбкѣ одна головенька. Это ужъ я засталъ (т. е. я уже существовалъ на свѣтѣ), былъ малолѣтомъ (малолѣткомъ.

Демонъ во время грозы

у моего тестя просился въ пазуху. Вотъ это я вамъ все скажу. Пускай хоть Анкудимъ Алексѣевичъ (мѣстный учитель) спроситъ у дѣтка моего, такъ онъ скажетъ все. Вотъ што: тесть мой пахалъ въ полѣ. Бѣжитъ мальчикъ около десяти лѣтъ: „пусти, говоритъ, дѣдушка, меня въ пазуху отъ дождичка." А онъ (тесть) ученый и слыхалъ раньше эту статью. „Нѣтъ, говоритъ, я тебя не пущу." Онъ ужъ у него вездѣ просился. „Нѣтъ, говоритъ, не пущу:

Демонъ во время грозы. Рисунокъ В. Малышева.

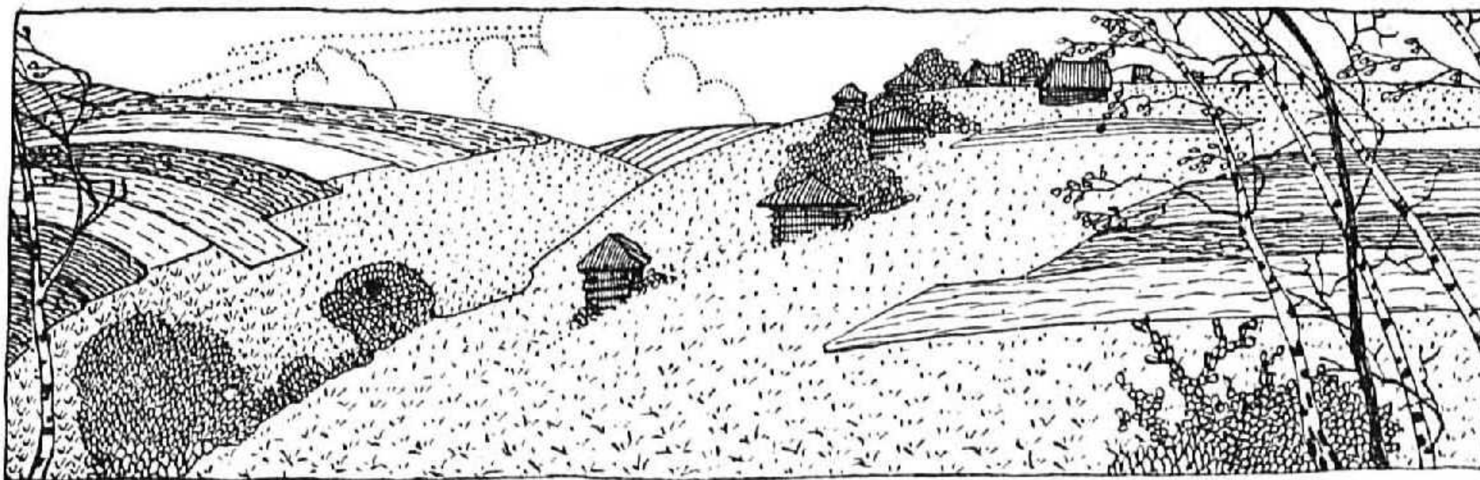
иди подъ деревенку стань," говоритъ. Онъ пошелъ, Деревенку то всю исщепало, во—мелы такъ и взяло (разбило на мелкія части). Вѣдь тоже былъ нечистый духъ: если бы человѣкъ онъ былъ, да ево бы громомъ убило, было бы тѣло; а тѣла то не было. Значитъ кто-же какъ не нечистый духъ?

Шли два брата дорогой, несли оба по ста рублей. Старшій братъ и говоритъ: „Слава Богу; намъ сколько Богъ надсобилъ добыть." Ну а младшій братъ и говоритъ: „какой тута Богъ . . . кабы сами не добыли бы, гдѣ бы Богу подсобить добыть." Ево бѣсъ—отъ и подтыкаетъ: „говори, что сами добыли, Богъ не подсоблялъ." Старшій братъ и говоритъ: „пусь какой человѣкъ настричу попадетъ, спросимъ, говоритъ: Богъ подсобилъ добыть, али безъ Бога добыли? Чья правда, тому и деньги".—Этотъ бѣсъ и вывернулся имъ встричу, оказался человѣкомъ. И спрашиваетъ младшій братъ: „скажи прохожій человѣкъ, сами ли добыли деньги али Богъ подсобилъ?" Енъ и говоритъ: какой тута Богъ говоритъ, гдѣ Богу добыть". Вотъ и пошли опеть дорогой: „ну, говоритъ, до другово, пусь встричу". Енъ бѣсъ, опеть маленько попошелъ, да и вывернулся опеть встричу. Старшій братъ опеть и спрашиваетъ, говоритъ: „прохожій человѣкъ, скажи: которая правда, безъ Бога ли мы добыли, али Богъ подсоблялъ?" Бѣсъ и сказалъ: какой тута Богъ, говоритъ". Старшій братъ сто рублей отдалъ младшему. Идутъ дорогой опеть.

Три бѣса. Рисунокъ В. Малышева.

Вышли на лужокъ. Тутъ бѣжитъ рѣчка глубокая, быстрая. Этотъ бѣсъ младшаго брата и перевезъ, а старшаго не перевезъ: денегъ нѣтъ. Старшій братъ забрался подъ лодку,—на берегу перекувырнута лежала. Младшій братъ сошелъ въ трактиръ, тамъ въ трактирѣ енъ запился до смерти. Старшій братъ лежитъ подъ лодкой да и думаетъ: „совсѣмъ задавиться". Три бѣса и скопилися, на эту лодку и сили, и говорятъ промежъ собой: одинъ бахвалится: „я утресь, говоритъ, былъ у обѣдни. Вышелъ попъ изъ царскихъ дверей. Я ево разсмѣшилъ; онъ, говоритъ, какъ схахаетъ... и чаша съ головы спала; тутъ, говоритъ, и съума сошелъ; теперь говоритъ, сидитъ на цѣпи. Попадья, говоритъ, рада сколько хочешь денегъ дать, лишь бы вылечилъ. А попа, говоритъ, не вылечить, пока то мѣсто, куда чаша то пала, не выскоблять, да въ воду не складутъ: а въ водѣ то настоятся стружки то; этой водой то ево спрыснуть, потомъ напоить, ему легче и будетъ". А другой бѣсъ и разбахвалился: „Хозяинъ положилъ не благословясь деньги, на полку. Я, говоритъ, взялъ, да подъ ступу, подъ вѣники и положилъ. А невѣсткѣ, говоритъ поживу нѣтъ, что она, говоритъ, деньги унесла". А третій бѣсъ и разбахвалился: „Я, говоритъ, двухъ братьевъ дорогой смутилъ". И разсказалъ все какъ было. И разошлись опеть бѣсы. День насталъ. Енъ (старшій братъ) и перебрался за рѣку. И сошелъ къ этому хозяину, гдѣ деньги то потерялись. Зашелъ въ избу. У него и стала невѣстка кучиться: „Дядюшка, не знаешь ли, прохожій человѣкъ, маленько поворожить? у насъ, говоритъ, деньги потерялись". А енъ и сказалъ, знаю говоритъ, небольшое дѣло".—„Такъ, дядюшка, поворожи-тко маленько". Ему дали карты. Енъ раскинулъ: „Да дома, говоритъ, у васъ деньги то"... А самъ и карты не знаетъ какія, какая карта называется какъ. „У васъ на дворѣ есь опекальная ступа?" Енѣ говорятъ: „еся". „Ну, такъ говоритъ, тамотко валятся (карты валятся, т. е. раскладываются такъ, что показываютъ, будто бы деньги подъ ступой). Хозяинъ и сбѣжалъ туда подъ ступу поглядѣлъ, а и вбыль деньги то тута. Енъ взялъ и далъ мужику денегъ то на дорогу. Мужикъ и пошелъ— гдѣ попъ сронилъ чашу. Заходитъ въ домъ попадьѣ. Говоритъ, попадья; „Прохожій человѣкъ, не знаешь ли чего пошептать (поворожить). Енъ говоритъ, знаю маленько". Енъ и сталъ метати. Пометалъ (карты) и говоритъ: „У васъ видно попъ сронилъ чашу передъ царскими дверями?" Взялъ посудину стеклянную да и пошелъ туды въ церковь скоблить полъ. Передъ царскими дверями выскоблилъ, въ бутыль спихалъ эти стружки, воды налилъ; постояла вода сутки; да и спрыснулъ ево (попа) напоилъ ошшо (еще) ему легче и стало. Попадья дала ему сто рублей. Енъ и пошелъ домой. Ну и попъ сталъ совсѣмъ служити.

Сказка-присказка еловая подмазка, еловъ приснецъ заломилъ хвостецъ, побѣжалъ въ кустецъ по пироги, по шанежки, по лукъ, по чеснокъ, по рябиновый батогъ.

Воздушный голубь.

Въ нѣкоторомъ столичномъ городѣ жилъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ деревни и занимавшійся плотничей работой и въ послѣднее время сдѣлавшійся мебельщикомъ. Онъ прожилъ здѣсь лѣтъ двѣнадцать и составилъ большой капиталъ.

Этотъ мебельщикъ любилъ ходить въ хорошія гостинницы, гдѣ весело и хорошо проводилъ время.

Въ одинъ прекрасный вечеръ заказалъ полторы бутылки разнаго вина и кой-чего изъ съѣдобнаго на закуску.

Въ ту же гостинницу пришелъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, ужасно гордый, и увидавъ, что мебельщикъ имѣетъ полторы бутылки, онъ сѣлъ противъ его за столъ и заказалъ цѣлыхъ три бутылки разнаго вина.

Мебельщикъ, видя это и зная, что золотыхъ дѣлъ мастеръ богаче его, разсердился и, стукнувъ по столу, приказалъ прислугѣ подать ему полдюжины бутылокъ разнаго вина.

Гордость не позволила золотыхъ дѣлъ мастеру равнодушно перенести поступокъ мебельщика и онъ, обратясь къ нему сказалъ:

— Какъ ты осмѣливаешься богачѣе меня пировать? Ты мастеръ работать топоромъ и можешь выработать одинъ

рубль въ день, а я всячески могу выработать три рубля въ день.

А деревянныхъ дѣлъ мастеръ на это ему въ отвѣтъ:

— Послушайте, добрый человѣкъ: трактирный домъ вольный, не спрашиваетъ ни бѣднаго, ни богатаго, а спрашиваетъ гуляку. У насъ же и послѣдняя копѣйка полетай вверхъ орломъ.

Въ концѣ концовъ у нихъ произошелъ скандалъ и они перебили посуду на столахъ. Тогда содержатель трактира потребовалъ полицію, чтобы отправить пьяныхъ буяновъ для вытрезвленія въ часть и утромъ взыскать съ нихъ за перебитую ими посуду на столахъ.

Мастеровые хотя и вытрезвились, но другъ противъ друга въ душѣ питали злобу.

По поводу ихъ виновности въ учиненномъ имъ скандалѣ и относительно взысканія убытковъ за перебитую посуду,—произведено было частнымъ приставомъ дознаніе. Но такъ какъ приставъ былъ не сердцевѣдъ, то, понятно, не могъ узнать, кто изъ нихъ былъ истиннымъ виновникомъ въ происшедшемъ и съ кого надлежало требовать за уничтоженную посуду. А поэтому дѣло было передано самому полиціймейстеру. Но и полиціймейстеръ, подобно частному приставу не могъ также добиться правды и установить, кто изъ нихъ дѣйствительный виновникъ.

Отъ полиціймейстера дѣло было направлено къ самому правителю города, который очень долго тянулъ это дѣло, но такъ же, какъ и первые два, не могъ узнать кто правъ и кто виноватъ, и въ концѣ концовъ правитель вынужденъ былъ передать это дѣло для разбора синклиту, чтобы послѣдній—праваго оправдалъ, а виновнаго обвинилъ.

Когда собрался синклитъ, то одинъ изъ членовъ его обратился къ предсѣдателю со словами:—„Судить ихъ нужно по издѣлію".

Предсѣдатель подошелъ сперва къ золотыхъ дѣлъ мастеру и спросилъ его:

— Что ты мнѣ можешь сработать?

— Утку съ двѣнадцатью цыплятами. По вашему приказанію я могу пойдти въ вашъ роскошный садъ, гдѣ находится громадный прудъ и, не дойдя до него, открою золотую шкатулку, изъ которой вылетитъ золотая утка и, облетѣвъ роскошный садъ, опустится въ прудъ и начнетъ плавать, изъ нея выскочутъ двѣнадцать цыпленковъ, которые тоже станутъ плавать по пруду. Цыплята поплаваютъ, поплаваютъ и соберутся къ матери подъ крылышко. Потомъ утка спорхнетъ и улетитъ опять въ шкатулку, а цыплятъ я самъ посажу.

Предсѣдатель синклита спросилъ золотыхъ дѣлъ мастера о стоимости его издѣлія.

— Матеріалъ стоитъ триста рублей, а за работу не спрашиваю,—отвѣтилъ онъ ему.

— А сколько времени потребуется вамъ для изготовленія вашего издѣлія.

— Одинъ мѣсяцъ.

Послѣ этого предсѣдатель подошелъ къ деревянныхъ дѣлъ мастеру, стоявшему съ поблеклымъ лицомъ и дрожащими руками, и спросилъ его,

— А вы, что можете сработать?

— Я могу сработать вамъ воздушнаго голубя, съ которымъ, по вашему приказу, явлюсь въ вашъ роскошный садъ, откуда могу подняться на голубѣ въ воздухъ, подобно птицѣ, и летѣть, по желанію, какъ вверхъ такъ и внизъ, а равно и въ даль, и садиться по разнымъ деревьямъ вашего сада.

— Сколько стоитъ нужный для вашего голубя матеріалъ?—спросилъ его предсѣдатель.

— Три рубля, отвѣтилъ онъ.

— А сколько времени потребуется вамъ на работу.

— Одинъ мѣсяцъ.

Затѣмъ мастеровые были отпущены по домамъ для изготовленія своихъ издѣлій, съ которыми имъ слѣдовало вновь предстать предъ синклитомъ черезъ одинъ мѣсяцъ.

По прошествіи означеннаго срока, мастеровые явились къ предсѣдателю и принесли съ собой каждый свое издѣліе. Предсѣдатель живо распорядился созвать членовъ синклита, и когда тѣ собрались всѣ вмѣстѣ, то предсѣдатель предложилъ синклиту и мастеровымъ отправиться въ садъ, гдѣ должны были произойти испытаніе и оцѣнка работъ сдѣланныхъ мастерами.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ какъ сказалъ, такъ въ точности и произвелъ свое издѣліе. Деревянныхъ же дѣлъ мастеръ, боясь, вѣроятно, опаснаго для него сравненія съ замѣчательнымъ искусствомъ своего соперника, весь трясся и, ожидая очереди, стоялъ съ потеряннымъ видомъ и держалъ въ дрожащихъ рукахъ небольшой узелокъ. Предсѣдатель кротко подошелъ къ нему и спросилъ:— Деревянныхъ дѣлъ мастеръ, выполнили вы свое издѣліе?

— Такъ точно—отвѣтилъ онъ предсѣдателю и упалъ передъ нимъ на колѣни.

Когда второй мастеръ развязалъ свой узелокъ, то въ немъ оказались какіе-то мелкіе деревянные бруски, причемъ въ нѣкоторые изъ нихъ были вставлены стальныя пружины. Всѣ бруски были занумерованы. Онъ проворно сталъ складывать эти бруски одинъ къ другому и такимъ образомъ живо собралъ своего голубя, а затѣмъ обратился къ предсѣдателю съ вопросомъ:

— Куда прикажете летѣть вверхъ или въ даль?

Тотъ отвѣтилъ:

— Поднимись нѣсколько вверхъ.

Мастеръ, сидя на своемъ голубѣ, нажалъ одну пружину и—вмигъ взвился

Нажалъ одну пружину и вмигъ взвился на воздухъ. Рисунокъ В. Малышева.

на воздухъ. Нажавъ потомъ другую пружину, онъ спустился ниже и полетѣлъ въ даль за нѣсколько верстъ, надъ самымъ моремъ. Пролетѣвъ такъ нѣкоторое время, онъ опять нажалъ какую-то пружину, и его голубь повернулъ обратно. Облетѣвъ весь садъ, голубь, повинуясь управленію мастера, сѣлъ на свое мѣсто, въ компаніи зрителей.

Предсѣдатель синклита (онъ же и управитель города) и всѣ остальные зрители положительно были поражены видѣннымъ и, конечно, всѣ стали на его сторону. Болѣе всѣхъ пришелъ въ восторгъ отъ этого издѣлія сынъ предсѣдателя Ваня, молодой человѣкъ, лѣтъ семнадцати, необыкновенной красоты. Онъ обратился къ своему отцу и сказалъ:

— Любезнѣйшій мой родитель! дозвольте этого мастера взять къ намъ въ палаты, чтобы онъ научилъ меня дѣлать такихъ замѣчательныхъ, какъ его, воздушныхъ голубей,—это очень дорого стоитъ для нашего отечества и города, не то что произведеніе золотыхъ дѣлъ мастера; его золотая утка, пригодная только для забавы; а этотъ голубь можетъ быть очень полезенъ въ томъ случаѣ, когда, во время войны, къ нашему городу подступитъ непріятель: я на своемъ голубѣ могу наблюдать за каждымъ

шагомъ врага и могу узнать его расположеніе и о томъ, съ какой стороны онъ подходитъ къ нашему городу.

Отецъ Вани согласился, и деревянныхъ дѣлъ мастеръ поступилъ въ учителя къ Ванѣ и переселился въ правительскія палаты.

Что же касается до рѣшенія дѣла о скандалѣ и побитой посудѣ, то виновникомъ признанъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и синклитъ постановилъ: взыскать съ него деньги за уничтоженную посуду и самого его заключить на нѣкоторое время въ тюрьму.

Ваня очень усердно занялся изученіемъ изготовленія воздушныхъ голубей и потому скоро научился этому искусству: онъ самъ сработалъ такого же голубя, какой ранѣе сдѣланъ былъ его учителемъ.

Когда правитель города убѣдился, что его сынъ дѣйствительно научился столь замѣчательному искусству, онъ рѣшилъ собрать гостей и устроить по сему случаю торжество, во время котораго Ваня долженъ былъ сдѣлать первый опытъ со своей работой и на своемъ голубѣ подняться и полетѣть по воздуху.

Когда все было готово и всѣ приглашенные на пиръ съѣхались, правитель пригласилъ гостей пожаловать въ садъ и полюбоваться искусствомъ его сына.

Ваня же, подобно своему учителю, предсталъ передъ зрителями съ узелкомъ въ рукахъ и ожидалъ приказа отца, чтобы приняться за сборку своего голубя. Когда же отецъ велѣлъ ему приступить къ дѣлу, то Ваня тотчасъ же развязалъ свой узелокъ и сталъ прилаживать одинъ къ другому, находившіеся въ немъ нумерованные бруски, съ вложенными въ нѣкоторые изъ нихъ стальными пружинами. Скоро изъ брусковъ образовался голубь и Ваня спросилъ отца:

— Куда прикажете летѣть — вверхъ или въ даль?

— Поднимись нѣсколько вверхъ, какъ воздушная птица, кругообразно опустись на землю и сядь на свое мѣсто, — отвѣтилъ ему отецъ.

Ваня приступилъ къ голубю и, сѣвъ на него, прижалъ одну изъ пружинъ. Голубь взвился въ воздухъ и взлетѣлъ такъ высоко, что Ваня лишился отъ страха настоящаго разсудка и вмѣсто того, чтобы надавить другую пружину, онъ нажималъ ту, которая способствовала полету вверхъ, и черезъ то продолжалъ подниматься все выше и выше, и скоро скрылся совсѣмъ изъ виду и самъ онъ также не видѣлъ сверху ни своего города, ни земли, ни моря.

Когда же Ваня пришелъ немного въ себя и захотѣлъ спуститься внизъ, то опять нажалъ не ту, которую слѣдовало пружину и вмѣсто спуска быстро понесся въ даль. И такимъ образомъ Ваня улетѣлъ за тридевять земель въ тридесятое государство. Однако, пролетѣвъ столь огромное пространство, онъ, въ концѣ концовъ, всетаки научился, какъ слѣдуетъ, орудовать своимъ издѣліемъ.

И по прошествіи нѣкотораго времени, долетѣвъ до одного прекраснаго по виду города, онъ рѣшилъ здѣсь спуститься на землю и, нажавъ нужную для того пружину, онъ спустился внизъ, прямо на крыльцо къ одному изъ мѣстныхъ купцовъ. Здѣсь его взяла полиція и стала производить допросъ, чей онъ, откуда, какъ его зовутъ и проч.

Въ тогдашнія времена разныхъ языковъ не понимали, а потому и Ваня не могъ понять, о чемъ его спрашивали, и на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ только:

— Я ничего не знаю.

Его такъ и прозвали „Незнайкой", и таскали по судамъ и все дознавались, чей онъ и откуда. Наконецъ его доставили къ главному судьѣ того города.

Судья осмотрѣвъ Ваню съ головы до ногъ понялъ, что онъ происходитъ отъ знатнаго рода, о чемъ свидѣтельствовало его благородное и красивое лицо, и Ваня былъ взять судьею въ его домъ и ему предоставлено было право безпрепятственно ходить по всему городу; и вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ былъ приказъ, чтобы встрѣчавшіеся съ Незнайкой, отдавали бы ему честь.

У судьи была единственная дочь, юныхъ лѣтъ и замѣчательной красоты. Она находилась въ своей опочивальнѣ, которая двумя окнами выходила на улицу, и молодая дѣвушка очень любила часто сидѣть подъ косящатымъ окномъ и смотрѣть на прохожихъ и проѣзжихъ.

Мимо оконъ судейскаго дома нерѣдко проходили мужчины, видя которыхъ дочь судьи сильно волновалась и черезъ то болѣла, такъ что въ одно прекрасное время отецъ вынужденъ былъ пригласить даже доктора для оказанія помощи его дочери. Докторъ осмотрѣвъ больную, сообщилъ отцу о причинѣ болѣзни:

— Ваша дочь влюбляется въ мололодыхъ людей и черезъ то сильно волнуется и болѣетъ, — сказалъ судьѣ докторъ.

Послѣ этого сообщенія судья сталъ придумывать способъ, какъ бы избавить дочь на будущее време отъ повторенія ея болѣзни, и скоро онъ нашелъ къ тому одно подходящее средство: онъ рѣшилъ поселить свою дочь въ уединенномъ мѣстѣ.

Городъ находился близь взморья; открытое море находилось въ пятнадцати верстахъ. И тутъ былъ дикій проливъ, посреди котораго былъ скалистый островъ, на которомъ въ одномъ мѣстѣ росъ лѣсъ. Вотъ на этомъ то островѣ судья и устроилъ для своей дочери свѣтлицу, куда и отправилъ ее, чтобы — съ одной стороны — сохранить ея дѣвичью чистоту и красоту, а съ другой — чтобы избавить ее отъ болѣзни, которая появлялась у нея черезъ то, что она влюблялась въ молодыхъ людей и сильно волновалась.

Незнайка былъ помѣщенъ судьей въ своей прежней комнатѣ и изъ нея былъ ясно видѣнъ проливъ, соединявшій открытое море съ возморьемъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, Незнайка сидѣлъ и смотрѣлъ въ окно на проливъ и покуривалъ крученую папиросу. Вдругъ онъ замѣтилъ въ проливѣ огонь, какъ бы горѣла свѣча. — „Охъ! ѣдятъ-тя мухи, — сказалъ про себя Незнайка, — то вѣрно военныя или коммерческія суда идутъ. Ахъ, чтобы мнѣ теперь тамъ быть, глядишь — увезли бы меня на родину."

Въ концѣ концовъ онъ вспомнилъ про свое издѣліе, вынулъ изъ поддевки узелокъ, склалъ своего голубя, затѣмъ растворилъ окно и сѣвъ на голубя, онъ полетѣлъ прямо на огонь, въ увѣренности, что попадетъ на корабль...

Но вмѣсто корабля Незнайко прилетѣлъ на балконъ чертога судейской дочери. Сойдя съ голубя, онъ направился внутрь чертога и войдя туда, увидѣлъ, что на диванѣ, подъ собольимъ одѣяломъ спитъ молодая красавица. Отъ крѣпкаго сна обнажились ея бѣлыя груди и разгорѣлись уста...

Не спрося хозяйки, Незнайко сталъ осматривать чертогъ и закурилъ крученую папиросу. Потомъ подойдя опять къ спавшей, онъ сталъ всматриваться въ ея нѣжное лицо и бѣлыя груди и, наконецъ, рѣшился поцѣловать ее. Но поцѣловавъ трижды сонную, онъ вдругъ почувствовалъ страхъ и стыдъ за свой поступокъ, и тотчасъ же вышелъ изъ чертога, сѣлъ на своего голубка и полетѣлъ обратно къ себѣ домой.

Онъ рѣшилъ, что на слѣдующій день полетить пораньше и захватить дѣвушку еще не спящей.

Послѣ ухода Незнайки, красавица проснулася. Она слышала сквозь сонъ цѣлованія въ уста и запахъ дыма отъ папиросы, но не могла объяснить себѣ, что это было: сонъ, грезы, или же все это въ дѣйствительности съ ней происходило. Она призвала къ себѣ свою гувернантку, которая жила при ней неотлучно, а также всѣ своихъ нянюшекъ и мамушекъ, которыя отцемъ ея были приставлены для ухода за ней въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, и объяснила имъ свое приключеніе.

Выслушавъ свою барышню, старшая мамушка сказала ей:

— Послушай, милая наша барышня, мы вѣдь не толковательницы сновъ; да и былъ это не сонъ, а грезы, приключившіяся оттого, что ужъ очень много думаешь о женихахъ и замужествѣ.

На другой день послѣ посѣщенія спящей красавицы, Незнайко, дождавшись вечера, рѣшилъ про себя: — „Полечу-ка къ той красавицѣ пораньше и застану ее еще не спящей и захвачу ее."

А судейская дочка въ то время тоже думала про себя: — „Подожду ложиться спать, не прилетитъ ли тотъ красавецъ, что вчера меня цѣловалъ сонную."

Отъ — нечего дѣлать она, въ ожиданіи гостя, занималась рукодѣліемъ и музыкой.

Незнайко досталъ бруски и, склавъ голубя вновь полетѣлъ надъ проливомъ, направляясь на балконъ судейскаго чер-

тога. Прилетѣвъ туда, онъ засталъ дѣвушку, стоящею на молитвѣ передъ какимъ-то истуканомъ. Когда же она окончила свою молитву, то немедленно же раскрыла двери и впустила гостя, пригласивъ его пройти въ ея спальню, гдѣ она усадила въ богатое раззолоченное кресло, а сама усѣлась на постель и начала его распрашивать, чей онъ и откуда?

— Я изъ такого-то царства, изъ такого-то государства и такого-то города правителя сынъ, по имени Ваня.

Дѣвушка бросивъ полный страсти взоръ свой на красавца Ваню, вся замиѣла отъ вострога и затѣмъ, заключивъ его въ свои нѣжныя объятія, стала горячо цѣловать, на что тотъ отвѣчалъ ей тѣмъ же, нашептывая ей въ то же время слова любви.

Такъ они цѣловались и обнимались, и признавались въ нѣжныхъ чувствахъ до самой зори. Раннимъ же утромъ Незнайко собрался въ обратный путь. На прощанье дѣвушка сказала ему:

— Послушай любезный другъ Ваня: покудова ты будешь проживать у моего папаши, прилетай каждую ночь ко мнѣ ночевать.

И съ этого времени Незнайка ровно девять мѣсяцевъ леталъ по вечерамъ къ своей возлюбленной и оставался ночевать въ ея спальнѣ. И въ концѣ концовъ судейская дочка оказалась беременной. Этого обстоятельства, конечно, нельзя было сохранить въ тайнѣ отъ окружающихъ и прислуга стала замѣчать интересное положеніе дѣвушки.

Старшая мамушка и нянюшка никакъ не могла объяснить себѣ, какимъ образомъ ея барышня могла сдѣлаться въ тягостяхъ, когда ея невинность такъ бдительно охраняли всѣ ее окружающія и притомъ, вотъ уже семь лѣтъ какъ дѣвушка была поселена здѣсь ея отцемъ и въ теченіе этого времени она не видала даже ни одного мужчины.

Долго думали и гадали нанюшки и мамушки о томъ, какъ быть имъ съ этой неожиданностію, и наконецъ рѣшили идти въ городъ и о случившемся донести своему хозяину, отцу дѣвушки.

Услыхавъ отъ нянюшекъ и мамушекъ такую неожиданную новость, судья тотчасъ же собрался и поѣхалъ за объясненіями къ своей дочери.

Пріѣхавъ на островъ и увидавъ, что дочь его дѣйствительно находится въ тягостяхъ, онъ обратился къ ней за объясненіемъ ея поступка и требовалъ, чтобы она объяснила ему чистосердечно.

Тогда дѣвушка, вставъ со своей мѣста и поклонившись отцу начала такую рѣчь:

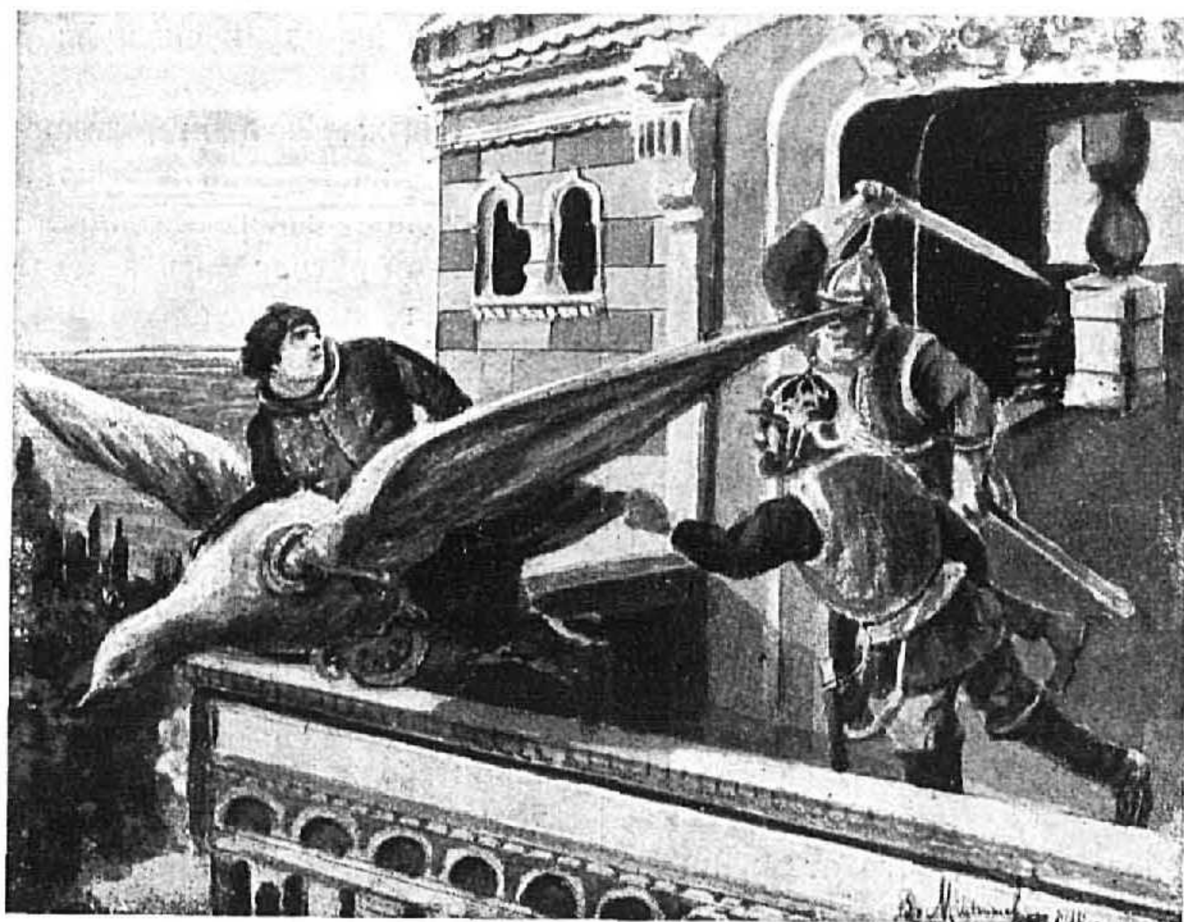
— Любезнѣйшій папаша! я дочь ваша, и надо мною ваша воля. Но въ моемъ настоящемъ положеніи я нисколько не виновата. Вотъ ужъ болѣе семи лѣтъ, какъ я не видала ни одного мужчины. Девять же мѣсяцевъ тому назадъ, въ одну прекрасную ночь я

сладко спала. И вдругъ я увидѣла, какъ растворились небеса и оттуда ко мнѣ слетѣлъ небесный ангелъ, который войдя въ спальню ходилъ и курилъ крученую папиросу, а потомъ, подойдя ко мнѣ, трижды горячо поцѣловалъ меня. Судите же сами, мой любезный папаша, виновата ли я въ томъ, что не смотря на всѣ мѣры, принятыя вами для огражденія меня отъ соблазна, я всетаки, помимо моей воли, была поцѣлована тѣмъ безцермонномъ ангеломъ, и отъ этого ангельскаго поцѣлуя сдѣлалась беременной.

Слушая разсказъ своей виноватой дочери, диву давался старый судьи, какъ это такъ могло случиться, что отъ поцѣлуя она могла вдругъ забеременить. И, наконецъ, пришелъ къ тому заключенію, что отъ поцѣлуя этого не случилось-бы, а произошло этой кой-отчего другаго. И вотъ, чтобы выяснить это темное дѣло, онъ назначилъ стражу для охраны дочернаго чертога.

Въ первую ночь назначены были два унтеръ-офицера.

Между тѣмъ нашъ Незнайко о готовившейся ему ловушкѣ ничего не зналъ и не подозрѣвалъ даже и, по своему обыкновенію, какъ только наступилъ вечеръ, досталъ свое издѣліе, сготовилъ ее къ полету и преспокойно полетѣлъ себѣ въ чертогъ судейской дочери и, какъ всегда, спустился на балконъ дома. Но здѣсь его вдругъ неожиданно схватилъ одинъ унтеръ-офицеръ за лѣвое плечо, а второй за правую полу кафтана.

Но здѣсь его вдругъ неожиданно схватилъ одинъ унтеръ-офицеръ за лѣвое плечо.

Рисунокъ В. Малышева.

Но Ваня не растерялся отъ неожиданности и, предчувствуя, что попалъ въ западню и ему грозитъ неминуемая бѣда, онъ живо сообразилъ, что нужно было ему дѣлать: рванувшись изо всѣхъ силъ, онъ вырвался изъ рукъ его враговъ и въ мигъ вскочивъ на своего голубя, быстро и сильно нажалъ ту пружину, которая направляя полетъ въ даль, и въ одно мгновенiе скрылся изъ глазъ обоихъ караульныхъ.

Однако, къ несчастiю Вани, въ рукахъ одного изъ унтеръ-офицеровъ осталась пола его кафтана, оторвавшаяся въ тотъ моментъ, когда Ваня рванулся, что было силы, изъ рукъ его враговъ.

Возвратившись утромъ въ городъ и представъ передъ судьею, они объяснили ему все происшедшее ночью у чертога его дочери.

Узнавъ объ этомъ, судья тотчасъ же отдалъ приказъ, произвести въ городѣ тщательный обыскъ и задержать того, у кого окажется подходящiй кафтанъ съ оторванной правой полою.

Одинъ изъ слугъ судьи, слышавшiй этотъ приказъ, обратился къ своему господину и сказалъ: „А гдѣ то теперь находится нашъ Незнайко; ужъ ни его-ли это штуки?“

Судья приказалъ этому слугѣ сходить въ комнату Незнайки и осмотрѣть его одежду.

Слуга донесъ судьѣ, что оторванная пола дѣйствительно принадлежала Незнайкину кафтану, который висѣлъ на гвоздѣ безъ правой полы.

Судья крайне былъ возмущенъ поступкомъ Незнайки и своей родной дочери. Онъ осудилъ обоихъ виновниковъ на смертную казнь.

На главной улицы города были приготовлены два эшафота и висѣлицы. Судьею отданъ былъ приказъ, чтобы въ назначенный для казни день собрались высшiя лица города и простой народъ для присутствiя при казни преступниковъ, дабы знали и видѣли всѣ, какъ строго караются беззаконiя, подобныя тому, которое учинено было виновниками.

Вотъ насталъ день казни. Собралась масса всякаго народа для присутствiя при этомъ печальномъ событiи. Привели преступниковъ. Незнайко обратился къ народу и сказалъ:

— Не жалѣю я ни молодости, ни своей жизни, ничего я не жалѣю, кромѣ одного только своего издѣлiя. Господинъ Судья—обратился къ нему Незнайко—дозвольте передъ послѣднимъ концомъ показать вамъ и всему честному народу, какъ я леталъ на своемъ издѣлiи по воздуху въ чертогъ вашей дочери.

Вся публика, стоявшая тутъ и слышавшая слова Незнайки, тоже присоединилась къ его просьбѣ и въ свою очередь также начала просить судью позволить Незнайкѣ полетать по воздуху, а послѣ казни его издѣлiе получить въ видѣ модели ремесленному люду.

Судья подумалъ и согласился удовлетворить общую народную просьбу. Однако для предосторожности, чтобы Незнайка

не вздумалъ обмануть довѣріе судьи и не улетѣлъ бы совсѣмъ, онъ вызвалъ впередъ изъ стоявшаго тутъ наряда солдатъ тридцать самыхъ лучшихъ стрѣлковъ и приказалъ имъ, чтобы они изготовились къ прицѣлу и при малѣйшей попыткѣ преступника улетѣть, немедленно же стрѣляли бы.

Послѣ этихъ мѣръ предосторожности, Незнайкѣ приказано было идти къ назначенному для полета мѣсту и изготовить своего голубя. Незнайка пошелъ, а позади его слѣдовала дочь судьи. Какъ бы желая утереть лицо, Незнайко развернулъ, имѣвшійся у него въ рукахъ носовой платокъ, изъ котораго выпала на землю маленькая бумажка. Его возлюбленная сразу догадалась, что навѣрно письмо отъ него: быстро и незамѣтно для другихъ нагнулась и подняла бумажку, оказавшуюся дѣйствительно письмомъ. Въ томъ письмѣ было написано слѣдующее:

„Послушай, любезная дочь судьи и моя милая! По всей вѣроятности твой отецъ захочетъ узнать какъ я леталъ къ тебѣ въ гости И когда я начну складывать своего голубя, то буду дѣлать это нарочно медленно, а ты будь вблизи меня и готовься также сѣсть со мною

Онъ вмѣстѣ со своей возлюбленной въ одно мгновеніе очутились на немъ, и голубъ подъ вліяніемъ нажатой пружины быстрѣе вихря взвился вверхъ.

Рисунокъ художника В. Малышева.

вмѣстѣ, и какъ только получу приказаніе куда летѣть и стану окончательно приготовляться къ полету, ты быстро ухвати меня за подпазухи и мы вмѣстѣ вскочимъ на голубя и улетимъ, чѣмъ избавимся отъ напрасной смерти“.

По прочтеніи письма дѣвушка стала внимательно слѣдить за каждымъ шагомъ ея возлюбленнаго и выжидала того момента, когда тотъ будетъ садиться на голубя.

Между тѣмъ Незнайко не торопясь собралъ своего голубя и замѣтивъ, что возлюбленная слѣдитъ за нимъ и тоже готова къ полету, онъ обратился къ судьѣ съ вопросомъ: куда ему летѣть? Судья отдалъ приказаніе подняться немного вверхъ и затѣмъ сѣсть на указанное мѣсто. Незнайко подошелъ къ голубю—и прежде чѣмъ успѣли стрѣлки опомниться, онъ вмѣстѣ со своей возлюбленной въ одно мгновеніе очутились на немъ, и голубь подъ вліяніемъ нажатой пружины быстрѣе вихря взвился вверхъ, такъ что оба преступника моментально скрылись изъ глазъ собравшагося народа.

Благодаря столь удачному подъему вверхъ они оба были теперь спасены отъ смерти. Незнайко нажалъ другую пружину и голубь понесся, какъ птица, въ даль. Они летѣли въ отечество Вани.

Уже недалеко отъ цѣли ихъ полета, они вечеромъ спустились на землю, потому что возлюбленная Вани почувствовала, чтой ей пришло время родить.

Они спустились на краю одной деревнюшки, въ росшій мелкій тростникъ.

На концѣ деревни въ небольшой избушкѣ жили престарѣлые мужъ съ женою. Ваня зашелъ къ нимъ въ хижину и попросился переночевать у нихъ.

Получивъ разрѣшеніе на ночлегъ, Ваня обратился къ старухѣ и объяснилъ ей, что съ нимъ находится беременная жена, которой пришло время родить, и поэтому не можетъ ли она замѣнить бабушку-повитуху. Старушка успокоила его и сказала, что охотно готова, чѣмъ можетъ, помочь его молодой женѣ.

Въ ту же ночь возлюбленная Вани благополучно разрѣшилась отъ бремени и произвела на свѣтъ сына.

Ваня несказанно радъ былъ этому и расцѣловалъ своего новорожденнаго малютку—сына.

Вскорѣ же призванъ былъ священникъ и новорожденный окрещенъ и названъ, какъ и отецъ его —Иваномъ. Ваня надѣлъ на малютку свой натѣльный крестъ и кромѣ того повѣсилъ на него пятьдесятъ червонцевъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Ваня обратился къ старичку-хозяину съ просьбой взять къ себѣ на воспитаніе его сына до двадцатилѣтняго возраста.

Старикъ отвѣтилъ ему, что онъ радъ бы воспитать его сына, но что на это у нихъ нѣтъ средствъ, такъ какъ они и сами едва перебиваются и живутъ въ крайней бѣдности.

На это Ваня сказалъ ему, чтобы онъ объ средствахъ на воспитаніе не заботился, такъ какъ онъ дастъ ему на это дѣло двѣ тысячи рублей.

Услышавъ о такой крупной для деревенскаго мужичка суммѣ денегъ, старикъ тотчасъ же выразилъ полную готовность оставить у себя на воспитаніе новорожденнаго малютку, и при этомъ онъ обѣщалъ Ванѣ, что воспитаетъ ему сына добраго и постарается научить его уму разуму.

Ваня снялъ съ руки имѣвшійся у него именной золотой перстень, написалъ бумагу, а его возлюбленная сняла съ себя шелковый поясъ и все это они задѣлали въ пакетъ. Въ бумагѣ написано было, какъ и гдѣ сынъ могъ бы отыскать ихъ, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, ихъ сынъ Иванъ. А въ другой пакетъ сынъ правителя положилъ десять тысячъ рублей и запечатавъ эти оба пакета, онъ отдалъ ихъ старику и сказалъ ему:

— Храни эти два пакета, какъ свои два глаза. Когда же нашему сыну наступитъ двадцать первый годъ, то отдай ему ихъ оба.

Затѣмъ Ваня и его нареченная супруга сердечно распрощались со стариками и съ своимъ малюткой-сыномъ и оба вышли изъ деревни. Дойдя до тростника и взявъ тамъ своего спрятаннаго воздушнаго голубя, они усѣлись на него и полетѣли въ родной городъ Вани. Прибывъ туда и спустившись въ родительскомъ саду, они сошли съ голубя. Свою нарѣченную невѣсту Ваня укрылъ на время въ одномъ потаенномъ мѣстѣ въ томъ же саду, а самъ преспокойно направился въ родительскій домъ.

Когда Ваня, войдя въ домъ, предсталъ предъ изумленными глазами своихъ родителей, которые отчаялись уже когда нибудь видѣть его, и вдругъ теперь вновь увидѣли его въ добромъ здоровьи, то они пришли въ неописуемый восторгъ и радости ихъ не было конца.

Когда же прошли первые поровы обоюдной радости и привѣтствія, Ваня упалъ передъ ними на колѣни и сказалъ:

— Любезные мои родители, прошу я васъ прощенія, что не испросивъ вашего благословенія, я избралъ себѣ невѣсту, происходящую изъ такого же богатаго и знатнаго рода, какъ и мы.

Родители спросили его, гдѣ же находится его невѣста. Ваня сходилъ за ней и представилъ ее родителямъ. Тѣ ничего не имѣли противъ ихъ брака и, на радостяхъ, тутъ жъ изъявили свое согласіе и благословили обоихъ на брачную жизнь.

Въ скоромъ же времени была пышно отпразднована свадьба Вани съ его возлюбленной.

Прошло нѣкоторое время и престарѣлые родители Вани умерли. Ваня занялъ отцовское мѣсто и сталъ теперь самъ правителемъ ихъ города.

Между тѣмъ сынъ Вани, отданный имъ на воспитаніе деревенскому мужику, понемного росъ и развивался и подобно другимъ деревенскимъ ребятамъ, зани-

мался одинаковыми съ ними забавами и развлеченіями; часто ссорился съ ними, а иногда обижалъ ихъ; тѣ съ плачемъ и ревомъ бѣжали жаловаться своимъ матерямъ. Глупыя деревенскія бабы выскакивали на улицу, ругали убѣгавшаго мальчугана всякими словами, а болѣе всего обзывали его и кричали ему въ слѣдъ:

— Ахъ ты . . . такой сякой! Вѣдь ты подкидышъ, бл . . . ой сынъ!

Ребенокъ, конечно, не понималъ значенія этихъ словъ и потому не придавалъ имъ значеніе и пропускалъ ихъ мимо ушей.

Но вотъ мальчику миновало девять лѣтъ и его отдали въ школу. Ученіе маленькому Ванѣ далось хорошо.

Въ одно прекрасное время ученики были отпущены учителемъ погулять. И какъ только выскочили всѣ ребятишки на улицу, тотчасъ же начали одинъ другого толкать, бросаться снѣгомъ и снимать другъ у друга съ головъ шапки и бросать ихъ въ сторону.

Ваня былъ однимъ изъ бойкихъ мальчугановъ и тоже сталъ баловать подобно другимъ и снимать съ товарищей шапки, которыя кидалъ въ сторону.

Ребята, въ особенности поменьше Вани, начали плакать, и съ досады, желая чѣмъ нибудь отплатить шалуну, они начали дразнить его, подобно своимъ матерямъ:

– Охъ, ты, выбл . . . . окъ, стариковскій подкидышъ.

Теперь Ваня понималъ уже значеніе этихъ словъ и поэтому онъ задумался надъ ними.

Придя изъ школы домой онъ обратился къ своимъ названнымъ родителямъ и спросилъ ихъ:

— Чей я сынъ? Почему меня ребятишки называютъ бл . . . . скимъ сыномъ, выбл . . . . . . окомъ и стариковскимъ подкидышемъ?

Старики, конечно, сочли преждевременнымъ открыть ему истину и стали, какъ умѣли, успокаивать его и разубѣждать въ справедливости слышанныхъ имъ словъ.

— Ты, Ваня, нашъ, единокровный и единоутробный нашъ сынъ, —говорили ему старики,—а что скверные мальчишки говорятъ тебѣ и обзываютъ такими нехорошими словами, то ты на нихъ не обращай вниманія. Ты вотъ пойдешь въ школу, такъ попримѣчай: они всегда укоряютъ другъ друга какими нибудь родительскими уликами, и не размышляютъ о томъ есть ли правда въ ихъ словахъ или нѣтъ. А мы прожили всю свою жизнь честно и благородно и никому худаго никогда не сдѣлали, такъ за насъ тебѣ и укорить-то нечѣмъ.

Съ этого времени Ваня сталъ внимательно присматриваться и прислушиваться къ обоюднымъ отношеніямъ своихъ товарищей и къ ихъ словамъ и брани, которыми они постоянно корили другъ друга.

— — Ахъ ты, острожникъ!—говоритъ одинъ изъ нихъ другому.

— А вы—честные люди? у тебя и сейчасъ мать изъ-за отца гуляетъ—отвѣчаетъ ему другой.

Такія и подобныя имъ выраженія ежедневно слышалъ маленькій Ваня отъ своихъ товарищей. И въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что не стоитъ обращать вниманіе на ругань глупыхъ и грубыхъ товарищей, а слѣдуетъ пропускать не замѣченнымъ ихъ брань и разныя клички, такъ какъ его стариковъ,—онъ прекрасно понималъ то—никому и не за что упрекнуть въ чемъ либо худомъ, потому что они въ дѣйствительности худаго никому не дѣлали и жили честно и благородно.

И Ваня продолжалъ по прежнему жить со своими стариками и помогать въ работѣ.

Вотъ ужъ минулъ Ванѣ семнадцатый годъ и онъ изъ мальчика превратился въ красиваго и стройнаго молодаго человѣка. Но все еще онъ ничего не зналъ о своемъ происхожденіи, такъ какъ старики никогда ни слова не обмолвились ему объ этомъ.

Но какъ не скрывали старики отъ Вани тайну его происхожденія, однако онъ узналъ объ этомъ.

Въ одно прекрасное время, совершенно случайно, въ руки Вани попали оба пакета, распечатавъ которые онъ въ одномъ нашелъ бумагу, написанную его отцемъ, перстень и поясъ, а въ другомъ—десять тысячъ рублей. Ваня, не сказавъ ни слова своимъ старикамъ, ночью потихоньку ушелъ изъ ихъ дома, предварительно захватить съ собою свою находку т. е. оба пакета.

Однако Ваня не пошелъ отыскивать своихъ родителей, а направился въ ближайшій городъ и поступилъ къ одному купцу въ прикащики. Онъ не хотѣлъ ослушаться родительской воли и явиться къ нимъ моложе двадцати лѣтъ, какъ о томъ сказано было въ написанной отцемъ бумагѣ.

Ваня прожилъ у купца ровно три года и когда ему наступилъ двадцать первый годъ, отправился къ своимъ родителямъ.

Придя въ городъ, которымъ управлялъ его отецъ, онъ явился къ нему лично и предъявилъ бумагу, перстень и поясъ.

Родители Вани несказанно были рады его приходу и тотчасъ поселили его у себя въ домѣ, вмѣстѣ съ собой.

Вскорѣ-же молодаго правителя женили на богатой о знатной дѣвушкѣ и родители назначили его наслѣдникомъ ихъ богатства.

И сталъ Иванъ Ивановичъ благополучно поживать съ молодой женой и ростить своихъ дѣтокъ.

Гусь богатырь.

Мнѣ уже 88 годовъ теперь говорила разсказчица. Когда я была маленькая, то слышала отъ покойнаго дѣдушки, что за 20 верстъ вверхъ по рѣкѣ Сойдѣ есть ручей Гусинецъ, возлѣ котораго жилъ когда то Гусь богатырь. Возлѣ ручья, текусящаго вверхъ отъ р. Сойды, есть Гусева поляна, теперь сдѣлавшаяся боромъ, на которомъ растутъ огромныя сосны. Здѣсь еще видно мѣсто, гдѣ было Гусево жилище, по остаткамъ груды камней. Недалеко внизъ по рѣкѣ Сойдѣ большой порогъ. Въ этомъ мѣстѣ жилъ со своею семьею, которая состояла изъ жены, дочери и маленькаго сына. Въ то время ходило по Руси много разбойниковъ. Одинъ изъ разбойниковъ со своимъ атаманомъ, привыкшій ходить послѣ грабежей, убѣжалъ въ это уединенное и сокрытое мѣсто. Атаманъ хотѣлъ убить его, изъ за любви его жены. Убить однакожъ не удалось, не хватило силы противъ богатыря. Разъ жена подпоила своего мужа и стала его спрашивать:

Жена подпоила своего мужа. Рисунокъ В. Ткаченко.

скажи, дружокъ, ты чего-нибудь боишься, есть что нибудь такое, отъ чего ты слабнешь. Гусь сказалъ: боюсь я женскихъ волосъ. Если хоть однимъ волоскомъ обмотать мнѣ руку, я не могу тронуться съ мѣста. Жена перевязала соннаго мужа волосами. Онъ проснулся и понялъ свою ошибку. Жена же, въ виду мужа, спала съ разбойникомъ-атаманомъ. Дѣти Гуся еще не спали. Гусь велѣлъ дочери взять свѣчку и пережечь волосы. Какъ скажу я на тебя молодому батюшкѣ, такъ онъ тебѣ задастъ. Отецъ велѣлъ дочери замолчать. Когда дочь уснула, маленькому сыну, спавшему на шесткѣ, стало жаль отца. Онъ зажегъ свѣчку и пережегъ волосяную перевязку. Отецъ соскочилъ съ печи и тихонько

Сынъ пережегъ волосяную перевязку. Рисунокъ В. Ткаченко.

подошелъ къ банѣ, гдѣ спали 40 разбойниковъ. Онъ выдернулъ банную матицу и свалившимся потолкомъ задавило разбойниковъ. Самъ онъ пошелъ и легъ по старому. Атаманъ проснулся утромъ и спрашиваетъ у Гуся: какой ты сонъ видѣлъ. Гусь отвѣчаетъ: поставилъ я во снѣ слопецъ, въ который попало 40 тетеревей; одинъ еще ходитъ и тому не миновать. Атаманъ понявъ въ чемъ дѣло, сталъ ругать Гуся. Гусь схватилъ палицу и снялъ у него голову; жену и дочку связалъ вмѣстѣ спинами и спустилъ на плоту съ рѣчнаго порога по рѣкѣ Сойды. Самъ Гусь съ сыномъ переселился въ городъ Каргополь, гдѣ и умеръ. Сынъ его давнымъ давно писалъ изъ Питера крестьянамъ, чтобы они искали на Гусевой полянѣ богатство, покрытое сверху камнями и бороной. Ухтозеры искали этого клада и нашли только куски какой то шелковой матеріи.

Гусь схватилъ палицу и снялъ атаману голову.

Рисунокъ В. Ткаченко.

Жену и дочь связалъ вмѣстѣ спинами и спустилъ на плоту съ рѣчнаго порога.

Рисунокъ В. Ткаченко.

Сказки.

Три братца — три Иванца.

Жили были три братца три Иванца, у нихъ были три снохи, всѣ Евгеньи. Вотъ случилось тремъ братцамъ, тремъ Иванцамъ полевать. Отправляются въ лѣсъ. Шли подошли, увидѣли тетеру на ели, хотѣли застрѣлить, смотрятъ, а у ружья то нѣтъ замка. Вотъ одинъ братецъ Иванецъ и говоритъ другому братцу Иванцу: сходи домой, возьми замокъ, а я тѣмъ временемъ огня разведу и съѣдимъ тетеру. Какъ только одинъ ушелъ—другой говоритъ третьему братцу Иванцу: долго проходитъ; ты полѣзть на ель и поймай тетеру. Братецъ Ива-

Братецъ Иванецъ влѣзъ на ель. Рисунокъ В. Ткаченко.

нецъ влѣзъ на ель и хочетъ поймать тетеру, а та между тѣмъ вспорхнула и сѣла на другую ель. Вотъ онъ сидя на ели, раскачивается и хочетъ перепрыгнуть на другую ель. Прыгнулъ да не на другую ель, а на землю и убился. Приходитъ братецъ Иванецъ и видитъ что младшій братецъ Иванецъ лежитъ на землѣ и говоритъ среднему братцу Иванцу: ты братецъ Иванецъ и не подождалъ меня, застрѣлилъ тетеру да и позавтракалъ. Пошли они дальше. Вдругъ собака ихъ напала на слѣдъ какого то звѣря, побѣжала за нимъ, добѣжала до пропости и вскочила туда. Пришли два братца Иванца къ ями и видятъ, что нѣтъ собаки, Старшій братецъ и говоритъ: я тебя привяжу за ноги веревкой а ты въ эту яму спустись и когда поймаешь тетеру, затряси за веревку и я тебя вытащу. Средній братъ послушался словъ старшаго брата, спустился въ яму и немного спустя затрясъ ногами. Братъ потащилъ его. Тащитъ

Братецъ Иванецъ тащитъ изъ ямы братца Иванца.

Рисунокъ В. Ткаченко.

потащитъ, а вытачить не можетъ. Собралъ всѣ свои силы, вытащилъ братца безъ головы и положилъ его на землю возлѣ ямы и думаетъ: былъ ли братъ съ головой или нѣтъ. Пришелъ домой и спрашиваетъ у снохи: Евгенья была ли у братца голова? Та отвѣчаетъ: утрось блины кехталъ, а головы посмотрѣть не догадалась.

Разсказъ крестьянина П. Иванова.

„Знавалъ я мужика тоже съ Пельшины, такой дурной мужиченко, дурняя меня. Онъ то и разсказывалъ, какъ нечистый носилъ. На Пельшинѣ-то Егорьевъ день пивной праздникъ, „я, говоритъ, съ Егорьева дни пировалъ долго, пировалъ, пировалъ, да вижу, можики то беручčо за соху. Стой, думаю, будетъ и мнѣ пировать; да пуще баба ругаечčо, поѣдомъ съѣла. Всталъ я утромъ ранехонько, нашелъ немножко винца опохмелился, да и говорю бабѣ: баба я седни пойду въ кузницу, надо сошники товарить, да начинать пахать. — „Дакъ-що? ступай, будетъ ужъ пировать-то. Смотрико, всѣ пашутъ, а у тебя сошники еще не готовы, и пошла, и пошла. Я схватилъ скорѣе шапку да сошники и побѣжалъ, а она еще на дорогу то напѣваетъ. До кузничи не шибко далеко, иду это я потихоньку, и всево то версты съ четыре; думаю, все равно день то манитъ, а въ головѣ то не то щобы шумитъ, а такъ не ловко, ну знамо дѣло съ похмелья. Вдругъ, братецъ ты мой нагоняетъ меня мужикъ на лошади и мужикъ то знакомый, садись, говоритъ, паре подвезу. Я сѣлъ и поѣхали. Ѣдемъ да разговариваемъ. Подъѣхали къ кабаку мужикъ остановилъ лошадь: „выходи, говоритъ, выпьемъ по стаканчику, Я привяжу, говоритъ, лошадь, да и иду за тобой. Я вошелъ въ кабакъ, выпилъ стаканчикъ, сижу дожидаюсь мужика, а ево нѣтъ, да и нѣтъ. Вышелъ изъ кабака, смотрю ни мужика, ни лошади нѣтъ, ихъ и слѣдъ простылъ. Ну думаю себѣ, видно не охота ему меня везти то и обманулъ, и пошелъ я, братецъ ты мой одинъ; до кузницы не далеко, скоро дойду. Вотъ иду, смотрю, стоитъ солдатъ да и съ ружьемъ; „Куда ты, говоритъ чертъ сѣрой лѣзешь, или не видишь, что сдись караулъ. Что, думаю. за оказія, какой такой караулъ, да какой спрашиваю, служба караулъ то тутъ?—„Дуракъ, видишь застава, да ты пріятель, откуда?— А съ Пельшины мы, говорю, будемъ. „Никакой я Пельшины не слыхалъ, гдѣ это такая Пельшина.—„Да въ Вологодской губерніи. —„По кой-это чертъ тебя сюды то несетъ?—„Въ кузницу, я служба пошелъ, сошники наваривать.—„Давно ли изъ дома то?—„А часа съ три; не болѣ будетъ".—„Ну, дакъ скоро эко тебя лѣшой несъ. Вѣдь ты пришелъ въ Казань верстъ триста за Москву, будетъ это Казань то, говоритъ солдатъ. Вотъ то думаю, разъ, и въ заправду меня чертъ мосилъ.—„А служивой только хохочетъ, ему що? не пахать и надо, отстоявъ свои три часа, да и въ казармы. а мнѣ до Пельшина далеко. Распросилъ я служиваго, какъ мнѣ пробраться домой и пошелъ. Думаю себѣ, хоть и не такъ скоро, какъ чертъ меня несъ, а все-таки дойду. Иду это я себѣ потихоньку, вдругъ догоняетъ меня тройка, ямщикъ ѣдетъ порожнемъ. „Садить, говоритъ, подвезу. Я сѣлъ, ѣдемъ потихоньку, пріѣхали въ Москву, все, какъ слѣдуетъ, да прямо къ трактилѣ.

Приходимъ въ комнату, все какъ слѣдуетъ, трактилъ, дакъ трактилъ и есть, какъ и у насъ въ Кадниковѣ. Ямщикъ заказываетъ чаю, принесъ намъ половой приборы. „Дайте-ко намъ, говоритъ, полумѣрокъ водки. Принесли и водку, рюмки, все, какъ слѣдуетъ. Ямщикъ наливаетъ рюмку, „пей, говоритъ,—„Нѣтъ, братъ, ты начинай". Тотъ выпилъ, наливаетъ другую. Я взялъ рюмку, хочу пить, да и перекрестился. Какъ, братцы вы мои перекрестился, такъ ни Москвы, ни трактира, ни ямщика и не стало, а сижу я на явкѣ, и еловая шишка въ рукахъ

Сижу я на елкѣ, и еловая шишка въ рукахъ.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

а деревня то наша и видна съ елки то. Дакъ вотъ, какую штуку сыгралъ со мной лѣшой, да скоро же онъ ребята и носитъ, а кажись и ѣхали то тихо".

Разсказъ.

Савватіевъ день въ Заозерьѣ праздникъ, варятъ пива. Мелешовскій мужикъ, забылъ какъ ево звать то, пьяница, радъ празднику, ходитъ по деревнѣ да пируетъ, въ тотъ домъ сходитъ, да въ иной, и понаберется. Вотъ ужъ поздно вечеромъ, вышелъ онъ изъ однова дома и видитъ въ концѣ деревни огонекъ. „Пойду, говоритъ, ещо туда, видно есть гости, подадутъ стаканчикъ и мнѣ. Шелъ, шелъ огошки не стало, и видитъ передъ собой большое село, торговое,

по обимъ сторонамъ лавки съ разными товарами, и торговчи сидятъ за прилавками. Какъ пьянъ не былъ мужикъ, а видитъ дѣло не ладно, взялъ да и перекрестился. Какъ перекрестился, никакого села и не стало, а стоитъ онъ на лавѣ; только бы еще шагъ шагнуть—и упавъ бы онъ прямо въ рѣку. Отъ деревни, то знаешь, рѣка то верстъ 5 хорошихъ будетъ, вотъ онъ, огошекъ то гдѣ былъ.

Въ Городишкѣ это дѣло было, тоже о праздникѣ, только не знаю, о какомъ. Мужикъ то другой и волости гостивъ тамъ: вездѣ то онъ выгостивъ. и пошелъ домой, больше ужъ гостить негдѣ. Идетъ и говоритъ: Гдѣ-гдѣ я не гостилъ, вездѣ то выгостилъ, развѣ только у лѣшова не былъ". Идетъ, а самъ пошатываеччо. Вотъ и попадаетъ ему на встричу старичекъ, „пойдемъ, говоритъ ко мнѣ въ гости.—„А далеко ли будетъ?—„Недалеко, тутъ и есть. Попошли немножко, и видитъ мужикъ стоитъ домъ особнякъ старикъ и ведетъ ево туда. Пришли, смотритъ мужикъ на столѣ всего то всего наставлено,—и пива, и вина и пироговъ то всякихъ. Посадили мужика за столъ, угощаютъ. Мужикъ выпилъ рюмку, а самъ думаетъ „къ лѣшему, къ лѣшему я попалъ навѣрное,—надо выбраться". И говоритъ хозяину: „спасибо, дѣдушка, за угощенье

Къ лѣшому въ гости. Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

всѣмъ доволенъ, только ты ужъ, пожалуйста, проводи меня на дорогу, надо домой идти, боюсь—не заблудиться бы. „Ладно, говоритъ, пойдемъ. Идутъ они тихошенько, а мужикъ все думаетъ: „эхъ, заведетъ меня лѣшой куда нибудь, а дѣлать нечево, попался дакъ иди. Вдругъ, старикъ и говоритъ: „топере, дядя, не заблудишься", и ни стало старика. Мужикъ смотритъ, а онъ у самова своего дома стоитъ на крыльцѣ. Топере, говоритъ, вѣрно не заблужусь".

Разсказъ.

„Около г. Вельска, молодой парень ходилъ лѣсовать, ставилъ, значитъ на зайчовъ силья, клещи, ну, ловилъ и другихъ звѣревъ. Только значитъ, все неудача, что ни наставитъ ловушки. все пусто. Разъ идетъ этотъ парень съ лѣшни, попадается ему старичекъ: „куда, говоритъ, паренекъ ходилъ".—„А ходилъ я, дѣдушка, лѣсовать, да ничего не попало". —Плохо, говоритъ, видно ты ничего не знаешь".—„Нѣтъ, дѣдушка, ничего не знаю." — „Нѣтъ ли, говоритъ у тебя хлѣба? „Нѣтъ, былъ да весь вышелъ; а вотъ соли немного осталось". — „Давай, говоритъ, и соль". Парень подалъ старику щепотку соли, тотъ що то пошепталъ и подалъ парню. ‚Вотъ, говоритъ, сходи съ этой солью на лѣшню: никогда не придешь съ пустыми руками; только про это никому не сказывай. На какого бы звѣря не поставилъ тотъ непремѣнно и попадетъ: поставилъ на зайца, попадетъ заяцъ, поставишь на лисичу, попадетъ лисича". Вотъ парень поблагодарилъ старика и пошелъ домой. На другой день и пошелъ онъ въ лѣсъ съ клепцами и поставилъ ихъ все на зайцевъ. Дня черезъ два приходитъ, а въ каждомъ клепцѣ по зайцу. Лѣсуетъ парень, народъ не можетъ надивиччо,—то рысь принесетъ, то личицю, то норку, то каждый день по ношѣ, и никому не сказываетъ, отчего ему такая удача. Разъ и сбирается парень на охоту въ воскресенье, эдакъ передъ заутреней. Отецъ увидалъ, що парень сбирается въ лѣсъ и говоритъ ему, „полно Ваня, не ходи въ праздникъ, находишься и въ будни, що за охота? люди въ черковь, а ты въ лѣсъ. — Нѣтъ, говоритъ—тятя, схожу. Клепчи поставлены давно, до обѣдъ-то вернусь".—„Ну, говоритъ, какъ хочешь". Вотъ парень взялъ лыжи, и пошелъ, идетъ, идетъ, а клепчовъ не видитъ, и зашелъ онъ, должно быть, далеко, смотритъ мѣсто незнакомое, мысъ да выложки—и не пройдешь. Видитъ, що зашелъ неладно и идти не знаетъ куда, пошелъ ужъ на угадъ, що молъ будетъ. Шолъ, шолъ и видитъ стоитъ домъ преогромный, двухъ этажный и огоньки въ окнахъ видно.—Дай, думаетъ пойду, что будетъ, то будетъ. Идетъ,—двери то не заперты. Вошелъ въ комнату, смотритъ сидитъ тутъ дѣвка, да и дѣвка то знакомая, изъ ихней деревни. „Ты какъ, го-

Стоитъ домъ преогромный, двухъ-этажный и огоньки въ окнахъ видно.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

воритъ, сюда попалъ Иванъ? Вѣдь не ладно здись черти живутъ, и тибѣ пожалуй домой не бывать, Вотъ що, говоритъ,—слушая що я тебѣ скажу, то и дѣлай. Сейчасъ придутъ къ тебѣ черти и нанесутъ, говорятъ—всего и ись и пить; ты только ничего не ѣшь, и не пей, а то дома тибѣ не бывать. Потомъ тебя станутъ мучить и издѣваться, ты не бойся, отступятся и потомъ уйдутъ я въ это время отворю двери, такъ ты не зѣвай, убѣгай". Только что она это проговорила, вдругъ прибѣгаютъ черти, только значитъ, въ человѣческомъ образѣ, и тащатъ всякой похлебки и вина, ну всего. Только нашъ парень ни къ чему не дотрагивается. Вотъ и давай его тѣ мучить всяко-всячески. Мучили, мучили, видятъ, что толку мало—отступились отъ парня и ушли. Какъ только это они ушли, дѣвка сейчасъ и отворила двери, парень выбѣжалъ,—смотритъ: лыжи прислонены къ елкѣ. Взялъ это онъ лыжи и пошелъ. Долго шелъ, а мѣсто все незнакомое. Морозъ, ись охота, а ись нечего; изъ силъ выбился, идти не можетъ и легъ. Тутъ бы онъ и замерзъ, да по счастье ѣхали мужики по бревна, одинъ и увидалъ; видитъ, лежитъ какъ бы и человѣкъ, а боится, потому тотъ весь черный. Мужики и говорятъ: „да что ты боишься? тоже дивъ да крещеный, дакъ знаетъ молитву. Мужикъ подошелъ и спрашиваетъ „ты крещеный? А ну перекрестись. Тотъ перекрестился и прочиталъ Отче. Тутъ мужики подобрали парня и увезли домой. Только даромъ ему это ее прошло: отморозилъ парень

Тащатъ всякой похлебки.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Одинъ мужикъ увидалъ, что лежитъ человѣкъ

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

и руки и ноги, а все-таки и тепере живъ.

Дакъ вотъ значитъ, и опасно лѣсовать съ наговоромъ то. Наговоръ—наговору рознь.

Сообщ. *Суровцевымъ*.

Сѣкъ мужикъ въ лисѣ перелѣтъ (дрова, которые пролежали лѣто срубленными. Рубятъ обыкновенно весной для обдирки скалъ, потомъ оставляются и если скалы драли близки, то на слѣдующее лѣто срубленныя березы употребляются на дрова), насѣкъ полинницу и ушелъ. Только приходитъ на другой день рубить дрова, а полинница вся раскидана въ разныя стороны. Що за оказія, кто раскидалъ? Какжись и придти некому да некогда. Собралъ мужикъ

Да ну бѣжать съ кряжемъ то и рукъ выдернуть не можетъ.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

дрова, принялся опеть рубить, нарубилъ, склалъ въ полинницу и ушелъ. На завтріѣ опеть приходитъ, смотритъ—дрова опеть раскиданы. Плюнулъ мужикъ да и говоритъ: „видно лѣшій полинницы у меня раскатываетъ. Только що помянулъ лѣшаго, вдругъ, откуда ни возьмись, приходитъ къ ему мужикъ. „Давай говоритъ, дядя, помогу“.—„Помоги, помоги“. Въ это время мужикъ кололъ березовый кряжъ (бревно) коимъ заколачивалъ „Суй, говоритъ, вотъ руки то въ щиль, раздери мнѣ кряжъ то“. Тотъ только засунулъ руки въ щиль, мужикъ лишь выколунулъ клинъ то. Э! тотъ и заоралъ нечеловѣчьимъ голосомъ, да ну бѣжать съ кряжемъ то и рукъ выдернуть не можетъ. „Ладно, говоритъ мужикъ, потомъ полинницъ раскидывать не будешь“.

Разсказъ крестьянина А. Панова.

Разъ осенью я ходилъ по лыка вмѣстѣ съ Лаврушомъ съ Мосіева (деревня) Дѣло это было около Покрова, подмерзло. Вотъ мы идемъ долбинкой (тропка), а время не рано, передъ потемками. Вдругъ слышимъ пинье, вотъ поетъ кто то да и разъ. я и говорю: „Лаврушъ, слышишь?“ „Слышу говоритъ, кто то поетъ. Словъ разобрать не можемъ, а голосъ слышимъ. Ну это такъ и оставили, мало ли кто поетъ? Попошли немножко, видимъ березнякъ, такой хорошой. Давай, говорю, Лаврушъ, подеремъ этотъ лыкъ. Онъ отошелъ, эдакъ въ сторону отъ меня, срубилъ березу, деретъ сибѣ лыка, я тоже. Вдругъ какъ закричитъ во все горло, я испугался, да къ ему, ну бѣжать. Прибѣжалъ, спрашиваю: „що ты Лаврушъ? А онъ и слова выговорить не можетъ, только молчитъ. Еле-еле, пришелъ въ себя и говоритъ: „пришла говоритъ, ко мнѣ дѣвка, высокая, бѣлая,

„Пришла говоритъ, ко мнѣ дѣвка, высокая, бѣлая, косы распущены.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

косы распущены, да какъ схватитъ меня рукой за галстукъ (шарфъ) и галстукъ сорвала. Я посмотрѣлъ, а у ево на шеѣ пятно большущое багровое, какъ будто пальцемъ придавлено. Ну, говорю, Лаврушъ, побѣжимъ скорiѣ, домой, это лѣшой съ нами шутитъ, шобы чево худова не сдѣлалъ, видно березнякъ—отъ—это ево. Тутъ мы съ Лаврушемъ скорiѣ домой и лыка оставили. Истинная правда.

Разсказъ про Банника.

Разъ ходилъ мужикъ на рѣку по рыбу; звали его Иваномъ, по прозванію Вычуровъ. Приходитъ это онъ съ рѣки въ воскресенье и говоритъ бабамъ: „бабы, истопите ко баню, мнѣ що то охота попариччо“. Тѣ и говорятъ: „да мы вчера ходили, ступай, ежели ты рдинъ, баню истопимъ. Вотъ истопили баню и Вычурко пошелъ въ баню уже подъ вечеръ. Ждать пождать, Вычурка изъ бани нѣтъ. Домашніе стали безпокоиться и пошли въ баню провѣдать. Приходятъ, а онъ сидитъ посреди бани весь поцарапанный, ничево не говоритъ ясыка (языка) значитъ нѣтъ. Вынесли это ево изъ бани, черезъ сутки Вычурко и умеръ, такъ и не сказавъ, що съ нимъ случилось. „Дѣло это было въ Кокшельгѣ. Мужикъ съ сыномъ лѣтъ эдакъ 20-ти было ему, сыну то, рубили баню, сру-

Банникъ.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

били, какъ слѣдуетъ, отмастерили и топили ужъ ее. Вотъ сына то и взяли въ солдаты. Разъ приходитъ баба и проситъ у солдатовой то матери истопить баню, а та и говоритъ: „да, дамъ я тибѣ баню топить, лучше говоритъ, чорту дамъ,—пусть топитъ. Вотъ вѣдь оказія, чортъ то привезчивъ. Що ты думаешь? вѣдь привязался, окаянный, къ словамъ, не давъ жо топить баню никому. Какъ станутъ топить, братецъ ты мой, накладутъ каменку, затопятъ, тольки уйдутъ носить воду, либо що, придутъ, а въ каменкѣ и пеплу то не останеччо, не только що огня, все выпорхаетъ окаянный, вотъ вѣдь какой. Эдакъ дѣлалъ по-

стоянно, какъ только затопятъ баню. Дѣлать нечего отступились и отъ бани. Вотъ года черезъ три сынъ то и приходитъ изъ солдатовъ, все какъ слѣдываетъ—гоститъ. Разъ онъ и говоритъ: „истопи-ка мама, баню". „Истопить то я бы истопила, да нельзя".—„Какъ такъ? Да такъ, дитятко, чертъ не даетъ.—„Какъ не даетъ? А какъ затопимъ баню, такъ все изъ каменки и вспорхаетъ и пеплу то що есть, не оставитъ". „Ахъ онъ распротакъ его м-ь Да я рубилъ баню, да щобы и не мыться въ ей, топи мати я пойду". Мать и говоритъ: „нѣтъ, ступай банничай, какъ хочешь, а я не стану". Тотъ пошелъ, принесъ дровъ, наложилъ каменку и затопилъ. Что ты думаешь? Вѣдь ничего, протопилась каменка, солдатъ наклалъ другую, пришелъ домой и говоритъ: „вотъ, говоритъ стращали чортомъ. а чортъ видно вымылся севодни и не топитъ". Ладно. Истопивъ солдатъ баню и говоритъ: „оу, тепере ступайте мойтесь". Нѣтъ, говорятъ, мы не пойдемъ, а ты какъ хочешь.—„А знамо дѣло, я пойду. Взявъ рубаху и пошелъ. Раздѣлся, моется все ничево. Вдругъ изъ подъ полка выскакиваетъ мальчикъ и говоритъ: „пусти, дяденька помыться.—„А мойся, говоритъ, не жавко. Самъ думаетъ: „невеликъ чортъ, какъ хвачу такъ и голову отстегну. Совдатъ то говорятъ эдакой былъ дюжій, проворный, да и молодой. Ну силы было много. Смотритъ совдатъ, а мальчишка все прибываетъ, да прибываетъ. Видитъ совдатъ, що дѣло неладно. Надѣвъ рубаху, а поштанники взялъ въ руки, да какъ хватитъ поштанниками чорта по головѣ на отмашь. Смотри, вѣдь тотъ устоялъ,—не сваливсе. Совдатъ бѣжать, а чортъ ужъ въ дверяхъ, схвативъ совдата за руку, тотъ улерся въ косякъ, и косякъ выставилъ, а всетаки вырвался.

Чортъ и кричитъ: „ну, смотри, болѣ не ходи, въ баню. „Да и тибѣ не дамъжо мыться, говоритъ совдатъ пришелъ домой, разсказалъ дѣло да и говоритъ: „баня хоть хоромина и не большая, а все-таки чорту уступать не слѣдъ. Принесъ икону въ баню, да освѣтивъ ее св. водою, и чортъ послѣ этова баловать не сталъ.

Записано *Суровцевымъ.*

Вологодской губ., Тотемскаго пруда.

Родительское проклятіе.

Въ дер. Полушкино жила семья, состоящая изъ старухи-матери и ея женатаго сына Павла. Будучи исправнымъ хозяиномъ и хорошимъ семьяниномъ. Павелъ однако имѣлъ пристрастіе къ вину. Разъ отправляясь на базаръ онъ былъ напутствованъ своей матерью такими словами: „если еще сегодня напьешься, то лучше унести тебя съ дороги лѣшій, а домой не являйся, что бы тебя мои глаза не видали пьянаго, прямо прокляну". Тотъ обѣщался не пить но на базарѣ напился. Когда онъ пошелъ домой, то его вызвался проводить шуринъ. Черезъ полчаса ѣзды они распростились и Павелъ всю остальную дорогу до дома проспалъ. Очнулся уже онъ въ огородѣ своего дома. Передъ нимъ

стоялъ ето шуринъ и старался растолкать его.

—„Да вѣдь ты ушелъ отъ меня"— удивился Павелъ.

—„Коли стою передъ тобой, то значитъ не ушелъ"—

—„Ну ка давай, вылѣзай поскорѣе изъ саней-то, вишь: въ избѣ то ужъ огонь зажгли, еще выйдутъ, да давай снимай крестъ то и клади его въ сани" —

—„Да какъ же я безъ креста-то"— спросилъ Павелъ.

—„Ха, ха, ха—ну и чудакъ же ты, Павлуха, вѣдь самъ давеча, какъ матка то проклинала, небось звалъ меня, если, хоть выпью рюмочку, а теперь артачишся, хоть влилъ то въ утробу далеко не рюмку, а и весь полуштофъ"—

Снялъ Павелъ крестъ положилъ его въ сани и послѣдовалъ за своимъ шуриномъ. Этотъ увелъ Павла за деревню и помѣстился съ нимъ на сараѣ, здѣсь они пребывали три дня.

Между тѣмъ привлеченныя на дворъ ржаніемъ лошади мать и жена Павла, не найдя его въ саняхъ начали искать его, отправили даже на развѣдки двухъ парней. Когда поиски, предпринятыя и на утро оказались тщетными, то всѣ начали, говорять что тутъ дѣло нечисто. Такое мнѣніе получило особую силу, когда узнали о материнскомъ проклятіи и особенно на другой день, когда въ саняхъ нашли крестъ. Поиски продолжались въ теченіи трехъ дней. На третій день вечеромъ когда мать и жена сидѣли въ избѣ и говорили, послышался на дворѣ среди мятели жалобный стонъ. Передъ окномъ болтался, издавая какія то неопредѣленныя звуки Павелъ, подвѣшанный у желоба на кушакѣ. Собравшіеся со всей деревни мужики едва могли отцѣпить несчастнаго, такъ какъ онъ висѣлъ очень высоко отъ земли (изба была двухэтажная). Между тѣмъ одинъ изъ мужиковъ поѣхалъ въ наше село за священникомъ. Прибывшій священникъ исповѣдалъ Павла и запретилъ ему разсказывать то, что случилось съ нимъ. Однако изъ того, что разсказалъ Павелъ до пріѣзда священпика оказалось, что Павелъ большую часть времени съ лѣшимъ въ сараѣ, что онъ побывалъ съ лѣшимъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ Москвы и Петербурга и т. д. Носилъ ли Павла лѣшій или было, что другое съ нимъ, но этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія, что его проклинала мать, что онъ пропадалъ въ теченіи трехъ дней, что его исповѣдывать приглашали нашего священника, который вполнѣ вѣрилъ въ то, что его носилъ лѣшій, что наконецъ, и до сихъ поръ его называютъ „Павлуха Проклятый".

Одной крестьянкѣ до того наскучилъ плачъ и визгъ своего годовалаго ребенка, что она въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ пожелела, чтобы его унесъ чертъ. И едва она вышла зачѣмъ то въ сосѣднюю комнату, какъ услыхала уси-

ленный плачъ своего ребенка и чьи то удаляющіеся шаги. Вскочивъ въ избу она лишь замѣтила, что кто то поспѣшно вышелъ изъ избы, неся ребенка въ своихъ рукахъ. Это былъ лѣшій вошедшій въ избу незамѣтнымъ образомъ, и

„Поспѣшно вышелъ изъ избы.“ Рисунокъ художника В. Малышева.

взявшій ребенка пока его мать была въ сосѣдней комнатѣ. Прошло нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ родители похищеннаго ребенка обращались нѣсколько разъ къ разнымъ знахарямъ. Эти объявили, что лѣшій принесетъ ребенка вечеромъ въ 12 часовъ и положитъ на крыльцо, а дѣло родителей уже взять его. Такъ и случилось. Когда наступило 12 часовъ, то лежавшій на полатяхъ мужъ услыхалъ чьи то шаги на ступенькахъ лѣстницы и голосъ: коли надо ребенка, то убирайте его поскорѣе. Но Иванъ и его жена до того перепугались, что совсѣмъ не въ состояніи были выйти въ сѣни за ребенкомъ.—„Коли надо, то убирайте его скорѣе, выходите за нимъ, вотъ онъ лежитъ на крыльцѣ“—повторилъ голосъ. Но отецъ и мать боялись выйти и пока старались послать другъ друга въ сѣни, голосъ въ послѣдній разсказалъ: „ну коли не надо его вамъ, то я себѣ возьму“—затѣмъ послышался тихій, жалобный плачъ ребенка и удаляющіеся тяжелые шаги. На другой день въ пяти шагахъ отъ дома саженяхъ у колодца нашли ребенка мертвымъ.

Сидитъ на высокомъ деревѣ. Рисунокъ В. Малышева.

Если родители проклянутъ своихъ дѣтей, то является къ проклятому чертъ и заставляетъ его прежде всего снять крестъ и затѣмъ водитъ его съ собой извѣстное время, причемъ питаются они тѣмъ же что и другіе люди и даже вмѣстѣ съ ними, но не замѣтно для нихъ, затѣмъ чертъ возвращаетъ похищеннаго, обыкновенно онъ кладетъ его въ банѣ въ безпамятствѣ.

Рѣдко такіе случаи обходятся безъ телѣсныхъ поврежденій, онѣменій или умственнаго разстройства. Народъ глубоко вѣритъ въ силу родительскаго проклятія или въ благословеніе похищенія лѣшимъ. Родители часто злоупотребляютъ и величаются этимъ правомъ. Извѣстенъ у насъ напримѣръ одинъ почетный отецъ семейства, бывшій церковный староста и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій, набожный и начитанный въ Божественныхъ писаніяхъ, но любившій иногда выпить. Выпивши же не могъ терпѣть никакого противорѣчія со стороны семьи и особенно со стороны своихъ сыновей, которыхъ у него было три. Въ пьяномъ видѣ онъ всегда ихъ величалъ Симомъ, Хамомъ и Іафетомъ, а себя воображалъ Ноемъ. Если

они возбуждали въ немъ малѣйшее неудовольствіе, то онъ постоянно угрожалъ имъ участью Хама и неоднократно въ дѣйствительности проклиналъ младшаго сына, чѣмъ доводилъ его до отчаянія и заставлялъ выдежурить часа два на колѣняхъ. Когда мольбы этого о прощеніи дѣйствовали на отца, то этотъ снималъ свое родительское проклятіе.

Вѣру народа въ похищеніи лѣшимъ, нерѣдко эксплоатируютъ ради своихъ цѣлій, такъ наприм.: нынѣ во время страды деревенской около дер. Загатино, народъ отправляясь на жатву замѣтилъ, что на верху громаднаго дерева сидитъ дѣвка, Едва удалось ее снять. Дѣвка отказалась дать какія либо показанія о себѣ, ссылаясь на то, что ее ужъ нѣсколько мѣсяцевъ носитъ лѣшій и только сейчасъ ее выпустилъ, и что за это время она успѣла совершенно забыть и свое имя и родину и т. д. Ее отвели въ волостное правленіе, здѣсь ее узналъ какой то мужикъ и ее препроводили домой. Она оказалась беременною и выдумала такую исторію: нѣсколько разъ по ночамъ къ ней приходилъ лѣшій въ видѣ молодого парня, заставлялъ снимать ее съ себя крестъ и... Когда она почувствовала себя беременною и сообщила о томъ черту, то этотъ предложилъ ей на время бѣжать. Она странствовала цѣлые 5 мѣсяцевъ, наконецъ она своими постоянными укорами до того надоѣла черту, что онъ посадилъ ее на вершину самаго высокаго дерева и покинулъ ее. Этому разсказу многіе повѣрили даже изъ мужиковъ.

— „Если бы не чертъ, то какъ бы она на такую высь забралась, да еще и беременная“.—

Записалъ *А. Ржаницынъ.*
Вологодской губ. Никольск. уѣзда.

Разсказъ о водяномъ.

Водяной живетъ въ рѣкѣ, особенно у мельницъ. Разсказы: 1) Одна старушка разсказывала, какъ однажды ночью она ловила лучемъ рыбу на рѣкѣ. Разложили мы лучъ и поѣхали, но при этомъ не перекрестились. Рыба сначала попадала хорошо. Видѣли было большую щучину да побоялись рубить. Вотъ значитъ мы ѣдемъ далѣе и видимъ возлѣ тросника лежитъ поверхъ воды мертвая кошка. Проѣхали мы мимо кошки, но послѣ какъ мы не старались пристать къ берегу, никакъ не могли; раза четыре подплывали мы еще къ кошкѣ; но какъ отъ кошки поѣдемъ до берега все не можемъ доѣхать и такъ мы промаялись до утра. Когда утромъ посмотрѣли гдѣ мы находились, то ока-

Лежитъ мертвая кошка. Рисунокъ В. Малышева.

залось, что мы за 5 верстъ, уѣхали внизъ по рѣкѣ отъ мѣста. Въ кошкѣ разсказчица видѣла водяного, который *ихъ такъ запуталъ, что они сами не* знали, гдѣ находились.

Разсказъ одного мужика, Василія,

который въ молодости ходилъ на заработки по чужимъ краямъ: Жилъ я на порогахъ рѣки Шексны и возилъ тамъ каменья въ порогѣ на плотину. Однажды пошелъ я съ товарищами на работу на праздникъ—Воскресенье. Съ нами былъ одинъ молодецъ, который отличался между нами хорошимъ поведенiемъ: вина и пива не пилъ, табаку не курилъ и пѣсенъ ни когда не пѣлъ. Въ Воскресенье молодецъ этотъ всталъ рано и сталъ насъ звать идти купаться. Мы согласились, человѣкъ 8, и пошли къ рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ знали, что не глубоко—около порога. Вотъ значитъ-ли идемъ мы къ рѣкѣ—разговариваемъ, вдругъ у насъ этотъ молодецъ сталъ пѣсни пѣть, не смотря, что было Воскресенье, мы стали ему подпѣвать и такъ шли къ рѣкѣ. Съ нами шелъ старшiй братъ этого молодца, но дорогой своротилъ въ сторону ягоды ѣсть, а мы тѣмъ временемъ пришли къ рѣкѣ, раздѣлись и стали купаться. Хотя Шексна рѣка и большая, а въ этомъ мѣстѣ, гдѣ мы купались, было мелко, всю рѣку можно было пройти бродомъ по грудь глубины. Вотъ этотъ молодецъ и говоритъ: „здѣсь, братцы, очень мелко, я пойду къ плотинѣ, тамъ хо-

рошо плавать и нырять, тамъ глубоко.“ Мы его стали было отговаривать, но онъ не послушалъ. Сначала онъ шелъ къ плотинѣ постепенно погружаясь въ воду все глубже и глубже, наконецъ его стало скрывать, тогда онъ поплылъ, а потомъ взялъ и нырнулъ къ плотинѣ. Долго его не было видно, потомъ показался да и крикнулъ во все горло: „ребята, гину.“ Но его снова утянуло къ низу. Мы всѣ стояли не зная, что дѣлать. Смотримъ его снова выкинуло на берегъ плотины; не долго онъ тутъ полежалъ—ноги въ водѣ, а руки и голова подъ водой и его опять удернуло въ воду. Мы видимъ, что не минучая, повыскакали всѣ изъ воды на берегъ и закричали брату—тотъ скоро на зовъ прибѣжалъ. Хотѣлъ было броситься въ воду вытаскивать брата, но мы его удержали. Долго потомъ его искали и насилу нашли. Когда его уже мертвымъ вытащили, изъ воды, то онъ былъ въ сидячемъ положенiи: руки поддерживаютъ подбородокъ, а локти рукъ упираются въ колѣна. На обѣихъ ногахъ у него были замѣтны 5 пальцевъ руки; мѣста эти посинѣли и даже вдавились. На ночь остались его караулить я, да его братъ. Вотъ значитъ мы развели огонекъ, и сидимъ разговариваемъ. Стало уже темнѣть. Отъ утонувшаго мы сидѣли саженей въ 5. Вдругъ откуда не возьмись черная кошка вскочила на утопшаго, посидѣла не долго и убѣжала прочь. Не много погодя прибѣжала собака, которая понюхала утопшаго и также убѣжало прочь. Намъ стало

Собака понюхала утопленника. Рисунокъ В. Малышева.

жутко Сидимъ и молчимъ. Вдругъ опять откуда не взялось стадо огромное коровъ и быковъ; всѣ они приблизились къ утопшему окружили его и стали мычать и рявкать. Мы до того перепугались, что не знали куда и дѣваться. Вскоро стало свѣтать и намъ стало немного повеселѣе. Въ заключеніи разсказчикъ сказалъ: все это водяной продѣлывалъ такіе ужасы чтобы устрашить насъ, а когда бы мы убѣжали, то пожалуй водяной утащилъ бы опять въ воду мертвое тѣло.

Разсказъ одного рыболова.

„Жилъ я на берегу Сухоны, въ Тотемскомъ у. Разъ собрался я съ вечера идти на ночевую удить рыбу; набралъ червей, запасся всѣмъ необходимымъ и хотѣлъ было идти. Жена стала почему-то уговаривать не ходить на ночевую удить, я ее не послушалъ и сказалъ: „не чертъ меня съѣстъ на рѣкѣ-то". Вотъ значитъ усѣлся я въ лодочку и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ зналъ, что рыба хорошо берется. Пріѣхалъ къ мѣсту, но такъ какъ было уже довольно темно, то я не сталъ удить, а вышелъ на берегъ и развелъ огонекъ. По утру, только что занялась заря я выѣхалъ на лодкѣ почти на середину рѣки и сталъ въ небольшой тросникъ. Погода стояла чудная, рыба въ рѣкѣ, такъ и играла. Я подумалъ, вотъ во время-то выѣхалъ; раза два закинулъ и хватился мнѣ огромный лещъ, который сталъ биться и ходилъ на лесѣ долго, долго, а потомъ, какъ плеснется по водѣ и унесъ у меня болѣе половины лесы. Я навилъ другую лесу и снова сталъ закидывать. Сначала рыба долго не брала, послѣ плеску леща, но потомъ слышу, крючекъ кто-то потащилъ, я дернулъ и вижу—небольшой головликъ—фунта 2. Сталъ я его поттаскивать къ лодкѣ, вдругъ откуда не взялась щука, хватила у меня головля, и у меня лесы опять какъ не бывало. Навязалъ я третью лесу, но рыба, не клювало. Сидѣлъ, сидѣлъ, наконецъ наскучило, положилъ удилище въ лодку и сталъ вертѣть сигарку, взглянулъ въ сторону своей деревни и вижу: изъ подъ одного амбара, на берегу выбѣжалъ бѣленькій звѣрекъ и спустился къ рѣкѣ. Сижу я въ лодкѣ, покуриваю табачекъ и вижу лишь лодки несетъ головешку, которая немного поплыла, а потомъ стала подниматься вверхъ по теченію рѣки и такъ раза три, между тѣмъ какъ въ этомъ мѣстѣ заводи никакой нѣтъ. Сижу я въ лодкѣ и смотрю, что будетъ дальше: вдругъ головешка эта куда-то скрылась, а вмѣсто ее откуда не взялась черная собака, которая стала плавать взадъ да впередъ около лодки. Поплавала немного, потомъ повернула къ лодкѣ. Я до того перепугался, что позабылъ сотворить крестную молитву, какъ можно скорѣе снялся съ якоря и поплылъ изо всѣхъ силъ къ берегу. Какъ только выскочилъ на берегъ, посмотрю назадъ, со-

Корова эта поплыла по рѣкѣ внизъ. Рисунокъ В. Малышева.

баки нѣтъ, а вмѣсто нея плыветъ рогатая пестрая корова, тутъ-то я и вспомнилъ сотворить молитву и сталъ читать: „Да воскреснетъ Богъ... Корова эта поплыла по рѣкѣ внизъ и скрылась. Потомъ, я слышалъ, вдали что-то долго хлопалось по водѣ, между тѣмъ какъ валовъ на рѣкѣ и вѣтру небыло. Вотъ страху-то насмотрѣлся, что и теперь даже страшно разсказывать“.

Разсказъ мужика о лѣсовинѣ.

„Однажды пошли мужики лѣсъ дѣлить. Дѣло было зимой. Пришли на мѣсто, развели огонекъ, а потомъ взяли съ общаго согласія выдѣлили одну полоску и продали ее одному зажиточному крестьянину. На вырученныя деньги заслали за водкой. Водки принесли за проданный лѣсъ довольно и ее въ лѣсу всю выпили. Домой пошли на веселѣ. Одинъ мужичекъ позабылъ у теплины (мѣсто пожога) рукавицы и воротился за ними. Подходитъ онъ къ теплинѣ и видитъ: стоитъ у теплины какой-то мужчина и грѣется. Подошелъ мужикъ къ

рукавицамъ взялъ ихъ и хотѣлъ идти домой. Мужчина и говоритъ мужичку: „что, давай бороться". И при этихъ словахъ взялъ его въ охапку и бросилъ въ

„Лѣсовикъ". Рисунокъ В. Малышева.

огонь. Мужичекъ ели выползъ изъ огня— весь обгорѣлъ. Мужичка пошли отыскивать и привезли еле живаго домой. Потомъ онъ поправился. Бросилъ его въ огонь никто иной, какъ лѣсовикъ (д. Вантіевки, Иванъ П...).

Записано *А. Поповымъ*.

Громила и дочь Шуша.

Жилъ былъ въ стародавнія времена ростовской воевода Громило. И имѣлъ вотъ этотъ самый Громило, окромя сыновей, одну только дочь Шушу. А была она, эта Шуша, и умная и пригожа, такъ-что въ пословицу вошло: „умна и пригожа, словно Шуша.“ А тотъ воевода Громило жилъ неподалеку отъ Ростовскаго озера (примѣрно сказать тамъ, гдѣ, теперь с. Козохово). Вотъ по близости его (Громилы) терема и *пондравилось* Шушѣ мѣсто при Гремучемъ ручьѣ: мѣстечко было такое красивое, раздольное да привольное! Тутъ она частехонько время проводила, на цвѣточки-кусточки любуясь. да къ себѣ добрыхъ молодцовъ поджидая: извѣстно, дѣло дѣвичье—о женихахъ, красныхъ молодцахъ, думу думати. И такъ ей, значитъ, это самое мѣсто *пондравилось*, что въ нѣкоторый часъ она проситъ своего родителя: „Родимой батюшко! построй мнѣ—своей дочери, дѣвкѣ съ соболиной бровью, съ горячей кровью, съ сахарными устами, надъ здѣшними мѣстами высокъ-свѣтелъ теремъ, чтобъ здѣсь я всю дѣвичью жизнь провела и полюбовничковъ-бы не завела.“ Все сдѣлано, какъ по писанному. Созвали всякаго народу-сброду, кого съ борку, кого съ сосенки: и каменьщикъ тукъ-тукъ! и плотникъ тукъ-тукъ! Выстроился высокъ-свѣтелъ теремъ. Вотъ и проситъ слезно опять младая Шуша своего отца: „А позволь ты мнѣ, батюшко Громило, чтобъ здѣсь мнѣ было и легко и мило—разрѣши собрать подруженекъ-

голубушекъ, Вмѣстѣ мы будемъ вѣкъ вѣковать, по женихамъ какъ кукушки куковать.“ И позволилъ то ростовской воевода Громило. Какъ вошла во свой свѣтелъ теремъ Шуша со своими младыми подружками, такъ и ахнула: *„Я весь вѣкъ сидѣть здѣсь буду!“* Похвалилась она, да не ко времени. А въ ту пору

Шуша со своими подружками. Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

княжилъ въ великомъ градѣ Ростовѣ Глѣбъ Юрьевичъ Долгорукой. А ему ростовцы плохо повиновались, надъ нимъ издѣвались: „Намъ тебя, княже, ненадо, а пришлетъ пусть до насъ великій князь Юрій младое чадо, своего другого сынка-ходунка (?).... Въ томъ и били они челомъ великому князю Юрію съ великой честью. А, на грѣхъ, дѣло позамѣшкалось. Бѣда случилась не малая: напалъ на Ростовскую Землю князь Михаилъ Зьяла и разграбилъ онъ теремъ Громилы и свѣтлицу Шуши за то самое, что Громило не хотѣлъ выдать ее за его сына, за князя Константина Зьялу. Вельми распалилъ свое сердце и Шушу полонилъ. А когда онъ переходилъ со дружиной черезъ Нерль рѣку, повстрѣчался съ нимъ незнакомый воинъ на бѣломъ конѣ, выхватилъ Шушу, отвезъ ее домой во свѣтлицу, да и былъ таковъ: въ лѣсу скрылся. А Громило сталъ развѣдывать, распрашивать у добрыхъ людей, у ростовскихъ мужиковъ: не знаете-ли вы, добрые люди, ростовскіе мужики, кто это этотъ славный и могучій богатырь на бѣломъ конѣ, какъ его звать по имени, какъ величать по отечеству?— Никто знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Стали думать, да гадать, и додумались, что это былъ великомученникъ Георгій, никто какъ онъ. И поставилъ воевода Громило во имя великомученика Георгія церковь деревянную близь свѣт-

Шуша стала ходить въ церковь Божію и увидала тамъ князя Ингваря.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Шуша таяла какъ свѣчка передъ иконой святой.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Воинъ на бѣломъ конѣ выхватилъ Шушу, отвезъ ея домой.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

лицы дочерниной; а во той во свѣтлицѣ ей ужъ сидѣть понаскучило; и стала она о чемъ-то тосковать-горевать, и таяла какъ свѣчка передъ иконой святой. И рѣшили добрые люди, ростовскіе мужики что ее сглазили. А дѣло было простое, нехитрое, дѣло дѣвическое: пріѣхалъ къ Громилѣ на праздникъ въ гости князь Глѣбъ, а съ нимъ пріѣхалъ молодой черниговской князь Ингварь (Игорь), который, вотъ, и приглянулся Шушѣ, словно корнемъ приворотнымъ приворожилъ. А ростовской воевода по дочери своей плакалъ и тужилъ, и перевелъ ее во свой городской теремъ; и стала она ходить въ церковь Божію, и увидала тамъ князя Ингваря. Прошла она мимо сего младого князя и зацѣпила (sic!) за него своей одеждой, будто ненарокомъ. И взглянулъ на нее младой князь Ингварь, и узналъ въ ней красную дѣвицу, что видѣлъ у воеводы Громилы. Распалилось его сердце молодецкое: какъ тутъ быть, чтобы красную дѣвицу добыть?—А у боярышенъ нянюшки-мамушки догадливы, на златую казну повадливы. И уладила дѣльцо нянюшка-мамушка, свела добра молодца съ красной дѣвицей. Стали они вдвоемъ ночи коротать, другъ-друга за бѣлы руки хватать. Вотъ и молвилъ таково слово князь Ингварь: „Отдай за меня дочку, воевода Громило, а не то будетъ всѣмъ намъ не мило, и твоей сѣдой бородѣ не великая честь, что успѣлъ я къ твоей дочери въ свѣтлый теремъ залѣзть.“ Нечего дѣлать. Согласился Громило волей-неволей.—А въ то время пожаловалъ въ Ростовъ ко

князю Глѣбу драгой гость, братъ его князь Мстиславъ, и увидалъ онъ разъ тоё самоё Шушу, и полюбилъ ее, и сталъ свататься. Хорошъ былъ женишокъ, да за дѣвкой водился грѣшокъ. Пришлось воеводѣ Громилѣ отказать на отрѣзъ: „Пошто, княже, за чужой невѣстой полѣзъ? Пошто опоздалъ? Допрежде тебя заклевалъ у меня дочку-дѣвицу, младую голубицу, другой младъ ясенъ соколъ, князь Ингварь. О томъ ты знай и вѣдай, а за чужимъ столомъ не обѣдай: голоденъ будешь, княже!“ И поѣхалъ вскорѣ воевода Громило къ великому князю звать его къ себѣ на свадьбу; а въ ту пору, какъ былъ у великаго князя, явился третій женишокъ, непровѣдавшій про дѣвичій грѣшокъ, князь Василій, родной братъ князя Мстислава, удалая голова. Не долго думая-гадая, полюбилъ онъ Шушу, что свою собственною душу, и увезъ ее обманомъ изъ родительскаго дома, и скрылъ ее у боярина Челига (неподалеку отъ рѣки Москвы, гдѣ нынѣ Веска, Вощажниковской волости). А Мстиславъ князь туда прискакалъ: значитъ, пронюхалъ, гдѣ его дѣвица живетъ. И сталъ упрашивать ее, улесчать, уговаривать. И не имѣлъ никакой удачи; даромъ истрепалъ хвостъ у своей княжеской клячи! А кляча та сто рублевъ стоила. А Шуша его такимъ отвѣтомъ удостоила: „Тебѣ княже, дѣвку смущать не пригоже; пожалуй, получишь кулакомъ по княжеской рожѣ. А у меня тяжелая рука: вотъ я дамъ тебѣ тумака! Сотвори лучше благо, отвези меня домой къ батюшкѣ огорченному да къ моему мужу нарѣченному. Сдѣлай милость!“ А жена боярина Челиги, злющая баба, даетъ князю

Шуша его такимъ отвѣтомъ удостоила: „Тебѣ, княже дѣвку смущать не пригоже“.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Мстиславу такой совѣтъ: „Повремени. мой свѣтъ! Дѣвичье сердце перемѣнчиво. Твоя будетъ! — И узналъ о томъ, провѣдалъ самъ великій князь Юрій Долгорукой, и зело распалился гнѣвомъ на сына, и послалъ его съ Великимъ Новгородомъ воевать, заказалъ съ чужими невѣстами баловать. А потомъ и князь Глѣбъ не сталъ даромъ ѣсть ростовскій хлѣбъ, ушолъ на помощь къ князю Мстиславу, добывать себѣ честь и славу. Вмѣстѣ съ нимъ ушолъ и князь Ингварь. Малое время спустя, заключили перемиріе. А въ ту пору, какъ кровь людская неповинная христіанская литься на время перестала, князь Ингварь пировалъ въ гостяхъ у новогородскаго князя, а князь Мстиславъ поѣхалъ на охоту, стрѣлять птицъ изъ лука по быстрому полету. А не задолго передъ тѣмъ случилась между ними свара (ссора): укорилъ князь Мстислакъ князя Ингваря съ великой издѣвкой, что онъ не повѣнчался съ Шушей, распрекрасною дѣвкой. И захотѣлъ ему князь Ингварь зѣло отомстить, и поскакалъ онъ въ лѣсъ за Мстиславомъ княземъ. А лѣсъ тотъ былъ дремучій; и услыхалъ онъ во томъ во дремучемъ лѣсу звѣриный вой, человѣческій стонъ; и видитъ звѣря дюжаго, матераго, медвѣдя мохнатаго; и держитъ медвѣдь въ лапахъ князя Мстислава, инда косточки хрустятъ, стонъ такой — какъ людей холостятъ. Позабылъ онъ Мстиславину грубость; убилъ звѣря дюжаго, матераго спасъ жизнь Мстиславу князю. А тотъ молвилъ ему съ великимъ земнымъ поклономъ: „Прости меня, будемъ братьями.

Князь Ингварь убилъ звѣря и спасъ жизнь Мстиславу.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Не хочу я теперь думу думать о твоей Шушѣ; вотъ тебѣ перстень златой, обручись ты имъ съ Шушей, володѣй ея красотой!" Тутъ князья помирилися, въ Великъ Новгородъ воротилися. А въ Новгородѣ колокола на Св. Софіѣ звонятъ—таково хорошо! Значитъ, миръ заключенъ, Новгородъ довольно поученъ. Зачался пиръ на весь новгородскій міръ. Угощалъ новгородской бояринъ Горяшинъ: его теремъ былъ ужъ больно златомъ-серебромъ разукрашенъ; а въ томъ терему сидѣла его дочка, красная дѣвочка. И приглянулась она князю Мстиславу, и сыгралъ онъ свадебку на славу. А князь Ингварь въ Ростовъ градъ прискакалъ, боярина Челига за бороду оттаскалъ, а его жену—плеткой: больно ужъ князь-то былъ милостивый да кроткой! И женился князь Ингварь на Шушѣ, сталъ жить-поживать, да княжать наживать. Сказывалъ мнѣ старый дѣтко, что Шуша родила не рѣдко. Почему-ста и не родить, коли есть чѣмъ сынковъ наградить?—Дѣло-ста княжеское, панское, а не наше-ста крестьянское.

Сказка. Баранья голова.

(Кокошиловской волости).

Жилъ старикъ со старухой. Дѣтей у нихъ не было. Вотъ разъ старикъ и говоритъ своей старухѣ:

— Я, старуха, пойду въ лѣсъ за рыжиками.

— Чтожъ, поди съ Богомъ, — отвѣтила ему жена.

Пошелъ старикъ въ лѣсъ и нашелъ тамъ баранью голову. Онъ перекрестился и поднялъ ее.

— Ну,—говоритъ онъ самъ про себя,—слава Богу, Господь послалъ мнѣ цѣлую баранью голову. Пойду скорѣй домой. Теперь мы со старухой наваримъ хорошихъ щей!

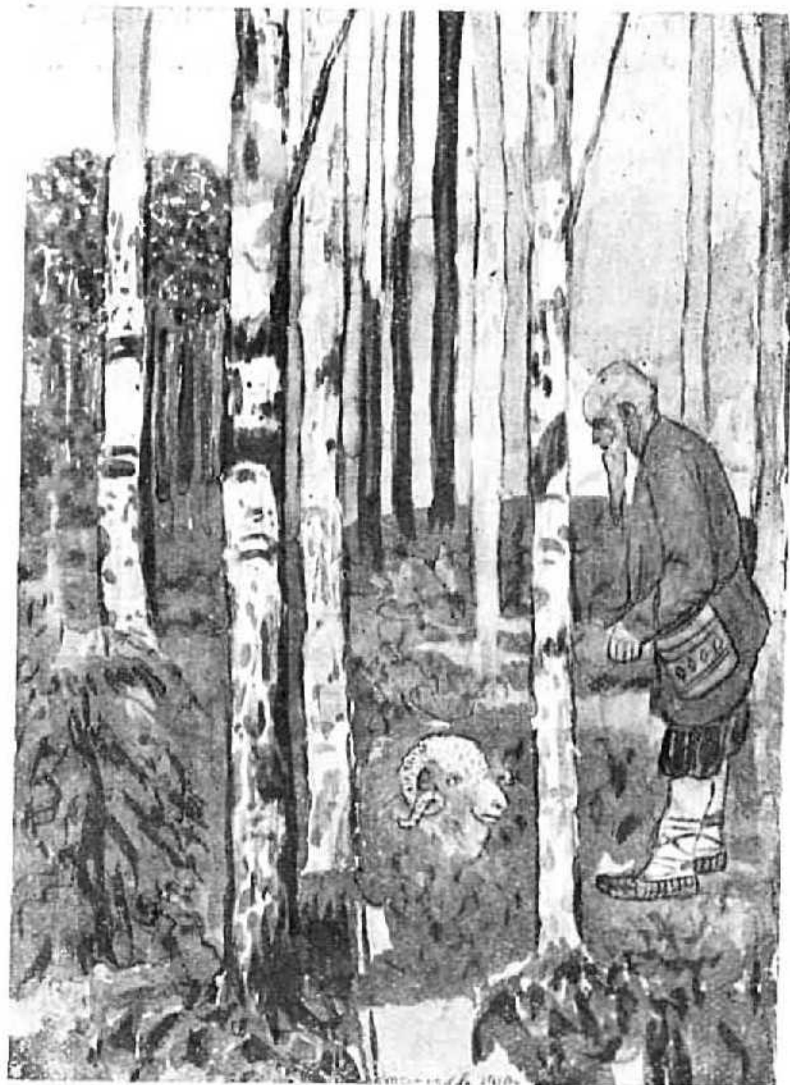
Принесъ онъ баранью голову домой, старуха ее выпалила, вымыла и хотѣла уже класть ее въ горшокъ. Какъ вдругъ голова эта заблеяла и говоритъ человѣческимъ голосомъ:

— Не варите, а жените.

Старикъ и говоритъ своей старухѣ:

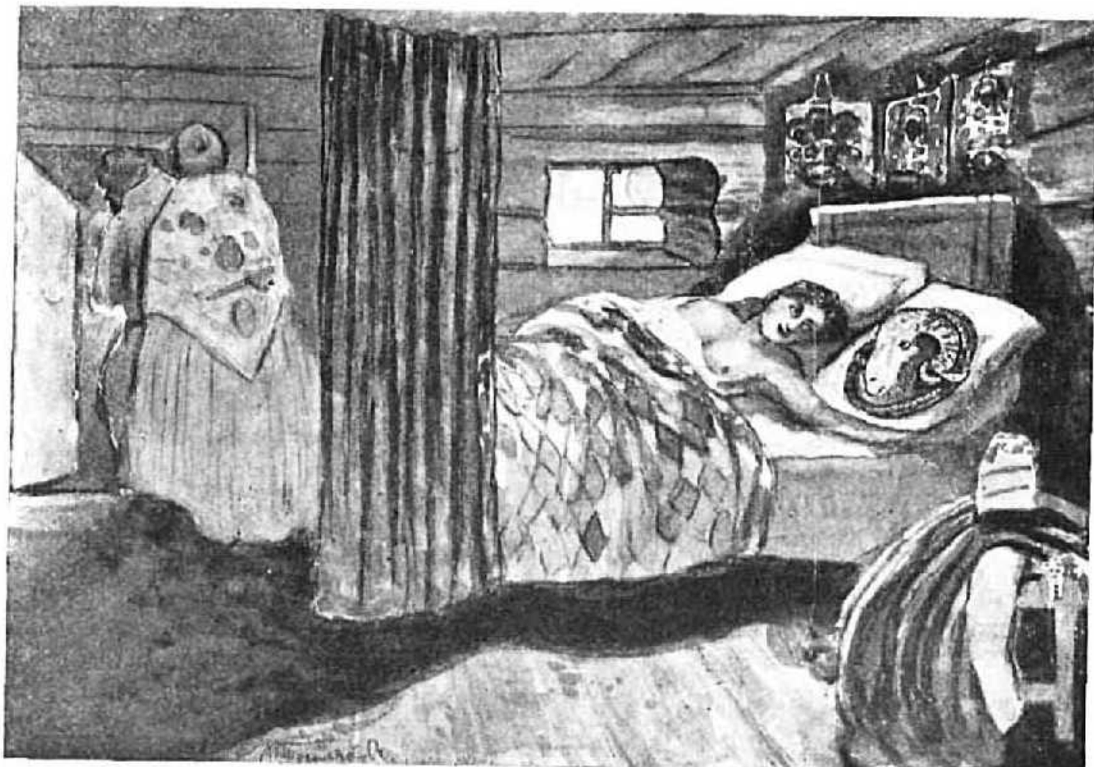
— Слава Богу, доброхотъ. Не станемъ варить, а будемъ женить.

Послѣ того сосватали невѣсту и собрались свадьбу играть. Положили баранью голову на тарелку и поѣхали къ вѣнчанію. Стали вѣнчать: невѣсту вкругъ налоя водятъ, а баранью голову на тарелкѣ носятъ. Повѣнчали. Пріѣзжаютъ домой. Стали столовать. Голову бережно

Пошелъ старикъ въ лѣсъ и нашелъ тамъ баранью голову.

Рисунокъ художника А. Третьякова.

Невѣста на постель легла, а голову на по- подушку поставили.

Рисунокъ художника А. Третьякова.

на столъ поставили. Сѣла и невѣста за столъ. Отстоловали. Невѣсту повели, а баранью голову на тарелкѣ понесли. Невѣста на постель легла, а голову на подушку поставили. Всѣ ушли.

Послѣ того баранья голова скатилась на полъ, сняла съ себя одну кожу, другую и третью и стала прекраснымъ добрымъ молодцомъ. Вотъ онъ и говоритъ своей молодой женѣ:

— Никому не сказывай про три кожи, и я все такой буду, а скажешь, — такъ уйду.

Прошла ночь. Добрый молодецъ опять натянулъ свои кожи и снова сталъ бараньей головой.

Но лишь только насталъ день, молодая не утерпѣла и сказала своей свахѣ, что баранья голова есть прекрасный молодецъ. Онъ узналъ объ этомъ.

Приходитъ слѣдующая ночь. Опять скатилась баранья голова на полъ, поскидала всѣ свои три кожи и сдѣлалась добрымъ молодцомъ. Потомъ онъ и говоритъ своей молодой женѣ:

— Не утерпѣла ты три ночи, теперь я уйду отъ тебя далеко, за тридевять земель, въ тридесятое царство. Тамъ ищи меня.

Вотъ онъ ушелъ. Жена запечалилась. Она сковала себѣ три посоха и три просфоры желѣзныя и отправилась въ путь дороженьку.

Шла она, шла, весь посохъ изподпирала и просфору желѣзную изгрызла. Дошла до истопки и говоритъ:

И видитъ сидитъ Ега-баба на печномъ столбѣ. Рисунокъ А. Третьякова.

— Истопка, истопка, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; не въ тя влѣзти, хлѣба ѣсти, годъ годовать, либо ночь ночевать, либо и нѣтъ.

Съ этими словами она отворила двери въ истопку. И видитъ: сидитъ Ега-баба на печномъ столбѣ. Она сказала Егѣ-бабѣ:

— Пусти, бавшенька, ночевать?

— Ночуй, ночуй! — отвѣтила Ега-баба.—Куда ходишь?—спросила она молодую.

А та ей и говоритъ:

— Ты сперва напой и накорми, а потомъ со мной и говори.

Ега-баба ее накормила, напоила и стала спрашивать, а молодая стала ей сказывать:

— Не видала ли ты бараньей головы? —проговорила она.

— Былъ, былъ, да ушелъ,—отвѣтила Ега-баба.

Дѣвушка въ царскомъ саду.

Жилъ былъ старикъ со старушкой. Было у нихъ двое прекрасныхъ дѣтей: сынъ и дочь. Вдругъ старикъ захворалъ и померъ. Старушка недолго пережила его и, умирая, приказала дѣтямъ жить дружно. Долго жили сироты спокойно; потомъ братъ женился. Попалась ему въ жены злая Баба-Яга. Братъ хоть и женился, по прежнему любилъ свою сестру и велѣлъ ей управлять хозяйствомъ, какъ хочетъ. А женѣ это не нравилось; она сама хотѣла хозяйничать и за это стала ненавидѣть золовку. Однажды братъ пошелъ въ лѣсъ и простился съ сестрой, а женѣ ничего не сказалъ. Это разсердило Бабу-Ягу; она пошла въ хлѣвъ, убила тамъ коровъ, овецъ и лошадей. А мужу сказала, когда онъ возвратился, что все это сдѣлала его сестра. Онъ за это нисколько не разсердился, только сказалъ: „пусть бьетъ, онѣ, вѣдь и ей принадлежатъ“. Въ другой разъ Баба-Яга перебила посуду, и опять сложила вину на золовку: а мужъ и теперь не разсердился, только сказалъ: „посуда, вѣдь и ей принадлежала“. Наконецъ, когда ничто не помогало, Баба-Яга, въ отсутствіи мужа, убила своего новорожденнаго сына, и въ этомъ обвинила золовку. Теперь мужъ повѣрилъ женѣ, очень разсердился на сестру, и сталъ придумывать, какъ наказать ее. Тогда жена посовѣтовала: „пойдемъ всѣ вмѣстѣ по ягоды; тамъ можешь у ней отсѣчь руки; такъ ее и оставимъ“; Мужъ согласился на это и втроемъ они отправи-

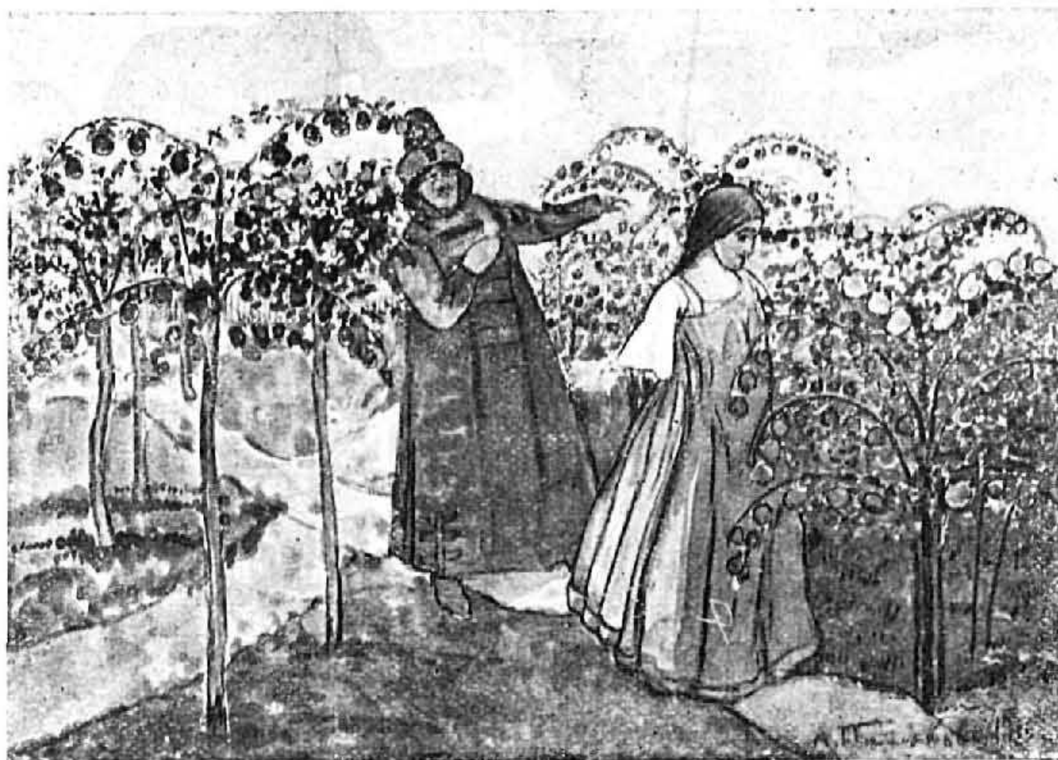
лись на островъ по ягоды. Тамъ Баба-Яга приказала мужу и золовкѣ вытащить лодку изъ воды, чтобы кто-нибудь не увезъ ее. Когда дѣвушка принялась за это дѣло, братъ отсѣкъ у ней обѣ руки на краю лодки, отправился потомъ съ женою домой, а сестру оставилъ на островѣ.

Когда дѣвушка принялась за это дѣло, братъ отсѣкъ у нея обѣ руки на краю лодки.

Рисунокъ А. Третьякова.

Дѣвушка и пошла по острову. Наконецъ подошла она къ прекрасному саду, въ которомъ находилось много фруктовыхъ деревьевъ; она сѣла отдохнуть у нихъ подъ тѣнью. Стала она теперь жить подлѣ (корня) дерева и питалась ягодами и тѣми плодами, которые падали съ дерева. А садъ этотъ принадлежалъ царевичу. Однажды онъ видитъ во снѣ, что будто онъ гуляетъ въ саду и находитъ въ немъ прекрасную дѣвушку. Проснувшись утромъ, онъ припомнилъ сонъ и пошелъ въ садъ посмотрѣть, не сбудется ли сонъ. Въ самомъ дѣлѣ въ саду онъ нашелъ дѣвушку, поклонился ей и сталъ спрашивать, какимъ образомъ она сюда попала. Когда дѣвушка увидала царевича, она хотѣла спрятаться въ кусты, но царевичъ приблизился къ ней и узналъ въ ней ту самую дѣвушку, которую видѣлъ во снѣ. Она была прекрасна собой, но рукъ у ней не было и потому она казалась печальною. Царевичъ началъ ласково говорить съ нею; она ободрилась и разсказала ему свое несчастіе. Тогда царевичъ велѣлъ ей идти за собой и обѣщалъ жениться на ней. Она сперва не

Когда дѣвушка увидала царевича, она хотѣла спрятаться въ кусты, но царевичъ приблизился къ ней.

Рисунокъ художника А. Третьякова.

вѣрила ему и думала, что онъ шутитъ; но когда онъ не отставалъ, наконецъ рѣшилась идти за нимъ. Прибывъ во дворецъ, царевичъ тотчасъ отправился къ своимъ родителямъ и говоритъ: „поздравляйте меня съ красивою невѣстою“. Когда родители увидѣли дѣвушку, они благословили его и начали приготовлять свадьбу. И такимъ образомъ царевичъ женился на безрукой дѣвушкѣ.

Нѣсколько времени они наслаждались счастіемъ; всѣ полюбили молодую царевну за ея красоту и доброту. Тутъ важныя дѣла принудили царевича оставить на время дворецъ. На дорогѣ онъ случайно остановился у брата своей супруги. Баба-Яга тотчасъ истопила царевичу баню и онъ пошелъ париться. Между тѣмъ туда же пріѣхалъ нарочный съ вѣстью, что царевна родила прекраснаго сына. Баба-Яга утащила письмо къ царевичу и подложила другое, въ которомъ было написано, что царевна родила щенка. Царевичъ выпарился и взошелъ въ избу; ему подали письмо; онъ прочелъ его и пригорюнился о своемъ несчастіи. Началъ плакать и долго не говорилъ ни слова. Наконецъ онъ написалъ отвѣтъ и приказалъ оставить въ живыхъ и царевну и новорожденнаго. Баба-Яга подложила другое письмо и въ немъ приказала тотчасъ положить царевну съ младенцемъ въ бочку и вытолкнуть ее въ море. Нечего дѣлать, должны были исполнить приказаніе царевича.

Бочка плаваетъ по морю три года, а младенецъ между тѣмъ подросталъ.

Вдругъ бочка наткнулась на что-то; младенецъ спросилъ булавку у матери, прокололъ въ бочкѣ дыру и черезъ нее увидѣлъ, что бочка остановилась на подводномъ камнѣ. Тогда онъ вышибъ дно, вылѣзъ изъ бочки и сѣлъ на камень; вдругъ большая волна унесла его въ море и онъ утонулъ. Печальная мать тоже вылѣзла изъ бочки, сѣла на камень и стала просить Бога, чтобъ какъ-нибудь пробраться на берегъ. Тогда пришла большая волна, которая унесла ее съ камня на берегъ. Здѣсь она сѣла и не знала, куда идти. Тутъ же на берегу одна щука запуталась въ камняхъ и не могла высвободиться. Царевна поймала ее кухтами, а щука стала просить, чтобъ она не убивала ее; царевна тронулась ея просьбами и отпустила ее. Тогда щука сказала изъ воды: „не печалься, бѣдненькая; поди туда на берегъ возлѣ горы, тамъ найдешь пѣну, умой ею свои кухты, тогда руки снова выростутъ; перелей потомъ пѣну изъ одной руки въ другую, такъ найдешь своего утонувшаго сына“. Царевна такъ и сдѣлала. Руки снова выросли и сынъ явился. Пошли теперь они искать себѣ убѣжище, наконецъ пришли въ избу, гдѣ жила Баба-Яга съ мужемъ. Случилось, что и царевичъ въ тотъ вечеръ былъ на возвратномъ пути и остановился тутъ же. Путницу никто не узналъ, до того обезобразили ее печали и несчастья; а она всѣхъ узнала. Подумали, что она ходитъ по-міру и удивлялись ея прекрасному ребенку. Ходитъ онъ по полу, пристально осматриваетъ все и избушка освѣщалась блескомъ отъ него. Царевичъ началъ разговаривать съ нимъ, и младенецъ сталъ разсказывать ему свою жизнь. Баба-Яга заставила его замолчать, но мать послѣ докончила его разсказъ.

Случилось что и царевичъ въ тотъ вечеръ былъ на возвратномъ пути.

Рисунокъ А. Третьякова.

Изъ этого узнали, что она супруга царевича, и удивлялись, откуда у ней выросли руки. Царевна тогда разсказала, какъ ей помогла щука. Обрадовались и отправились во дворецъ, а Бабу-Ягу привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разорвали.

На морѣ, на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ быкъ печеный: въ заду чеснокъ толченый, съ одного боку-то рѣжь, а съ другого—мокай да ѣшь.

Ершъ.

Былъ ершъ, — клеветникъ и ябедникъ. Просился онъ у мелькія рыбицы, у пескозобицы, карася толстобрюхова въ Ростовское озеро ночь переночевать и разогналъ онъ всѣхъ по тинамъ и по болотинамъ: ельца — на стрѣльца, сорогу — на дорогу. Ростовское озеро своимъ называетъ и говоритъ, што есь у меня въ Ростовскомъ озерѣ дворишко, во дворишкѣ, и въ этомъ дворишкѣ— коробишко, въ коробишкѣ. Есь, въ томъ коробишкѣ, пути и намети, государевы грамоты на Ростовское озеро. Вотъ онѣ послали карасишша толстобрюхова съ жалобой къ шшукѣ — бѣлугѣ, къ судьѣ праведной, къ слугѣ государевой. Палъ карась на колѣнки: разсуди нашо дѣло, мать наша шшука-бѣлуга, судья праведна, слуга государева, напросился къ намъ еще клеветникъ и ершъ ябедникъ въ Ростовское озеро — ночь переночевать, день передневать, и живетъ онъ нидѣлю и живетъ онъ другую и насъ мелку рыбицу и пескозобицу и карася толстобрюхова, разогналъ по тинамъ и болотамъ; Ростовское озеро своимъ называтъ, и пути и памяти объявлятъ.— Поди, сказала шшука-бѣлуга, пускай ершъ несетъ ко мнѣ пути и памяти. Не послушался карася толстобрюхова ершъ ябедникъ, а отвѣтилъ только: пошолъ отъ меня, не съ тобой мнѣ ричь говорить и отвѣты держать. Послали за ершомъ осетришша — большую головишшу, взяли этова ерша-кветника, ерша-ябедника и потащили ево нечесно,— гдѣ рука, гдѣ нога,—къ шшукѣ-бѣлугѣ, къ судьѣ праведной, къ слугѣ государевой. Завелъ осетра ершъ въ неводъ и самъ вырвался — убѣжалъ. По счесью, у невода была гнила матица, изъ которой осетришшо — большая головишша еле выбился, какъ гнилая колодина, и побѣжалъ опять онъ за ершомъ, догналъ ево на дорогѣ и утащилъ нечесно къ шшукѣ-бѣлугѣ, къ судьѣ праведной, къ слугѣ государевой. Стала шшука ерша спрашивати: какъ ты, ершъ, смѣлъ Ростовское озеро своимъ называть и добрыхъ жильцовъ изъ него вонъ разгонять? Есь у меня на Ростовское озеро пути, памяти, государевы грамоты.—Что-же ты не несъ ихъ суда съ собой?

— Не несъ, вотъ почему, шшука-бѣлуга — судья праведна, слуга государева — што когда горѣло синее море и Ростовское озеро, тогда сгорѣли мои пути, памяти, государевы грамоты.

— Кто-жо были у тебя на пожарѣ?

— Былъ на пожарѣ налимишко — большая головишша, коему пала въ лобъ тогда головня, отъ того у нево и лобъ черенъ; былъ окунь, — опалило у ево пе-реперья, отъ тово онѣ и красны; былъ чебакъ, у которова сожгло глаза, отъ тово онѣ не безъ петна.

Собрали свидѣтелей къ судьѣ — шшукѣ, спросила она ихъ о пожарѣ. Што ты, говорятъ, шшука-бѣлуга, судья праведная, слуга государена, — гдѣ слыхано, штобы сине море горѣло и огонь воду жралъ? Стали набираться люди, штобы посмотрѣть ерша диковиннова; пришолъ Андрюха и на ерша зрюхалъ, пришолъ Клиша — ударилъ ерша клиномъ, пришолъ Якимко и бросилъ ерша въ мякину, пришолъ Ѳома и потащилъ ерша въ омута, пришолъ Ѳекля и ставитъ на ерша петлю, пришолъ Исакъ и поймалъ ерша на сакъ, пришолъ Ѳедотъ — ершъ-отъ ужъ не тотъ, позвали Дороню — потащилъ ерша на дорогу, пришолъ Елецъ и потащилъ ерша на крылецъ, пришолъ Назаръ и потащилъ ерша на базаръ, прошолъ Елеса и оцѣнилъ ерша въ два гроша, пришолъ Давыдъ и зачалъ ерша давить, пришла Ненила и объ ершѣ повыла и подъ послѣдъ пришолъ Сава и вынялъ изъ ерша три пуда сала.

Мизгирь.

Въ старые года, въ первоначальные времена, учинилась ромода — въ краю, на болотѣ. Мухи, комары завоевали, по бездѣлицѣ забраковали, — что не лучшаго ловца, борца — мизгаря въ дѣло не ставятъ; а мизгирь сталъ сердиться да весьма ретиться, сталъ онъ ножками трести да мерешки плести. Не откуль взялась и прилетѣла оса - нага и боса и безъ пояса — и чуть она не пала, къ мизгарю въ сѣти попала. А мизгирь — онъ началъ ее бить да губить и за горло давить; а оса-то скачетъ и смѣшно плачетъ: тошно мнѣ да моей головѣ, на чужой сторонѣ! Краше бы мнѣ жить во своей слободѣ, а суды бы мнѣ не метаться и суды бы мнѣ не бросаться... Ахъ, ты, нашъ батюшко мизгирь! мы люди вольны, головушки наши больны, а дѣти мои малы, — безвинно погибнутъ. На то мизгирь не глядя, отвертѣлъ осѣ голову, какъ козлу Собиралися на погребенье весь честной крылосъ; а паутъ — зеленая голова былъ честнымъ господиномъ — попомъ; строка не кошна — дьякономъ; муха зелена — дьячкомъ; а комаръ — пономарь; а мошка грезна — просфирня была. И тутъ они осу чесно отпили, мертвыя кости похоронили и сами всѣ въ разныя стороны полетили. И потомъ стакались, сговорились ребята — удалыя головы; шершень да паутъ — зеленая голова, жукъ толстой,

а умъ простой, не скора похотка, не легка пометка и нечистая говоря: и пойдемте ребята на великую больно выручку и изломаемте у мизгиря сити. И *пришли онѣ къ мизгиревой сѣтѣ.* Шоршень залеталъ, забушевалъ, свою храбрую поступку явилъ, — у мизгиря сить проломилъ; а жукъ толстой — умъ простой, не скора похотка, не легка говоря—едва въ готовую дыру провалился; а паутъ-отъ—зеленая голова—залеталъ, забушевалъ да мизгирю въ сить попалъ, то его мизгирь началъ бить да губить да за горло давить: ахъ ты, паутъ — зеленая голова! называешша ты чеснымъ господиномъ-попомъ, а я вѣдь, говоритъ мизгирь, не деревенская дѣвка; знаю какъ попы-то поютъ! — хлесь онъ ево по шшокѣ да по другой сторонѣ; а у паута голова полетѣла. И со той побуды и со той баталіи, со тово кровопролитія великаго — всѣ мухи и комары залетѣли на красное болото и залетѣли въ осиново дуплищо и заткнулись овсянымъ снопишшомъ, и тутъ проклятому мизгирю ни которыми примѣрами добыть ихъ нельзя; дакъ онъ вѣдь, собака, востеръ и догадливъ былъ: стакался, сговорился съ дураками—съ мужиками, со бездильниками: со сверчкомъ — со врагомъ да съ клопомъ — блинникомъ, съ третьимъ тараканомъ: гой вы еси братцы, удалы молодцы! пойдемте со мной на красное болото, а на красномъ болотѣ стоитъ осиновое дуплишшо, а въ осиновомъ дуплишшѣ—мухи и комары заткнулись овсянымъ снопишшомъ и тутъ мнѣ, мизгарю, удалому молодцу, ни которыми примѣрами добыть ихъ нельзя: дакъ ты, сверчокъ, сѣдь на кочку да испивай табашну мочку; а ты клопъ-блинникъ по дуплю прохаживай да про меня, про мизгиря, проповѣди разсказывай, а ты тараканъ, потакай се одни. „Северничшнова числа проклятова мизгиря сковали, связали и въ Москву сослали, на кобылинѣ кнутомъ наказали, а на плахѣ голову отрубили; а тараканъ потакатъ, что точно дѣло было такъ. А мизгирь ношками тресетъ, да мерешки плететъ— на пути, на дорошкѣ, куды летаютъ мухи, комары да мошки, въ тепло мѣсто, въ красну весну и въ Петрово говинье. И услышали онѣ эти проповѣди, ототкнули осиново дуплишшо и овсяное снопишшо, полетили — да чуть не пали, да всѣ къ мизгирю въ сити попали. И тутъ мизгирь сдивовался и самъ срадовался и говоритъ онъ: ахъ, братцы очинь мелки!— Ахъ, ты, нашъ батюшко-мизгирь! Мы люди вольны, головушки наши больны; жили мы на красномъ болотѣ, въ осиновомъ дуплишшѣ и затыкались мы осиновымъ снопишшомъ и тутъ мы не допивали, не доѣдали. И куда ты хошъ съ нами и нашими мушными и комарными головами? И тутъ онъ, мизгирь, заскакалъ заплясалъ и ихъ всѣхъ въ грязь втопталъ.

Мужикъ и Царь.

Шли по обжорному ряду два мужика, разговаривали. Одинъ и говоритъ: „кабы я былъ царемъ, я бы все лукъ ѣлъ!“ А другой: „нѣтъ, кабы я былъ царемъ, я бы все калачи съ медомъ ѣлъ!“—А царь тутъ и былъ, позади ихъ шелъ.

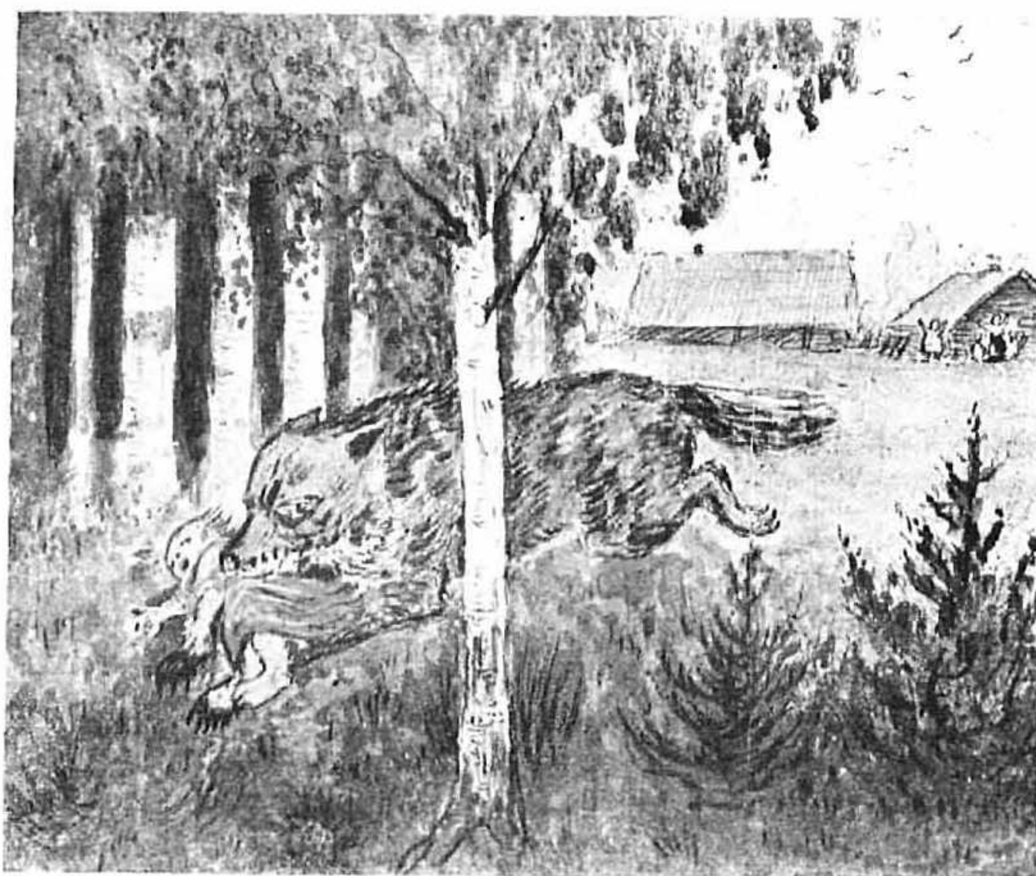
Вотъ онъ и спрашиваетъ одного: „хочешь быть царемъ?“ — А тотъ мужикъ былъ смирный, — какъ увидалъ царя, испугался и говоритъ: нѣтъ, говоритъ— это я такъ только, — пошутилъ! Царь спрашиваетъ другого: „хочешь быть царемъ?“ — Этотъ посмѣлѣе и говоритъ: хочу! „Ну, пойдемъ со мной!“ говоритъ царь. Пошли. Пришли во дворецъ. Царь велѣлъ мягкую постель изготовить и положить на нее мужика. Положили. Царь и спрашиваетъ. „ну, что мужикъ, мягко?“ — Мягко! — говоритъ. — „Хорошо?“ — Хорошо! — „Крѣпко спать будешь?“—Крѣпко!—„Принесите теперича, говоритъ царь слугамъ своимъ,—кинжалъ вострый и повѣсьте его надъ самой головой мужицкой на одной ниточкѣ!“ — Тотчасъ же слуги принесли кинжалъ и повѣсили. Какъ повѣсили, мужикъ и взмолился къ царю: Батюшка, ваше величество, не дайте умереть безъ покаянья душѣ христіанской, не загубите души крещеной, другу недругу закажу въ цари желать! -То-то же,—говоритъ царь,— вотъ такъ-то и вся наша жизнь царская ежечасно на ниточкѣ держится! — И жить хорошо, да опаски много! Иди теперича съ Богомъ,—говоритъ царь,—и не завиствуй впередъ цареву житью, а наипаче соболѣзнуй!“— Съ тѣхъ поръ полно мужикъ въ цари лѣзть, и калачемъ не заманишь больше его въ эту должность.

Разсказъ про лѣшаго.

„Знаешь, когда я жилъ въ Лопатовѣ монастырѣ лѣтъ 10 тому назадъ. Ну, дакъ вотъ какая исторія тутъ случилась при мнѣ уму помраченье“. Недалеко отъ монастыря есть волость Пальшена — Пальшенская волость. Дѣло было по веснѣ. Баба садила въ огородчѣ лукъ, на подмогу къ ней приходитъ свекровушка— баба и давай ее ругать, „чево ты тамъ запропастилась, не идешь садить луку“.— „Что ты ругаешься, вѣдь я съ твоими ребятами вожусь, не оставить ихъ однихъ вонъ Маша то побольше, дакъ и играетъ одна“. Въ это время Маша, дѣвушка лѣтъ 4 и бѣжитъ къ матери по грядѣ, гдѣ насаженъ лукъ, та увидала и закричала на нее. „Ой, говоритъ, Никудимка то тебя унесла, лѣшой бы тебя унесъ, весь лукъ, говоритъ, истопчешь. Свекровь услыхала эти слова и говоритъ: „полно баба, говорить нехорошія слова, чево бы не случилось съ Машей.—„Да ничево, не бось не лѣшій ее унесетъ, никуды не дѣваечче“. — „А ты бы попридержала

Они побранились. Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Сѣрый волкъ схватилъ Машу въ ротъ и понесъ въ лѣсъ. Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

языкъ то, нѣмного, Маша немного натаптала луку. Побранились бабы между собой и бросили. Извѣстно, бабы дакъ бабы и есть. Тутъ пришли три дѣвушки-подруги Маша то и пошла съ ними въ поле на лужокъ играть. Играютъ ребятка и Маша съ ними, только вдругъ, откуда ни возьмись, прибѣгаетъ большущой сѣрой волкъ схватилъ Машу въ ротъ и понесъ въ лѣсъ. Баба со свекровью въ это время досадили лукъ, свекровь и говоритъ: „поди, баба, поищи Машу, приведи ее домой“.—„Да она и сама придетъ“. „Поди тебѣ говорю, приведи“. Баба пошла къ ребятишкамъ въ поле, гдѣ они играли, а они ей на встиѣчу бѣгутъ и гричатъ: „Ой тетушка, прибѣжалъ къ намъ сѣрой волкъ, схватилъ Машу въ ротъ и ушелъ въ лѣсъ; несетъ, а она кричитъ“.— „Ой, Мама, ой мама, ой мама“. Тутъ у бабы сердче такъ и захолонуло. Собрали народъ, давай искать Машу, да фига найдешь, когда ее лѣшой унесъ. Послѣ то видали ее, да поймать то ни какъ не могутъ. Одинъ мужичекъ говорилъ, что неодинова видѣлъ Машу: „вижу, говоритъ, ее, да все за канавай, большая канава и полная воды мнѣ все представляеччо, передти никакъ не могу. Такъ и пропала дѣвушка. Ходила баба съ мужемъ и къ знахарю, который знается съ чертями, да и тотъ подѣлать ничево не могъ. „Нѣтъ говоритъ, ничево не подѣлаешь, служите молебны, дакъ развѣ что будетъ, а то ничего не подѣлать.

Разсказъ крестьянина про рыбака.

Однажды лѣтомъ рыбакъ поѣхалъ въ лодкѣ съ товарищемъ острожничать. Наѣхали на такую рыбину, которая стоитъ на водѣ головой. Рыбакъ узналъ, что рыба завсегда стоитъ противъ воды, а эта рыбы по водѣ одначе осмилился всадить ей прямо въ загривокъ, колонулъ въ острожье обухомъ и сказалъ благослови Христосъ. Дракъ (вдругъ) ни рыбины не острожья не стало, дѣлать нечего пришлось повернуть къ берегу и идти къ шалашу. Пришли развели топлинку сидятъ да грiются, другъ приходятъ два мужичка и зовутъ одного изъ нихъ который всадилъ рыбинѣ острогу. Говорятъ волей или неволей ты долженъ съ нами итти. Дѣлать нецево пошелъ мужичекъ за ними. Приходятъ въ избу. Въ избѣ рыбакъ увидалъ острогу въ спинѣ у мужика; мужикъ стонетъ стали спрашивать рыбака, зачѣмъ онъ ему воткнулъ въ спину острогу. Мужикъ отвицаетъ: вы, баетъ знаете нашего брата рыбака зачѣмъ ѣздимъ ночью по водѣ въ лодкѣ чтобы сонную рыбу этой самой острогой рубить. Я не зналъ, шьте бы эта рыбина была человѣкомъ, потому садонулъ ей прямо въ загривокъ и сказалъ, благослови Христосъ. Тогда старшiй изъ семейства сказалъ ну ладно мужичекъ вынимай острогу изъ спины, а вы ребята принесите розокъ. Мужикъ вынялъ острогу, а больной не отдаетъ рыбаку острогу. Старшiй велѣлъ съ изнова сте-

Острога въ спинѣ рыбака. Рисунокъ В. Малышева.

гать: разе тебя опускаютъ за тѣмъ, шьтебы ты шалилъ да оборочаивался щукой и пугалъ рыбковъ, порите его пуще, шьте кожа отъ костей отставала. Отпороли крѣпко на крѣпко, а больной все не отдаетъ острогу, такъ и не отдалъ. Мужика отнесли въ шалану къ товарищу, а товарищъ уже давно ево дожидается. Какъ только ушли тѣ, мужикъ и баетъ давай братъ одинемъ два крежа своими цежолками, а сами уйдемъ ляжемъ въ малинникѣ. Только успѣли спрятаться въ малинникѣ, другъ бѣжитъ въ которомъ была острога прямо къ крежамъ и прямо втыкаетъ въ одного острогу надко и тебѣ попало въ бокъ. А мужикъ изъ малинника и отвицеетъ не въ меня, а въ кряжъ. Такъ рыбакъ черта и обманулъ.

Записано въ Костромской губ.

Разсказъ про дурную привычку.

Одинъ мужикъ имѣлъ дурную привычку хлестать кнутомъ посторонамъ, по кустамъ и деревьямъ, куда бы онъ ни ѣхалъ. Разъ онъ пошелъ осенью въ лѣсъ по грибы и заблудился... Утомился страшно, бродя по лѣсу цѣлый день; сѣлъ на пенекъ отдохнуть. Свечерѣло. Видитъ мужикъ: невдалекѣ мерцаетъ огонекъ. Пошелъ къ нему. Огонекъ свѣтился въ избушкѣ. Зашелъ въ нее.

Здѣсь встрѣтилъ онъ одинокую женщину, которая мучилась родами. Онъ помогъ ей разрѣшиться отъ бремени. Она попросила у него русскаго хлѣба. Онъ далъ ей кусочекъ.

Въ полночь послышался необыкновенный шумъ въ лѣсу. „Это мой мужъ идетъ" говоритъ родильница:

„Спрячься на печку".

Едва успѣлъ спрятаться мужикъ, какъ въ избу вошелъ сѣдой старикъ въ бѣломъ балахонѣ въ лаптяхъ и берестяной шапкѣ.

Взглянулъ онъ на печь и говоритъ:

„а пріятель попался, ты мнѣ всѣ глаза выхлесталъ: куда бы не поѣхалъ, все хлещешь по мнѣ кнутомъ... слѣзай ка

Вошелъ сѣдой старикъ въ бѣломъ балахонѣ, въ лаптяхъ и берестяной шапкѣ.

Рисунокъ В. Малышева.

съ печи, я похлещу тебя вершинами березъ, такъ не будешь впередъ хлестать безъ нужды по чемъ попало".

Но жена хозяина вступилась за мужика:

„Не тронь его, онъ помогъ мнѣ разродиться и далъ русскаго хлѣба".

„Ну хорошо что помогъ моей женѣ, а худо бы тебѣ было, сказалъ старикъ.

Нетрудно догадаться, что это былъ лѣшій, а жена его русская дѣвка, проклятая своею матерью.

Разсказъ про Ивана-Жениха.

Былъ морозный вечеръ. Ѣхалъ обозъ извощиковъ по дорогѣ, пролегавшей дремучимъ боромъ.

Вдругъ налѣво сквозь мохнатыя ели мелькнулъ огонекъ. Извощики начинаютъ всматриваться и видятъ огромный домъ, освѣщенный уже множествомъ огней.

„Диво дивное разсуждаютъ они:" въ прошломъ году проѣзжали ничего не было; а нынче какой домъ выстроенъ. Кто то живетъ въ этомъ theремѣ?"

„Мой тесть живетъ".

— Подшутилъ Иванъ, одинъ изъ молодыхъ парней.

— „Угадалъ", послышался изъ лѣсу незнакомый голосъ: поѣзжай ко мнѣ, у меня есть для тебя невѣста".

Волей-неволей парень долженъ былъ заѣхать.

Его приняли почетно: слуги убрали его лошадь на дворъ, а самого его привели въ комнату хозяина. Хозяинъ—сѣдой старикъ, одѣтый въ бѣлый бархатный кафтанъ, усыпанный блестящими пылинками, сидѣлъ на стулѣ. Пригласилъ Ивана къ столу, за которымъ угостилъ его всевозможными кушаньями и заморскими винами. Въ половинѣ пира тихо отворилась дверь и въ ней показалась молодая красавица.

— „Ну Иванъ, сказалъ хозяинъ:" недѣльки черезъ три пріѣзжай за невѣстой. Изъ твоей родни съ тобой никто не поѣдетъ, но ты не безпокойся объ этомъ—набери побольше кабацкой голи и кати съ ней сюда".

Такъ все и случилось. Какъ только подъѣхали къ дому хозяина, слуги встрѣтили ихъ, повели въ покои и одѣли въ роскошныя платья. Попировали на славу. Всѣ были одарены богатыми подарками взяли невѣсту съ богатымъ приданымъ и весело поѣхали вѣнчаться. Передъ отъѣздомъ хозяинъ наказывалъ жениху.

— „Смотри, Иванъ, какъ вернешься изъ церкви въ свою избу, и начнешь

Въ дверяхъ показалась молодая красавица. Рисунокъ В. Малышева.
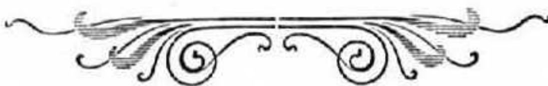
пировать—наружную дверь оставь полуотворенной". Такъ и сдѣлалъ женихъ. Во время пира никто съ невѣсты глазъ не сводитъ: такую красавицу нашелъ Иванъ гдѣ то. Особенно пристально вглядывается въ нее попадья и черезъ нѣсколько времени говоритъ:

— „Батька, вѣдь невѣста то—наша Саша".

— „Угадала: точна ваша", отвѣтилъ изъ сѣней незнакомый голосъ и вслѣдъ затѣмъ раздалось хлопаніе въ ладоши и бѣшеный хохотъ. Теперь всѣмъ стало понятно, кто былъ названный тесть Ивана. Дѣло въ томъ, что у попа потерялась дочка и долго не было о ней ни слуху ни духу; а потерялась она въ сумеркахъ, когда попадья за что то разсердилась на нее и крикнула: „чтобъ тебя лѣшій унесъ, проклятую".

Записано *П. Верссовымъ.*

Въ Новогородской губ. Бѣлозерскаго уѣзда.

Разсказъ старика Федора о кладахъ.

„Клады тоже разные бываютъ; кладутъ ихъ съ разными заклятіями напр. попадется кладъ доброму человѣку, — въ *пользу, а худому на гибель*", *а то такой* зарокъ кладутъ на кладъ, что и вѣкъ его не достанешь. А то черта на кладъ сажаютъ; тогда его нужно обманить, чтобы достать кладъ; тутъ, вѣстимо, безъ колдоства никто, ничего не подѣлаетъ.

„Давно это было, у насъ въ деревнѣ, я и не помню, а старикъ батюшка покойный разсказывалъ,—пошли искать кладъ; разсказано было, гдѣ найти, и какъ взять, и все такое. Ну, пошли ночью двое; нашли мѣсто, стали рыть. Рыли, рыли видятъ боченокъ. А тутъ и подошла къ нимъ черная корова (знамо дьяволъ), да одного изъ нихъ какъ ткнетъ рогомъ подъ бокъ, а тотъ и не вытерпѣлъ сдернулся чернымъ словомъ, т. е. чертъ тебя побери и т. п.". Какъ только сругнулся, такъ кладъ то и загремѣлъ и ушелъ отъ нихъ; рыли, рыли—и слуху нѣтъ, ни боченка, ни дыры, какъ провалился; и корова пропала. „Вотъ какъ клады то бываютъ".

Крестьянка села Вассовъ о кладахъ разсказывала слѣдующее „моему покойнику батюшкѣ три раза снился во снѣ кладъ: и мѣсто, и какъ его взять. Спитъ это онъ, и приходитъ къ нему мужичекъ старый, древній и говоритъ: „иди ты, Тимофей, за Пасѣкъ, лѣсокъ небольшой, тамъ найдешь кочку, подъ той кочкой кладъ лежитъ, ты его найдешь". Проснулся батюшка, пошелъ за Пасѣкъ и вправду нашелъ такое мѣсто, какъ ему старичекъ разсказывалъ, а рыть побоялся, говорятъ дуже (очень) страшно бываетъ; тутъ со всѣхъ сторонъ такъ и налетятъ вѣдьмы, и черти и стращаютъ, а оглянутьса никакъ нельзя, сейчасъ такъ и разорвутъ на клочки, ужъ иди не оглядывайся, не откликаяся, кто бы тебя ни кликалъ. Три ночи подрядъ снился батюшкѣ сонъ; такъ и не пошелъ онъ—побоялся.

Разсказъ Осипа Гаврилова.

„Нужно тоже время когда искать кладъ; въ ночь подъ Ивана Купалу, 24 іюня, цвѣтетъ цвѣтъ — попоротникъ, горитъ, какъ свѣчка; вотъ говорятъ нужно сорвать этотъ цвѣтокъ, тутъ будутъ нечистики стращать, и что--и что не дѣлать, а ты зная срывай. Потомъ пустишь огонекъ и иди за нимъ, онъ и приведетъ тебя къ кладу. Только иди не оборачивайся и ничего не бойся, а не то пропадешь. Бываетъ, что кладъ и самъ встрѣчается съ человѣкомъ, въ разныхъ видахъ: то клубкомъ, то свиньей, а то такъ и человѣкомъ. Тогда нужно уда-

рить его и кричать: „аминь аминь, разсыпься кладъ“, онъ и разсыплется. А то мнѣ сказывали да забылъ гдѣ, это было —купили домъ хозяева, перебрались въ него и напервую же ночь слышатъ: „валюсь, валюсь“, кричитъ кто то на потолкѣ, просто всѣ перепугались; бились, бились днемъ искали, никого не нашли. Итакъ каждую ночь; просто жуть напала, такъ и вышли вонъ изъ дома. Случилось былъ въ той деревнѣ проѣздомъ баринъ; запоздалъ и попросился ночевать, а онъ тожъ не вѣрилъ ни чертямъ, ни вѣдьмамъ. Какъ услышалъ онъ про домъ, гдѣ кричитъ, такъ и попросился туда; его свели, съ нимъ пошелъ и хозяинъ. Вотъ въ самую полночь и слышатъ—„валюсь, валюсь, а баринъ взялъ револьверъ и говоритъ: „вались“. Вдругъ раздвинулся потолокъ, а оттуда и лѣзетъ гробъ. Баринъ какъ ахнетъ въ него и зазвенѣло по всему полу, когда они опомнились со страху,—видятъ на полу все одно золото разсыпано.

Разсказъ крестьянки Кабановой.

У крестьянки Кабановой умеръ взрослый сынъ Дорофей, горячо ею любимый. Она долго и сильно „горилась“ (тосковала) по немъ. Желая чѣмъ нибудь разогнать свою тоску, она стала приглашать къ себѣ въ избу побирушекъ, которыя проходили или проѣзжали по деревнѣ, чтобы онѣ своими разсказами развлекали ее. Одна изъ такихъ побирушекъ разсказывала ей такой случай:

У матери одной, не хуже, какъ у меня, сынъ большой померъ, больно она по немъ тужила, да такъ, что задумала отрыть его—еще поглядѣть разокъ. Взяла это она ночью лопату—пошла отрывать. Ну, на эту ночь не отрыла. На другую пошла—рыла, рыла—вдругъ какъ оттель выскочитъ бѣлая собака. Она со страха лопату кинула, да домой, а собака за ней, до самыхъ дверей ее проводила. Ну, ужъ послѣ того она на кладбище ночью не ходила. Это значитъ, на нее наслано было — что такой грѣхъ задумала—мертвеца отрывать.

Про этотъ случай Кабанова говорила одной барышнѣ. Разсказываемый случай напомнилъ ей, какъ она сама тосковала съ мужемъ по сынѣ. Она продолжала свой разсказъ такъ:

Старикъ мой тоже все по Дорофею скучалъ, вотъ тоже, какъ сильно скучалъ. Только Богъ ему сны хорошіе послалъ: частенько онъ его видитъ, да такъ все хорошо: будто веселый такой Дорофей, да здоровый и говоритъ ему:

„Не тужи по мнѣ, отецъ, такъ мнѣ здѣсь хорошо, досталъ я себѣ мѣсто хорошее. Вы тамъ бьетесь, работаете, а мнѣ здѣсь спокойно“.

Разъ хозяинъ на дворѣ спалъ, да пришелъ мнѣ и сказываетъ: „Ну, ста-

руха, навидался я ныньче съ нашимъ Дорофеемъ, наговорился всласть". Я себѣ на умѣ держу: „хоть бы меня разокъ Богъ повелъ его увидать". Вотъ легла я это разъ, только заснула и вижу Дорофея, да такого хорошаго, наряднаго: рубаха кумачевая, новая, штаны плисывые, а изъ лица онъ самъ такой бѣлый, хорошій. Я его и спрашиваю: „Сыночекъ, хорошо тебѣ тамъ?" А онъ мнѣ говоритъ:

„Хорошо, ужъ вотъ какъ хорошо, мамушка. Особливо по праздникамъ еще пуще хорошо".

А я ему — „это потому сынокъ, что съ отцомъ тебя по праздникамъ поминаемъ, подаемъ за твою душеньку, на канунъ и угодникамъ свѣчки ставимъ. А что, сынокъ, говорю, „по дому, то, да по насъ не скучаешь когда?

— „Нѣтъ, говоритъ мамушка, хорошо мнѣ здѣсь очень и не скучаю я, а только раньше вотъ кой-когда доводилось грязь ковшемъ черпать.

А это тутъ мы съ отцемъ по немъ дюже плакали.

Разсказъ про домового.

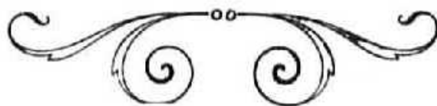
По словамъ женщинъ домовой очень не любитъ, когда принесши дрова, кто-либо изъ женщинъ бросаетъ ихъ съ размаху на полъ, вмѣсто того, чтобы положить ихъ потихоньку. Особенно не хорошо это для беременной женщины. Когда у такой беременной женщины неугодившей домовому, родится дитя, то домовой начинаетъ ей за то, что она бросала дрова на полъ со всего размаху, вмѣсто того, чтобы положить ихъ потише, мстить, такимъ образомъ: когда эта женщина начнетъ класть къ себѣ на постель своего уже подросшаго нѣсколько ребенка, домовой является къ ней во снѣ и начинаетъ ее дразнить и лѣзть къ ней. Женщинѣ представляется по близости около нея находится какое то полѣно, она схватываетъ это полѣно и бросаетъ имъ въ домоваго. Въ эту же самую минуту она бываетъ внезапно пробуждена крикомъ своего собственнаго ребенка, котораго она, считая во снѣ за попавшееся полѣно, сбросила на полъ.

Одна крестьянская женщина разсказала про лѣсоваго такой случай: однажды она была въ лѣсу и собирала грибы. Вдругъ она была привлечена необыкновеннымъ явленіемъ. На суку елки стояла нарядная дѣвушка. Женщина протянула было руку, чтобы снять эту дѣвушку, но та спрыгнула на землю и спряталась въ кусты. Женщина начала ее отыскивать, но тутъ ей представилось, что она вдругъ попала въ какое то болото и стоитъ въ немъ по горло. Тутъ она начала кричать и звать на помощь своихъ недалеко находившихся товарокъ, крича изо всѣхъ силъ: „бабы, поратуйте, зали-

ваюсь". Товарки, сбѣжавшіяся на этотъ крикъ были весьма удивлены, кричавшая женщина стояла на сухомъ берегу около елки благимъ матомъ визжала, „бабы поратуйте—заливаюсь". Кое какъ стащили ее съ мѣста. Тутъ она только замѣтила, что вмѣсто представлявшагося ей страшнаго болота, она стоитъ на сухомъ берегу. „Это тебѣ, кумушка, должно быть домовой осѣтилъ, что тебѣ представилось болото, въ которомъ ты заливалась. То-то значитъ не въ добрый часъ попасть" закончила свою рѣчь кумушка и всѣ поскорѣе поспѣшили уйти изъ лѣса.

Другой случай былъ такого рода: одна женщина шла съ мальчикомъ въ поле. На перекресткахъ или ростаняхъ женщина эта за что то разсердилась на мальчика и обругала его чернымъ словомъ, т. е. назвала его чортомъ. Вдругъ въ это же самое время явился ей на перекресткахъ тутъ же какой то незнакомый мужчина и сталъ ей загораживать дорогу, не пуская перейти ростани. Такъ провозилась эта женщина дольше полчаса. Наконецъ, она поняла, что тутъ дѣло неладно, что передъ ней стоялъ не простой мужчина. Она какъ то произнесла въ умѣ: „Господи, Іисусе Христе", послѣ чего этотъ неизвѣстный мужчина внезапно скрылся. Въ другой разъ однажды нѣсколько женщинъ собирали ягоды въ лѣсу. Въ самый полдень онѣ только что расположились около одного болота, вблизи котораго протекалъ ручеекъ, какъ одна изъ нихъ увидала, что по самому болоту идетъ какая то женщина, вся въ черной одеждѣ, низко накрывшись чернымъ платкомъ. Женщина испугавшись этой незнакомой довольно странной фигуры закутанной во все черное, поспѣшила скорѣе сообщить объ этомъ своимъ товаркамъ. Всѣ изъ нихъ отлично видѣли, какъ незнакомка эта прошла болото ни чуть не утопая и быстро скрылась въ лѣсу. Женщины эти, порѣшившія, что это непремѣнно шла лѣсовиха, поспѣшили скорѣе уйти изъ лѣсу. Когда идешь изъ лѣсу, то по мнѣнію крестьянокъ ни какъ нельзя ходить съ дороги вправо для своей естественной потребности, а непремѣнно нужно сходить въ лѣвую сторону, иначе осѣтитъ того человѣка лѣсовой и уведетъ куда либо въ лѣсъ такъ, что онъ можетъ заблудиться. Однажды одинъ крестьянинъ ѣхалъ по лѣсу съ сыномъ своимъ на плохой лошаденкѣ. Онъ отсталъ отъ своихъ товарищей и еле-еле плелся по дорогѣ. Вдругъ его нагоняетъ всадникъ на хорошей вороной лошади и говоритъ ему: „ты вѣдь, дядя заблудился, поѣзжай за мной". Мужикъ и въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что онъ заблудился и свернувши съ настоящей дороги, поѣхалъ за этимъ незнакомцемъ. Такъ проѣхалъ мужикъ кое какъ на своей плохой лошаденкѣ съ полверсты. Всадникъ видя, что мужикъ все отстаетъ на своей плохой клячѣ говоритъ ему: „дядя тебѣ тяжело ѣхать сажай ко мнѣ твоего сына". „Нѣтъ, говоритъ мужикъ, какъ нибудь доѣду". Всадникъ, проѣхавши еще немного, сталъ опять уговаривать мужика отдать къ нему на лошадь своего сына. Мужикъ все не соглашается. Наконецъ, всадникъ опять въ третій разъ сталъ просить у мужика сына, но мужикъ все стоитъ на своемъ. Чѣмъ подвигались они дальше, тѣмъ дорога становилась все тяжелѣе и тѣснѣе и наконецъ, лошадь мужика совсѣмъ начала споты-

каться. Тутъ мужикъ не вытерпѣлъ и говоритъ „Господи, да куда жъ мы это ѣдемъ". Не успѣлъ мужикъ проговорить эти слова, какъ всадникъ дико захохотавши, засвисталъ, загикалъ какимъ то нечеловѣческимъ голосомъ и помчался быстро по лѣсу прочь отъ мужика. Мужикъ съ ужасомъ тутъ только замѣтилъ что его лошадь по брюхо завязла въ болото. Кое какъ мужикъ выбрался изъ болота и тутъ то только замѣтилъ, что они ѣхали не по дорогѣ, а все куда то въ сторону. Долго онъ отыскивалъ дорогу, призывая на помощь всѣхъ святыхъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, кое-какъ попалъ на дорогу. Ѣхалъ однажды одинъ мужикъ въ свое село. На дорогѣ его захватила ночь, въ это же самое время пошелъ и порядочный снѣжокъ. Ѣхалъ, ѣхалъ этотъ мужикъ, смотритъ подъѣзжаетъ къ какому то жилью. Спрашиваетъ, какая это деревня?— ему отчѣчаютъ. „Молотино". „Что за оказія, думаетъ мужикъ" изъ Молотина выѣхалъ и опять туда же пріѣхалъ. Поѣхалъ опять. Вотъ онъ ѣздилъ, ѣздилъ смотритъ опять къ какимъ то заборамъ подъѣзжаетъ. Справляется куда пріѣхалъ, оказывается опять въ Молотино. „Что за притча, кричитъ мужикъ. Завернулъ онъ лошадь и опять поѣхалъ, и опять то же самое пріѣхалъ на то же мѣсто. Тутъ онъ началъ ругать свою лошадь съ досады чернымъ словомъ и началъ ее бить. Вдругъ попадается ему навстрѣчу какой то человѣкъ на хорошей лошади и говоритъ: „ты заблудился, поѣзжай за мной". Мужикъ согласился и началъ понукать свою лошадь и опять ругаться на нее за то, что она непоспѣетъ за незнакомцемъ ѣхать. Вдругъ она совсѣмъ остановилась. Вылѣзши изъ саней узнать въ чемъ дѣло, онъ и самъ внезапно попалъ въ какую то яму и завязъ въ ней по самый поясъ. Тутъ онъ началъ кричать изо всѣхъ силъ: „братцы, помогите, заливаюсь". Но на его крикъ никто не откликнулся. Незнакомца, который его везъ и слѣдъ давно простылъ. На другой день проѣзжающіе мимо мужика замѣтили, что близъ копаней опять той же деревни Молотино, стоитъ лошадь. Подбѣжавши къ ней они увидѣли, что лошадь, оказалось завязла только передними ногами въ грязь, а около нея стоялъ въ ключѣ самого копоня (сажалка для почки пеньки, человѣкъ безъ всякихъ признаковъ жизни. Привезши его домой, они начали его оттирать и приводить въ чувство. Наконецъ, онъ очнулся и пришелъ въ сознаніе. Тутъ онъ разсказалъ, что его завелъ въ это мѣсто нечистый духъ лѣсовой, за то, что онъ предъ этимъ много ругался чернымъ словомъ, разсердившись на свою лошадь. Черезъ три дня этотъ мужикъ померъ, заказывая дѣтямъ своимъ и внучатамъ никогда не ругаться чернымъ словомъ особенно въ дорогѣ.

Разсказъ крестьянина С. Погодина.

На лугу онъ замѣтилъ незнакомаго мальчика, лѣтъ 11 отъ роду, вышедшаго изъ лѣсу и дико озиравшагося; началъ подзывать его къ себѣ, *разспрашивая* его чей и откуда.

Мальчикъ пугливо побѣжалъ въ лѣсъ. Крестьянинъ догналъ его изловилъ, но незнакомецъ потерялъ сознаніе и не могъ отвѣчать на вопросы. Погодинъ принесъ его къ себѣ въ деревню. Найденышъ ободрился и началъ говорить.

Вотъ что онъ разсказалъ;

„Забылъ, какъ называется наша деревня, только помню что отъ ней недалеко находится деревня „Царево".

Какъ зовутъ моихъ родителей, тоже позабылъ. Пошелъ я съ ребятами въ лѣсъ по ягоды набралъ ягодъ, захотѣлось идти домой. Товарищи указали мнѣ дорогу въ нашу деревню, а сами еще остались въ лѣсу. Долго шелъ я по дорогѣ. Свечерѣло. Я прилегъ къ дереву, но мнѣ не спалось. Рано утромъ мнѣ показалось, что направо и на лѣво отъ меня сидѣли бѣлые зайцы, по одному съ каждой стороны.

Я всталъ и пошелъ дальше; зайцы шли за мной. Долго бродилъ я по лѣсу, прежде чѣмъ вышелъ на лугъ. Здѣсь зайцы исчезли, а я впалъ въ забытье."

Послѣ разъяснилось, что мальчикъ былъ изъ деревни Голодаева Гавринской волости. Два съ половиною дня бродилъ онъ по лѣсу, на вопросъ о томъ, чѣмъ онъ питался, отвѣчалъ:

„Мнѣ дѣдушка не велѣлъ разсказывать."

Въ нашей мѣстности лѣшаго называютъ лѣснымъ дѣдушкой, или просто дѣдушкой.

Отецъ моей невѣстки Татьяны работаетъ въ бревенникѣ на рѣкѣ Березѣ (рѣка въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ); нѣсколько недѣль прожилъ въ стану (станомъ называется небольшой деревянный срубъ, около сажени во всѣ стороны, крытый древесными вѣтьвями; онъ обыкновенно устраивается вдалекѣ отъ жилья для ночлега рубщиковъ и возчиковъ лѣса; печи въ этомъ срубѣ нѣтъ, отопляется горяцмъ костромъ; для входа въ срубъ прорубается отверстіе, черезъ которое съ трудомъ можетъ пролѣзть человѣкъ).

Пріѣхавъ домой на Рождественскіе праздники, онъ сильно захворалъ. Причину своей болѣзни приписывалъ гнѣву лѣшаго. Чтобы задобрить послѣдняго, онъ послалъ свою дочь, мою невѣстку, отвезти подарки лѣсному дѣдушкѣ въ тѣ мѣста, гдѣ онъ работалъ. Невѣстка отправилась вдвоемъ съ теткою. Вечеромъ пріѣхали въ бревенникъ, положили подарки на пенекъ, а сами забрались въ станъ для ночлега: до селенія было далеко. Ночь была свѣтлая.

Внезапно послышался сильный шумъ. Выглянули онѣ изъ стана и увидѣли вы-

сокаго старика въ бѣлой одеждѣ, въ лаптяхъ и шляпѣ. Онъ взглянулъ на подарки, прошелъ дальше... И раздалось по лѣсу:

„Хо-хо-хо-хо-хо", „вотъ такъ подарки, хо-хо-хо-хо-хо, вотъ такъ подарки".

Женщины очень испугались. Черезъ недѣлю больной скончался. Колдуньи послѣ говорили, что онъ могъ бы выздоровѣть, если бы въ подарокъ было дано яйцо а его то и не было: были снесены пироги, хлѣбъ и молоко.

Если бы подарки понравились, дѣдушка молча бы принялъ ихъ.

Однажды потерялись у насъ коровы. Сосѣди шедшіе съ сѣнокоса, видѣли ихъ за полемъ. Вся наша семья искала цѣлую ночь, но безуспѣшно.

На другой день вечеромъ пошла искать ихъ моя тетушка Настасья. Въ лѣсу она встрѣтила большую бѣлую собаку, которая ласково посмотрѣла на нее и тутъ же безслѣдно исчезка.

Вернувшись въ деревню, тетушка разсказала о своемъ приключеніи. Колдунья говорила, что моей тетушкѣ показался лѣшій въ образѣ бѣлой собаки; и что стоило только спросить у этой собаки—не видала ли она коровъ, послѣднія тотчасъ же явились бы на лицо.

Только черезъ шесть дней были они найдены сосѣдями въ 8-ми вестахъ отъ нашей деревни. Но въ тотъ день когда ихъ нашли, мы наблюдали загадочное явленіе. Я съ братомъ и невѣсткой былъ на сѣнокосѣ. Въ лѣсу окружавшемъ пожню, раздавался трескъ сухихъ вѣтвей, какъ будто бы кто нибудь бродилъ по немъ.

Братъ подумалъ ни коровы ли это ходятъ, и зашелъ въ чащу: трескъ слышался, а никого не было видно. Долго мы это наблюдали. Вдругъ на окраинѣ пожни упало большое дерево, хотя было полное безвѣтріе. Мы испугались. Послѣ колдунья, Ольга Сиверьянова, которую мы просили раньше отыскать намъ коровъ, говорила, будто бы лѣшій трескомъ давалъ намъ знать, что коровы уже возвращены, благодаря ея ходатайству передъ нимъ.

Будто бы за это ходатайство она нѣсколько поплатилась:

„Пришла я въ лѣсъ къ ручью, на утренней зорѣ", говорила она „кажется сдѣлала все какъ слѣдуетъ: выходя изъ дому, дверь затворила лѣвой ногой, перекрестилась лѣвой рукой, въ лѣсу отыскала муравейникъ и разрыла его лѣвой ногой; только въ одномъ ошиблась: вершину березки срѣзала правой рукой. И досталось же мнѣ за это. Я позвала его. Онъ откликнулся вдалекѣ, и скоро явился ко мнѣ.

Поговорила съ нимъ; коровъ обѣщался возвратить. Мнѣ ужъ пора бы и домой: но онъ не отпускаетъ. Чтобы отдѣлаться отъ него надо было повторить первое его слово, и повторить съ конца а не съ начала.

Я крѣпка на ухо: перваго его слова когда онъ началъ говорить со мной, не

разслышала. Очень испугалась и побѣжала въ деревню, а онъ гналъ меня вершиной березы до самаго дому. Это было послѣднее мое свиданіе съ лѣшимъ дѣдушкой. Больше ходить къ нему не буду."

Мѣсто куда у насъ носятъ подарки дѣдушкѣ, называется „Паго-Орга."

Когда то въ нашемъ приходѣ потерялась женщина: два съ половиною года не могли ее найти.

Обратились за содѣйствіемъ къ колдуньѣ, знавшейся съ лѣснымъ дѣдушкой, и черезъ нѣсколько времени потерявшаяся женщина была найдена на стогѣ ржи.

Вотъ что она разсказала:

„Я собиралась въ лѣсъ по ягоды; мужъ не совѣтовалъ мнѣ идти; но я настояла на своемъ и пошла; а онъ крикнулъ въ слѣдъ въ раздраженіи:

„понеси тебя лѣшій".

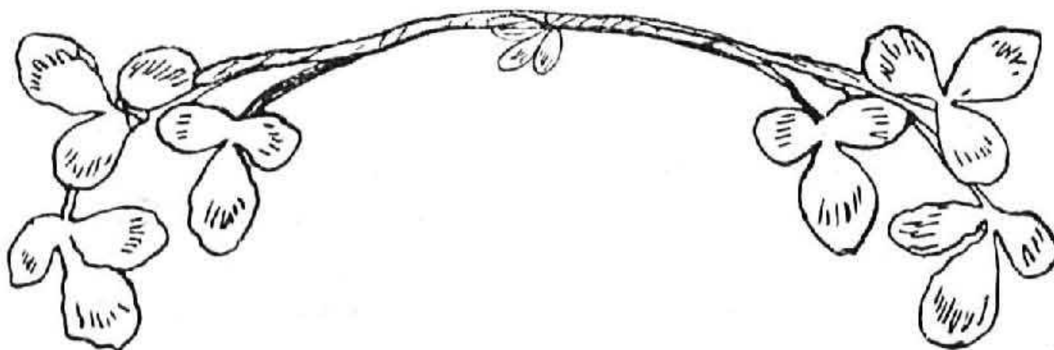
Въ лѣсу мнѣ явился старикъ и приказалъ идти за нимъ. Я должна была повиноваться. Долго мы бродили по лѣсу и наконецъ пришли къ огромному дому. Въ немъ было много женщинъ, одѣтыхъ въ красное платье. Старикъ водилъ насъ повсюду; бывали мы съ нимъ и въ нашей деревнѣ, видѣли родныхъ и знакомыхъ, только они насъ не могли видѣть.

Я рвала свое платье и бросала лепестки въ полѣ въ знакъ того, что тамъ проходила.

Питались мы тѣмъ, что было положено безъ Божьяго благословенія: приходили въ какой нибудь домъ, гдѣ люди ссорились и враждовали между собою, и ѣли за столомъ вмѣстѣ съ хозяевами.

Передъ возвращеніемъ моимъ въ свою семью дѣдушка сильно побилъ меня и бросилъ на стогъ ржи. Тутъ я очнувшись увидала свою деревню и была спущена со стога родными."

Сообщено *Ѳ. Козловымъ.*

Разсказъ.

„Парень ходилъ на охоту. Значитъ лѣсовалъ. Эдакъ передъ вечеромъ приходитъ къ избушкѣ и видитъ въ избушкѣ сидитъ дѣвка,—эдакая хорошая, да красивая. Сталъ парень у дѣвки спрашивать: „какъ ты сюда попала?“ „Лѣшій, говоритъ унесъ да мнѣ отъ ево ни куды и не дѣвачче“. „Ты поди ись хочешь, спрашиваетъ парень-“ „Какъ не хочу, знамо хочу“. Парень подаетъ ей кусокъ хлѣба съ солью. „нѣтъ, говоритъ дѣвка, я такъ ѣсть не могу, а ты подай мнѣ кусочекъ на отмашь“. Парень такъ и сдѣлалъ. Вотъ сидятъ да разговариваютъ. Парень добылъ огошки, вынялъ котелокъ и давай варить кашу, наварилъ и сѣлъ хлебать. Похлебалъ и подалъ котелокъ дѣвкѣ, тоже на отмашь, она поѣла и говоритъ: „ты лѣшова не бойся, онъ тибя не тронетъ, да и я еще не въ ево власти, два года я еще буду вольная. Послѣ ужина дѣвка и парень улеглись спать по разнымъ угламъ; вдругъ поднялся свистъ, подулъ витеръ, евки и сосны затрещали и приходитъ лѣшей—большущій — пребольшущій и говоритъ парню: „зачѣмъ ты сюда пришелъ? Подай мнѣ дѣвку“.—„Да какъ не отдамъ, зачѣмъ ты ее тиранишь? Тутъ лѣшій сталъ стращать парня, парень не струсилъ, досталъ тихонько ружье и въ то время, какъ лѣшій аноползъ въ избушку, парень бацъ изъ ружья, жеребьемъ (пулей) въ чорта и попалъ ему прямо въ

Бацъ изъ ружья. Рисунокъ В. Малышева.

глазъ. Чортъ и заревѣлъ да и какъ сталъ улепетывать, только лѣсъ затрещалъ. Парень переночевалъ въ избушкѣ и на утро пошелъ домой и дѣвку эту самую взялъ съ собой. Приходятъ въ деревню дѣвка и въ избу-то боичее зайти. Такъ длисѣла въ лѣсу то: все-таки съ парнемъ то пришла и живетъ у нево порядочно времени. Пывко приглянулась парню дѣвка и задумалъ онъ пожениться на ней. Пошелъ къ парень къ отцу-попу вмѣстѣ съ дѣвкой, разсказалъ, какъ онъ ее нашелъ, а дѣвка то и родителей не помнитъ, помнитъ только, какъ жила въ лѣсу. Вотъ попъ окрестилъ дѣвку и повѣнчалъ ее съ парнемъ. Пожилъ это парень дома съ молодой женкой съ полгода и около Миколы поѣхалъ въ извозъ въ Москву на двухъ лошадяхъ. Ѣдетъ долго ли, коротко ли, только на волоку и случись съ нимъ бѣда: одна лошадь пристала, не повезла воза, дѣлать нечего, парень выпрягъ лошадку покормить, а другую отправилъ съ товарищами до постоялаго двора. Сидитъ парень на возу и слышитъ эдакъ — въ сторонѣ, въ лѣсу стонетъ человѣкъ. Пошелъ парень на стонъ—не христіанская ли душа думаетъ гибнетъ? Не далече отъ деревни нашелъ бабу съ ребенкомъ. Эта баба была проклинена родителями, когда была въ тягости и робенка родила въ лисѣ. „Пожалуйста, говоритъ баба, добудь огошки, добрый человѣкъ, обогрѣй говоритъ. Вотъ парень добылъ огошка, баба съ ребенкомъ обогрились и говоритъ парню: „погоди немного, добрый молодецъ, лѣшей придетъ тибѣ заплатитъ за все". Вдругъ отъ куда ни возьмись прибѣгаетъ лѣшій въ человѣчьемъ образѣ: баба на ево и набросилась: „куда ты страль, ходилъ? вотъ не этотъ бы человѣкъ, замерзла бы и съ ребенкомъ. Тутъ чертъ началъ распрашивать парня, какая бѣда стряслась съ ними? „Да вотъ лошадка пристала, воза не везетъ. „Погоди, говоритъ немного, я достану тибѣ лошадку. Прошло немного времени, лѣшій и ведетъ съ собой сивоваго жеребца,—худо-худо стоитъ рублей 200. „Вотъ, говоритъ, молодецъ этотъ конь тебѣ за услугу". Сталъ лѣшій накладывать на сивка хомутъ, да и разорвалъ хомутъ то: „ушелъ опять и принесъ хомутъ богатѣйшій, хомутъ надѣлъ сталъ натягивать супонь, да дугу то сломалъ,—вѣдь онъ проворенъ, какая дуга устоитъ.

Въ третій разъ уходитъ и приноситъ дугу матерую—толстую. Диву дался парень — не знаетъ отъ куда лѣшій такъ скоро все добываетъ. Запрягли сивка, парень отдаетъ свою лошаденку лѣшему, тотъ взялъ лошаденку за хвостъ да какъ брякнетъ о деревину и паръ вонъ и жить не будетъ. Сталъ лѣшій прощаться съ парнемъ и наказываетъ „ежели какое на тебя опять нечастье выйдетъ, помяни только меня—помогу". И поѣхалъ нашъ парень догонять товарищовъ, догналъ живо. Тѣ дивятся: „гдѣ ты экова коня добывъ, спрашиваютъ. „А вымѣнялъ, говоритъ парень. Пріѣхали въ Москву, сдали кладъ, нашли опять и съ Москвы клади вести домой. Подъѣхали къ магазинѣ наваливать товаръ. Купецъ—хозяинъ то магазина и призналъ у парня сивка то: „мой, говоритъ, сивко, гдѣ ты ево взялъ? И сталъ у парня отбирать лошадь, „приведу, говоритъ, въ свидѣтелевъ купцовъ и господъ всѣ скажутъ, что сивко мой, подтвердятъ значитъ.

„Вотъ не этотъ бы человѣкъ, замерзла бы съ ребенкомъ.

Рисунокъ художника В. Малышева.

Взялъ лошаденку за хвостъ да какъ брякнетъ.

Рисунокъ художника В. Малышева.

Видитъ парень дѣло плохо. Гдѣ то мой пріятель, помянулъ парень лѣшаго, а онъ тутъ, какъ тутъ. Подошелъ да и говоритъ купцу: „вѣрно, говоритъ твой сивко да отъ каго ты ево отбираешь то? Вѣдь отъ своего зетя (зять). „Какъ мой зеть, что ты врешь? „Была, говоритъ, у тебя дочка, да потерялась? — „Была, вѣрно. — „Ну дакъ, вотъ этотъ самый молодецъ нашелъ ее въ лѣсу, привезъ домой, да и поженился на ей. Дочка то твоя жила у моего брата, а этотъ молодецъ выстрѣлилъ брату глазъ, да я и то на ево не сержусь. За ево доброту предоставилъ ему твоево сивко а ты отсулилъ ево мнѣ назадъ? Тому еще три года, да онъ мнѣ не нуженъ былъ, потому доставить ево было некому, пріятеля такого не было, а самому мнѣ не надо“. Купецъ этому не увѣряется. „Угодно ли я вамъ докажу, говоритъ лѣшій.— Пожалуйста докажи, тогда повѣрю. Лѣшій скрылся и часа черезъ три приводитъ купеческую дочь, а парня жену. „Твоя ли господинъ дочь.

Записано *Суровцевымъ.*
Вологодской губ., Тотемскаго уѣзда.

Разсказъ о мщеніи плотниковъ.

О мщеніи плотниковъ своему хозяину. Строился домъ у одного богатаго, но очень скупого торговца. Предъ поднятіемъ балокъ плотники просили хозяина „смочить ихъ“ т. е. выставить водки. Хозяинъ отказалъ. По его уходѣ плотники рѣшили подшутить надъ нимъ слѣдующимъ образомъ. Въ одинъ изъ угловъ дома положили три косточки. Когда перешли въ этотъ домъ жить, то для тепла въ разное время стали подъ избу или въ подполье загонять овецъ. Овцы долго упирались не шли, но все таки ихъ принудили войти въ хлѣвъ. Послѣ этого овцы много времени и каждый день блеяли и наконецъ всѣ перемерли, хотя и не въ одинъ день время. Тоже самое явленіе получилось и на слѣдующій годъ, когда хозяинъ купилъ новыхъ овецъ. Тогда хозяинъ догадался, что надъ его домомъ подшутили плотники, къ которымъ онъ и поѣхалъ. Подрядчику онъ даетъ 10 рублей и проситъ Христа ради сказать отчего у него въ подпольи каждый годъ умираютъ овцы. Хозяинъ сказалъ, что въ такомъ углѣ его дома лежатъ три косточки. Когда хозяинъ вынулъ косточки изъ указаннаго угла, такъ послѣ того въ этомъ подвалѣ, овцы стали заходить хорошо, безъ боязни и не умирали.

Другой случай, когда изъ за худого угощенія, плотники такъ же положивъ косточки, сдѣлали, чтобы въ новоустроенномъ домѣ каждый годъ умиралъ одинъ человѣкъ. По кончаніи работъ неожиданно для плотниковъ, хозяинъ

Мщеніе плотниковъ. Рисунокъ В. Малышева.

Мщеніе плотниковъ. Рисунокъ В. Малышева.

сдѣлалъ имъ хорошее угощеніе. Уходя домой они сказали ему, что хорошо онъ сдѣлалъ, что ихъ угостилъ, такъ какъ будетъ теперь въ твоемъ домѣ умирать каждый годъ не человѣкъ а пѣтухъ. Послѣ этого дѣйствительно аккуратно изъ года въ годъ, умиралъ въ томъ домѣ пѣтухъ. Крестьяне наши и до сихъ поръ вѣруютъ въ могущество плотниковъ сдѣлать имъ вредное при постройки дома и во всемъ угождаютъ плотникамъ.

Въ одной деревнѣ жили мужикъ, да баба; жили они бѣдно, а дѣтей накопили много. Жили, жили, до до того дожили, што и кормить робятъ стало нецѣмъ; а кабыть наступило время работцее. Однажды мужикъ ушевъ на сѣнокосъ, а баба осталась съ робятами дома; а ѣды-то имъ не оставивъ: всю какая была, унесъ съ собою. Робята то и заревили, и запросили у матки ись: „дай, говорятъ, матка ись—охота". „Да цево мнѣ, говоритъ, дать-то, коли и хлѣба-то нѣтъ?" А они все свое, все таки ревятъ и просятъ ись—для ихъ все равно, есь или нѣтъ—„дай ись", да и только". „А будь вы, говоритъ, трою прокляты не мотци васъ, адовъ, и накормить то; хоть-бы одново, говоритъ, лѣшій унесъ; штобы, говоритъ, васъ разорвало и перервало, и растриляло обжоръ, васъ, и не накормить-то не мотци". Такъ и не дала имъ ись, а сама ушла къ отцю на сѣнокосъ, на весь день. А послѣ ее всѣ деревенскіе робятишки пошли въ лѣсъ по ягоды, пошли съ ними и ее робята. Ну, тамъ они побрали ягодъ-то и пошли домой; а одинъ парень, Тишка (сынъ матки-то, да отца, у которыхъ не было ѣды-то) и нейдетъ съ ими домой, а остаеце въ лѣсѣ и пошевъ отъ нихъ въ другую сторону. Они звали, звали ево,—никакъ нейдетъ домой· „Иди, говорятъ, Тишка домой, вѣдь мы уйдемъ. Да, куды, говоритъ, вы пошли-то? вѣдь вонъ, гдѣ домъ-то. А самъ указываетъ въ другую сторону. Звали, звали ево домой, а онъ все-такисъ ими не пошевъ, а убѣжавъ въ большой лѣсъ. Ну, робята ево въ лисѣ и оставили, а сами ушли домой. Пришли домой, а матка-то (она ужъ пришла съ сѣнокосу-то домой) и спрашиваетъ у своихъ робятъ-то: „а гдѣ говоритъ, Тишка-то? А они говорятъ: „мы ходили по ягоды, да ево въ лисѣ и оставили—онъ не пошевъ съ нами, убѣжавъ отъ насъ въ большой лѣсъ". „Ну, говоритъ, куды ево лѣшій унесъ". Ночью куды-же пойдешь искать? такъ и оставили. Онъ и ночевавъ въ лисѣ ноць. Матка-та утромъ встала, пріуправилась да опеть и пошла косить, а отцю-то и не сказала чито Тишки-то нѣтъ. Цѣлый день тамъ косила, а къ ноцѣ-то опеть пришла домой, а Тишки-то дома все-тъ нѣтъ. Пришла домой-то, да и спрашиваетъ у своихъ робятъ-то: „што, говоритъ, Тишка-то все-тъ не пришевъ?" „Не пришевъ, говорятъ. „Да куды ево лѣшій унесъ?" Ну нѣтъ и нѣтъ Тишки; опеть ноцевали безъ его ноць, а утромъ матка-то опеть ушла на работу; туды пришла и говоритъ отцю-то: „Отецъ вѣдь у насъ дома-то нѣтъ Тишки—робята ходили въ лѣсъ

Звали, звали его домой, а онъ всетаки не пошелъ.

Рисунокъ В. Малышева.

по ягоды, да ево тамъ въ лисѣ, и оставили. Вотъ онъ ужъ по двѣ ноци не бывъ дома". А отець-отъ и говоритъ: „куды ево цортъ унесъ"? Ну, а матка-то и говоритъ: „а лѣшей ево знаетъ, куды унесло". Опеть тамъ цѣлой день косили, а къ ноцѣ-то пришли домой. Ну, пришли домой-то, да и спрашиваютъ у своихъ робятъ-то: „што, говорятъ, робята, Тишки-то всетъ нѣтъ"? „Нѣтъ", говорятъ. „Эдакъ вѣдь его цортъ-отъ куды унесъ, дѣлать нецево, говорятъ, ужъ завтра надъ идти искать". Ну, и пошли утромъ-то оба,—отецъ, да и матка, пошли въ лѣсъ искать Тишку-то. Ходили, ходили весь день, а надти не могли, такъ безъ ево и пришли домой. Ну, опеть и на другой день пошли искать; опеть не нашли. На третьей день тоже пошли искать; опеть цѣлой день искали, а все таки не нашли. На цетвертой день ужъ всю деревню собрали и всей деревней пошли искать. Искали, искали весь день; опеть не могли надти. На другой день опеть пошли искать всей деревней; опеть не нашли. На третьей день тоже, опеть искали, а все таки не нашли. „Ну, ужъ, говорятъ, видно пришло всю волось сбивать, да идти искать Тишку". Ну, въ деревнѣ-то есь староста, онъ и давъ знать другимъ старостамъ, а тѣ всей волости дали знать, штобы шли искать Тишку. Собрали по человѣку изъ дому и пошли искать, Искали, искали цѣлой день всей волостью, а надти не могли. На другой день опеть всей волостью пошли искать; опеть не нашли. На третьей день тоже пошли всей волостью искать—вотъ вѣдь ужъ это двѣнадцатой день, какъ онъ

потерявсе-то, опеть тоже цѣлой день искали и, ковды ужъ всѣ было пошли домой вдругъ дедя ево родной и увидавъ—Тишку-то на цистомъ болотѣ, гдѣка ростутъ только маленькіе сосенки; увидавъ, што онъ стоитъ у сосенки, да гложетъ корку. Дедя-то и закрицавъ, говоритъ: „робята, робята, бѣжите сюда.

Пропавшій Тишка. Рисунокъ художника В. Малышева.

Тишка-то здѣсь. Вдругъ, онъ какъ бросивсе, политѣвъ какъ птица, а народъ-отъ ево окруживъ и, ковды всѣ стовкнулись въ груду-то, ево кое-какъ сфатали, а онъ какъ закрицавъ, заревѣвъ, што и задѣлавъ—ужъ больно въ лисѣто одицавъ. Потомъ мужики та возьми, да и разклади огни и стали ево отогрѣвато — погода-то была дождевая, хоть и сѣнокосъ, а на емъ рубахи ужъ не было,—всю изодравъ о кусты, остались только однѣ рубцы на шеѣ, да на плецахъ. Потомъ, ковды ево отогрили, то повели домой и стали ево дорогой-то спрашивать: „гдѣ ты, Тишка, бывъ-то? цево тамъ въ лисѣ ѣвъ-то?“ А онъ имъ всю дорогу нецево не говоривъ, все ладивъ убѣжать. Потомъ ужъ, — ковды привели домой, да отецъ и матка стали ево спрашивать: „цево ты, Тишка, въ лисѣ ѣвъ-то? то онъ кое-какъ имъ сказавъ, говоритъ: „меня въ лисѣ-то все кормивъ дѣдко“. На другой день ево повели на погосъ (погостъ). Снацала привели къ нашему попу-то, о. Александру. Потомъ попъ-то пошевъ съ ими въ церкву и отслуживъ водосвятный молебенъ и окрапивъ этово робенка-то святой водой. Потомъ ево опеть унесли домой. А послѣ этой поры онъ живъ еще семь годовъ, но все бывъ такой дикой и поцти нецево не говоривъ. А ковды ему стало цетыр-

надцеть годовъ, церезъ семь годовъ послѣ тово, какъ онъ терявсе-то, а терявсе-то онъ на седьмомъ году, то онъ умеръ, а умеръ-то безъ причесья (не принявши Св. Таинъ). Вотъ вѣдь коль худо, ковды матки-то проклинаютъ своихъ робятъ-то.

Святочный разсказъ.

Бывало о святкахъ у насъ одна дѣвка задумала погадать. Взяла хомутъ, да ноцью и ушла съ хомутомъ-то, да зеркаломъ, да восковою свицькою не въ жировую избу. Засвитила тамъ восковую свицьку и поставила ее передъ иконою, а сама надѣла себѣ на шею хомутъ, взяла зеркало и сѣла на пецьной (стоящій около печки) стовбъ въ хомутѣ-то. Сидитъ, смотрице въ зеркало, да и говоритъ: „дворовушко, батюшко, покажи ты мнѣ, говоритъ, жениха, за которово я выйду въ замужъ“. Сидитъ и все смотритъ въ зеркало... Вдругъ лишь дворовушко-то самъ и идетъ—страшной, махнатой. Подошевъ къ ней, да лишь сфативъ ее за

Въ хомутѣ. Рисунокъ художника В. Малышева.

шею, да и задавивъ. Утромъ домашніе-то ее встали, да и говорятъ: „гдѣ-ка, говорятъ, у насъ дѣвка-то, куды-же она ушла? вѣдь вцера она ложилась съ нами спать, была дома“. Стали ее искать: на дворъ сходили — думаютъ не ушла-ли зацѣмъ къ коровамъ; въ хлѣвъ сходили, на гумно — нигдѣ нѣтъ, не могли нигдѣ надти. Товды пошли въ эту не въ жировую избу-то думаютъ не ушла-ли туды пошто-либо. Пришли, а дѣвка-то тамъ сидитъ на пецьномъ стовбѣ, сидитъ не шевилитце, и хомутъ на шее и зеркало въ рукахъ, а въ переднемъ углѣ шаетъ икона отъ свицьку-то она и загорѣлась. „Што-же, говоритъ, дѣвка-то у насъ сидитъ на пецьномъ стовбѣ? да и въ хомутѣ, да и зеркало въ рукахъ, видно гадаетъ? да гадаютъ-то вѣдь не утромъ, а ноцью“. Подошли къ ней, а она мертвая и глаза выпуцила; дотронулись до ея потихоньку, а она лишь хряснула (упала) на повъ. Ну всѣ товды заревели, да и говорятъ „видно дворовушко ее задавилъ“.

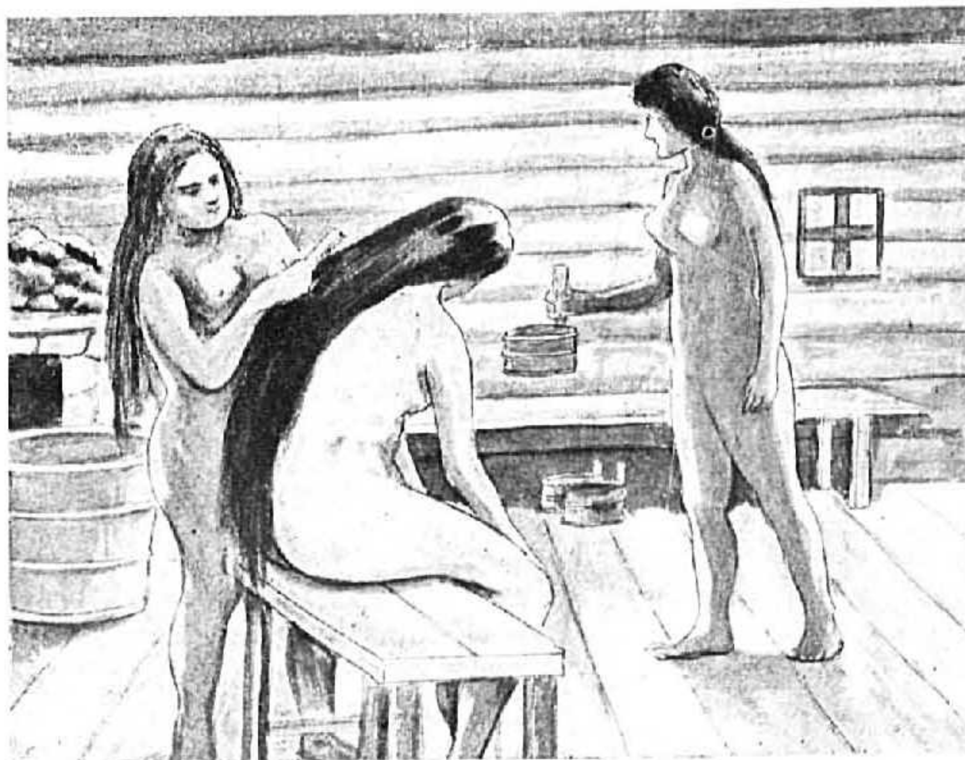
Разсказъ про старую дѣву.

Жила у насъ старая дѣвка, незамужняя, звали ее „Ольгой“. Ну, и ходивъ къ ней все дворовушка спать по ноцамъ и въ каждую ноць все плевъ ей косу и говоривъ: „если ты будешь разплетать, да цесать косу, то я тебя задавлю. Ну она такъ и жила годовъ до 35-ти; никовда не цѣсала, и не мыла головы и косы не расплетала. Потомъ она вздумала выдти въ замужъ. Наставъ дѣвишникъ. Дѣвки-то пошли въ баню, ну и ее увели съ собой-то не замужнюю-то старую дѣвку,-невѣсту-то. Тамъ въ банѣ-то дѣвки стали ее мыть; косу-то у ее и расплели, а довго не могли ее розцесать-то дворовушко-то такъ ее запутавъ. Ну, на другой день нужно было вѣнцатце. Пришли къ невѣстѣ, а она на постелѣ лежитъ мертвая, вся церная; дворовушко-то ее и задавилъ.

Записано *Н. Преображенскимъ.*

Святочный разсказъ.

Дѣло-то было о святкахъ. По одинъ вецеръ всѣ дѣвки собрались на вецеринку, а ребято-то къ имъ не пришли, на што-то разсердились. Ну дѣвкамъ-то и стало безъ ребятъ-то невесело. Одна дѣвка и говоритъ своимъ подругамъ: „дѣвки, говоритъ, пойдемте-ко слушать къ банѣ, што намъ банникъ скажетъ“. Вздумали, да двѣ дѣвки и пошли. Пришли къ банѣ; одна и говоритъ: „дѣва, давай-ко сунь руку въ окно: банникъ-отъ насадитъ тебѣ золотыхъ колецъ на руку-то“. — „А ну-ко, дѣва, давай ты съ снацала сунь, а потомъ и я“, та и сунула. А банникъ-отъ и говорить: „вотъ и попалась мнѣ“. Руку-то и схвативъ: схвативъ да колецъ-то и насадивъ желѣзныхъ — лишь сковавъ „въ одно мѣсто всѣ пальцы на

Дворовушко запуталъ. Рисунокъ В. Малышева.

На святкахъ. Рисунокъ художника В. Малышева.

рукѣ-то ей, нельзя и разжать ихъ. Ну, вотъ, кое какъ руку-то она выдернула изъ окна-то, да обѣ и побѣжали домой. Вотъ-те и золотыя кольца. Прибѣжали домой, да и говорятъ: „вотъ, дѣвушки, смотрите-ко мы ходили слушать къ банѣ-то, а банникъ-отъ какихъ колецъ насадивъ, вмѣсто золотыхъ-то—желѣзныхъ; вотъ говоритъ, у меня и руку сковавъ: какъ же я теперь буду жить-то съ такой рукой? Ой, дѣвушки, дѣвушки, банникъ-отъ какой страмной, махнатой,—рука-то вся какая большая, да махнатая. Какъ,

---

— „Знаешь Ивана Гордѣича изъ Апушкина?"

— „Такъ вотъ съ эфтимъ Иваномъ Гордѣичемъ и былъ случай.

Вѣдь Иванъ Гордѣичъ-то слыхалъ чай, пристаетъ въ Апушкинѣ у одной старухи, а у старухи-то есть сноха, вдова она.

Прежде, только довно ужъ, и у Ивана въ Апушкинѣ былъ свой домъ, да спалилъ онъ его. Люди баютъ, что самъ онъ его сжегъ, а Иванъ-то, знамо, молчитъ, потому, надо и помалкивать ему. Ну, да эфто къ дѣлу не идетъ. Только вотъ онъ и теперь пристаетъ за всегда въ Апушкино. Живетъ-же онъ не всегда тамъ, потому, что займуется по шорной части, ну а съ эфтимъ рукомесломъ дома немного накормишься; вотъ онъ и ходитъ по усадьбамъ.

Вотъ одинъ разъ, какъ онъ пришелъ въ Апушкино-то, старухина сноха и послала его за коровами, а тѣ паслись въ болотѣ. У нихъ-то болото тутъ близехонько,—какъ пройдешь поле, туто оно и есть.

Ну, ладно, пошелъ Гордѣичъ въ болото. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ... кричалъ, кричалъ... нѣтъ коровъ, да и все... Намя измаялся мужикъ, часовъ 6 ходилъ, дѣло то почитай ужъ за полночь. „Пойду, говоритъ, домой: темно ужъ, теперь ихъ и не увидишь". Воротился назадъ и пошелъ къ дому. Идетъ да думаетъ про што-то и подъ ноги не глядитъ; до вдругъ какъ ухнетъ въ окошко *) по-поясъ ввалился. Сидитъ въ окошкѣ и чтото ни есть хуже страмиться матернымъ словомъ, да вдругъ и помяни „его".

— „Это лѣшаго-то что-ли? Спросилъ я.

— „Не поминай такъ страсть не люблю Коли станешь поминать, и говорить тебѣ ничего не буду". Ладно, вылѣзъ Иванъ Гордѣичъ изъ окошка и пошелъ къ дому. Больно онъ долго шелъ, только все никакъ не можетъ изъ болота выбраться. Што дѣлать? Измучился мужикъ. Одначе выбралъ мѣстечко гдѣ посуше и сѣлъ отдохнуть, покурилъ да и уснулъ тута. Всю ночь проспалъ. Проснулся въ утро, а оно тоже, что и вчирась. Ужъ онъ и такъ и сякъ по лѣсу то... нѣтъ тѣ дороги и шабашъ. Ходитъ да бранится. А куды онъ скверенъ на языкъ-то и посичасъ,, почитай къ кажинному слову похабщину валитъ. Да вотъ

*) окошко—ключъ въ болотѣ.

такимъ-то манеромъ онъ и бродилъ двои сутки. Наконецъ сполохнулся *) что тутъ дѣло не спроста- „его“ работа, „чернаго“ тоисть. Какъ дѣлать? А и сдѣлалъ онъ вотъ что: снялъ парки и рубаху и спиньжичишко, да все эфто и выворотилъ наничь, а какъ надѣлъ вывороченную-то одежду, да почиталъ „Богородицу—святую Троицу“ то живымъ манеромъ вышелъ. Да куды вѣдь вышелъ-то? Ну-ко намя подъ Подойково. **) Вона куды „онъ“ увелъ Гордѣича-то. Тамотка и болота-то нѣту, эфто „онъ“, безпремѣнно „онъ“, ему казалъ болото. Ну, ужъ тутъ-то и вышелъ Иванъ Гордѣичъ на дорогу и домой пришелъ. Сноха-то старухина учала было его ругать, а какъ поглядѣла, что у него вся одежа наничь выворочена, то и сполохнулась, почему онъ такъ долго по коровъ ходилъ. Да и самъ-то Иванъ Гордѣичъ посказалъ, какъ его „нечистый“ двое сутокъ по болоту водилъ.

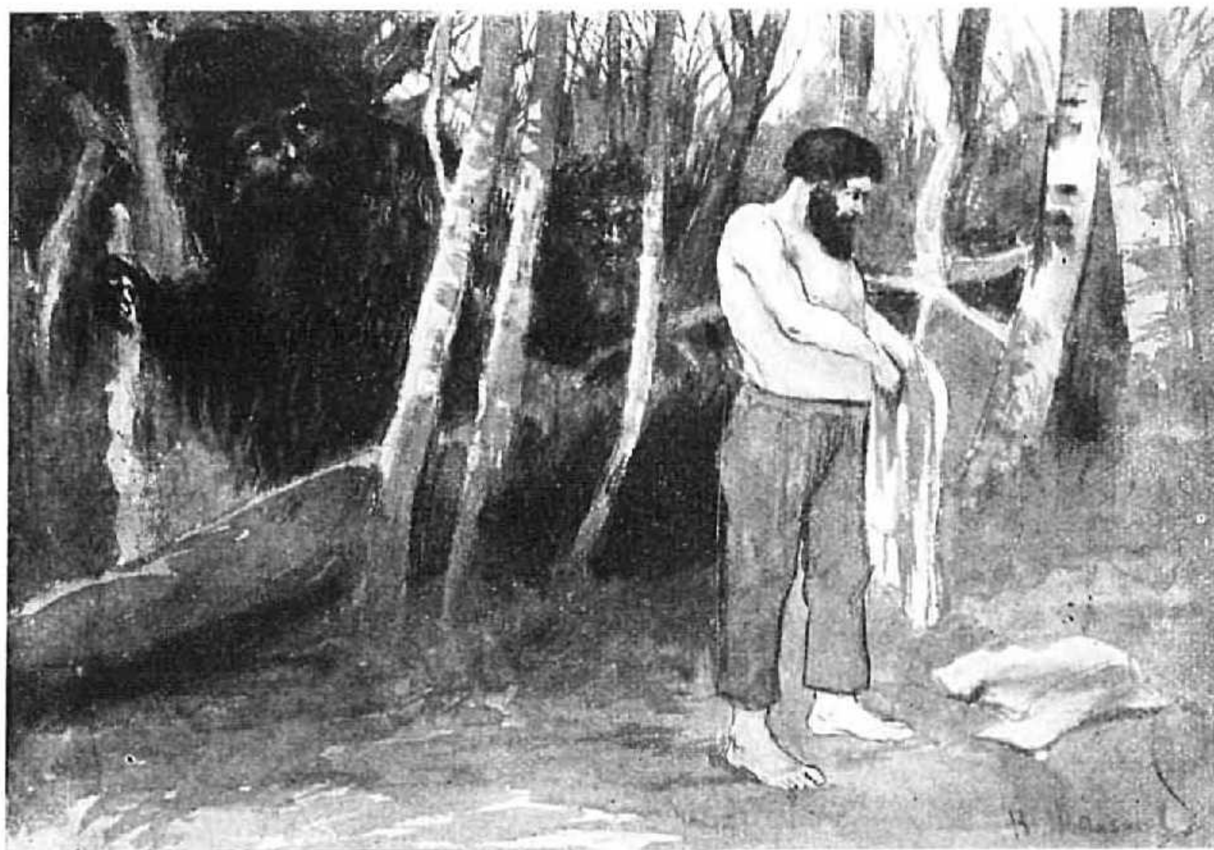
Полно тетушка Катерина, какой тутъ „нечистый“, просто Иванъ Гордѣичъ заблудился въ болотѣ по лѣсу и все.

Нѣтъ не заблудился, а „онъ“ обошелъ его. Вѣдь вышелъ же онъ, какъ выворотилъ одежду-то? А ужъ знакомо дѣло: какъ „онъ“ обойдетъ первое дѣло: выворачивай одежу. И-ихъ, какъ помогаетъ? А пошто попало подъ Падойково болото? тамоти его николи и не живало. Нѣтъ, ты что ни говори, а тутъ дѣло не обошлось безъ „его“.

Не приведи Богъ поминать „его“, да еще особливо въ лѣсу, да вечеромъ, да въ болотѣ коло воды. Извѣстно, „онъ“ въ эфтихъ мѣстахъ завсегда водится и обожаетъ ихъ.

*) Догадался.

**) Названіе деревни

Выворачиваетъ одежду. Рисунокъ В. Малышева.

Разсказъ тетушки Катерины.

Правда, что ваша Аничевская Анна Климентьевна своего сына однажды къ „черту“ послала, да и испугалась потомъ, какъ онъ пропалъ?

— „Было такое дѣло, батюшка, было. Охъ, велико грѣшно эфто“.

— „Разскажи пожалуйста, какъ это было“.

— „А дѣло эфто было ужъ назадъ годовъ съ пятнадцать, а либо и больше. Въ тѣ поры стояли яровыя жнивы. Лѣто-то она жила дома только одна со своимъ парнишкомъ. Работать ей приходилось много, (на двѣ души надѣлу-то у ней) ну, стало и чажало подъ иной разъ приходилось. Такъ и тутъ. Изъ поля всѣ сосѣди убрались, только и осталась, что ейная полоса. Вотъ сосѣди-то и зачали торопить ее: „надо-де скотину въ поле пущать, опростывай скорѣя, а то и въ хлѣбъ пустимъ. Озарники, знамо дѣло. А ее дѣло бабье. Мужиковъ боится, молчи, знай, коли хошь добра. Самъ-отъ въ то лѣто былъ въ Питерѣ. А пошто и въ Питеръ-то ходить? Люди хоть изъ Питера денегъ много шлютъ, а Аннѣ-то мужъ, ужъ извѣстенъ — слабъ; рыло у него больно любитъ духъ винный? ну и пьетъ тамоди все лѣто, домой ни копѣйки. На липовой машинѣ не разъ прибывалъ домой-то. Ну все, хоть и плохъ, а мужъ. А тутъ и заступиться некому. Дѣлать нечего; взяла на жниву своего парнишку. Ходягъ день, другой, третій; парень пожалъ, пожалъ, а тутъ и надоѣло ему, знамо робячье дѣло, сталъ лѣниться, да побаловывать на полосѣ-то. Аннѣ-то ужъ тошнехонько: изъ послѣдней моченьки бьется, а онъ балуетъ. Взяла ея досада, она не образумясь-то, а вымолви „усему на тебя, пса, нѣту, чертъ бы тебя унесъ“. Батюшки мои. Какъ парня-то подхватитъ и понесло, и понесло, понесло черезъ поле прямо, черезъ рѣчку, да и унесло въ лѣсъ. Анна было за нимъ побѣжала, кричитъ: „Сенька вернись“ Куда те тутъ... не догонишь. Такъ и убегъ. Анна, какъ лишилась парня-то, ударилась о земь и давай причитать голосомъ; наши изъ деревни услыхали и прибѣжали къ ей. Насилушку допытались, прошто рѣвитъ. Какъ узнали бабы, то и порѣшили за Сенькой послать его верстанниковъ, *) потому только верстанники и могутъ вызволить **), а больше штобы никто не моги итти искать его. Велико долго робята искали парнишку, а все-же нашли: сидитъ подъ такой-то густой елкой, что не привидано. Сидитъ и лица на немъ нѣтъ. Робята значитъ взяли его: такъ изъ рукъ-то рвется, а его такъ и бьетъ всего; весь, сердешной, помушнѣлъ ***). Одначе все те привели домой. Стали дома его спрашивать „что съ тобой сдѣлалось?“ „пошто убегъ?“ Говори дурашка, пошто молчишь?“ А чего „говори?“ у него и молва отнялася. Да такъ, почитай, цѣльную недѣлю молчалъ, и все эфто его трясло. А потомъ зачалъ отходить и разсказалъ. Какъ, го-

*) ровесниковъ.

**) выручить.

***) Помушнѣлъ—сдѣлался бѣлый, какъ мука, т. е. поблѣднѣлъ.

Сидитъ онъ подъ густой елкой. Рисунокъ В. Малышева.

ворить, меня мамка-то выругала, равно меня вѣтеръ подхватилъ и понесъ; да такого-то скоро, индо духъ замираетъ; самому холодно, а лицо-то мнѣ такъ и обжигаетъ, (эфто, значитъ „онъ" на его дыхалъ, пояснила Катерина); и принесло меня говоритъ, въ лѣсъ, да и посадило на оврагѣ подъ елку". Долго-ли онъ тута сидѣлъ? А робята велико долго его искали, покелева не нашли. Ну, апосля съ парнемъ ничего особливо не было, а только и теперь еще съ того раза заикается. Теперь ужъ онъ женатъ и мальчишка у нихъ родился."

Такъ вотъ, родимой, какъ ругать дѣтокъ то.

„Жилъ, былъ на свѣтѣ одинъ хорошій мужичекъ, домовитой и Бога помнилъ, да по Его заповѣдямъ ходилъ. У него въ домѣ, какъ и у всѣхъ добрыхъ людей, въ красномъ углу стояла божница. На стѣнѣ, коло божницы, подалѣе маменько, была повѣшава картинка, а на этой картинкѣ былъ нарисованъ „онъ" (чертъ). Мужикъ, говорю тебѣ, былъ куды набоженъ: прочитамши молитвы передъ образомъ, онъ оборотится къ картинкѣ съ „нимъ", покажитъ „ему" кукишъ и говоритъ: „а тебѣ кукишъ" И завсегда такъ дѣлалъ эфтотъ мужикъ. Досадно показалось эфто „лѣвому" вотъ и учалъ онъ молиться Богу: „Господи, дай мнѣ волю помучить надъ эфтимъ мужикомъ: завсегда онъ на меня дер-

заетъ. Услышалъ Богъ „чернаго“ молитву и дозволилъ ему шутить надъ нимъ, мужикомъ тоись

Вотъ одинъ разъ сталъ мужикъ молиться Богу. а „черный-то“ возьми да эфто время и выбери въ избѣ весь полъ, окромя той половицы, на которой мужикъ стоялъ. Ладно. Выбралъ полъ, а тамо ямы черныя причерныя, большущія, глубоченныя, а въ ямахъ-то всякая погань, такъ и кишитъ: страсть паля; да вся эфта погань и давай голосить, всяка своимъ голосомъ. Мужикъ сдогадался чья эфто работа и еще усердней сталъ молиться. Кончилъ молитву

Всякая погань, такъ и кишитъ. Рисунокъ В. Малышева.

и апеть къ патрету: „а тебѣ—кукиша“. Пуще прежняго „чернаго“ досада беретъ и не знаетъ „онъ“, чтобы еще накаверзить мужику.

На другой день сталъ мужикъ собираться въ городъ, на базаръ значитъ. Взялъ съ собой корзинокъ, мѣшковъ и отправился. Ну, Ладно, справивши, что было нужно, взвалилъ всѣ свои покупки на себя и пошелъ домой. Идетъ, едва тащитъ. Только вдругъ, отколь ни возмись— мужикъ; стащилъ съ мужика корзинку и мѣшки съ покупками и пошелъ рядомъ. Глядитъ нашъ мужикъ на своего товарища и дивится: „весь то плевой на

видъ, а куды здоровъ накось. я едва перъ а онъ легохонько несетъ. Что за причта*). А тотъ идетъ и хошабы те словечко молвилъ. Мужикъ заговариваетъ, а тотъ молчекъ. Смекнулъ наконецъ мужикъ-богомолъ, кто эфтотъ его товарищъ и давай за молитву браться, и только што прочиталъ: „Да воскреснетъ Богъ", какъ товарищъ его пропалъ, а всѣ его покупки остались на дорогѣ, Подобралъ, значитъ ихъ мужикъ и пошелъ даля. Идетъ. Долго-ли, коротко-ли, а идетъ, только вдругъ попадаетъ въ такіе-ли курпаги **), что упаси Господи. Куды не оглянется— курпагъ за курпагомъ и ступить негдѣ. Обдернуло эфто у мужика кожу и давай опеть „во уста Бога брать", опеть, значитъ, *молиться*. Прочелъ одну молитву, другую и третью и апосля кажинной молитвы сулилъ „ему" кукишъ. Только, какъ прочиталъ три то молитвы и видитъ мужикъ, что онъ у себя на затворкахъ. Придя домой, мужикъ первое дѣло шастъ въ избу и учалъ Богу молиться, что, онъ Батюшка, его отъ „нечистаго" избавилъ. Кончилъ молиться и опеть къ патрету: „а тебѣ—кукишъ" и ткнулъ кукишомъ „ему" въ носъ; что гытъ. взялъ. Нѣтъ шутить. Силенъ ты, да воли нѣтъ. Нака выкуси". Видитъ, окоянный. что не сладить ему съ мужикомъ. Молитвой беретъ его. И сталъ „*нечистый*" опеть просить Бога: „Господи отдай мнѣ мужикову душу на потерзаніе". Но *молитва дьявольская осталась безо вниманія*.

Такъ еще и по сичасъ „онъ" не знаетъ, что-бы съ мужикомъ сдѣлать. Воли-то, значитъ, „ему" отъ Господа нѣту.

---

*) притча.

**) враги.

А богомолъ кажинный разъ, опосля молитвы, оборотится къ патрету: „я тебѣ, гытъ, кушишъ. И тычитъ имъ „его" и въ носъ и въ рыло".—

„Такъ. А по твоему, нельзя ужъ очень-то съ „нимъ" ссориться и шутить? спросилъ я".

— „*Знакомо нельзя, коли добра хошь*. Вѣдь вотъ „онъ" что съ мужикомъ-то продѣлалъ".

Нѣсколько минутъ разсказщица была погружена въ размышленіе. „И пошто эфто было мужику „ему" кукишъ казать? Кабы онъ его не замалъ, такъ може и „черной" бы ничего не сталъ ему поганить".

— „Полно-ка, тетка, да вѣдь это все неправда; сказка это.

— „Ну, у тя, все сказки. Да рази мало такихъ случаевъ-то? Небываетъ что-*ли*? Не вѣрь. *Мнѣ* что? Ты, знамо, ничему не вѣришь—говоришь, что ничего „эфтого" нѣтути. А еще все въ книжку читаешь. Что ты въ ей читаешь-то? Больно ужъ нонѣ додѣлисты стали. Охъ, хо, хо... Грѣхи". Опять задумалась.

„А, слышь, намедни ты-же читалъ въ книгѣ, какъ хаму-то „нечисть" донимала, покелева онъ, значитъ, читалъ надъ покойницей-то, ну, колдуньей-то? Да три ночи подрядъ донимала, а не то, что... Вотъ и въ книжкѣ про „ихъ" написано, стано „онъ" есть. А ты и того въ разумъ не берешь".

Разсказъ про утопленниковъ.

— Ну, часъ отъ часу не легче. Иль ужъ и въ домѣ-то у насъ домовой сидитъ?

— „Домовой самъ по себѣ, а тутъ другое".

— „Что-же другое?

— „Да что ты, батюшка, али вчирась только пріѣхалъ къ намъ? Не знаешь, рази, на чемъ училища-то стоитъ?

— „А до прежь того, что тутъ было-то? Гдѣ хоронили самобившевъ-то? Вѣдь не коло церкви, какъ таперича, не въ оградѣ хоронили-то, а вотъ тута, гдѣ стоитъ училища. Кого хошь спроси, и всѣ скажутъ, что училища на могилахъ стоитъ? Вотъ и понимай.

— „Ну, что-же изъ того, что училище на могилахъ стоитъ? Мало-ли домовъ строятъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были кладбища".

— То кладбище. Дѣло совсѣмъ иное. Тамъ упокойнички-то прайскіе; съ панафидой хоронены, отпѣты, значитъ. А вѣдь тута самобивцы: утопленники да удавленники, да опойцы положены; безо всего, значитъ. Ну души-то ихныя и тоскуютъ, что безъ покаянья покончились. Вотъ и стонутъ. Спросика Завьялихи, что у Васъ панеменя жила, что она слыхала въ низу-то, въ тасѣ-то, что въ ночи дѣлается? Кажинну, говоритъ, ночь чутилось: то застонутъ, то учнутъ въ счеты играть; а въ окошко кому стучать середь ночи, да кругомъ дому съ огнемъ ходитъ? *Знамо самобивцы на покаянье* просятся. Эфто ужъ завсегдя такъ бываетъ. А домовой эфтого дѣлать не будетъ, тотъ инно строитъ:"

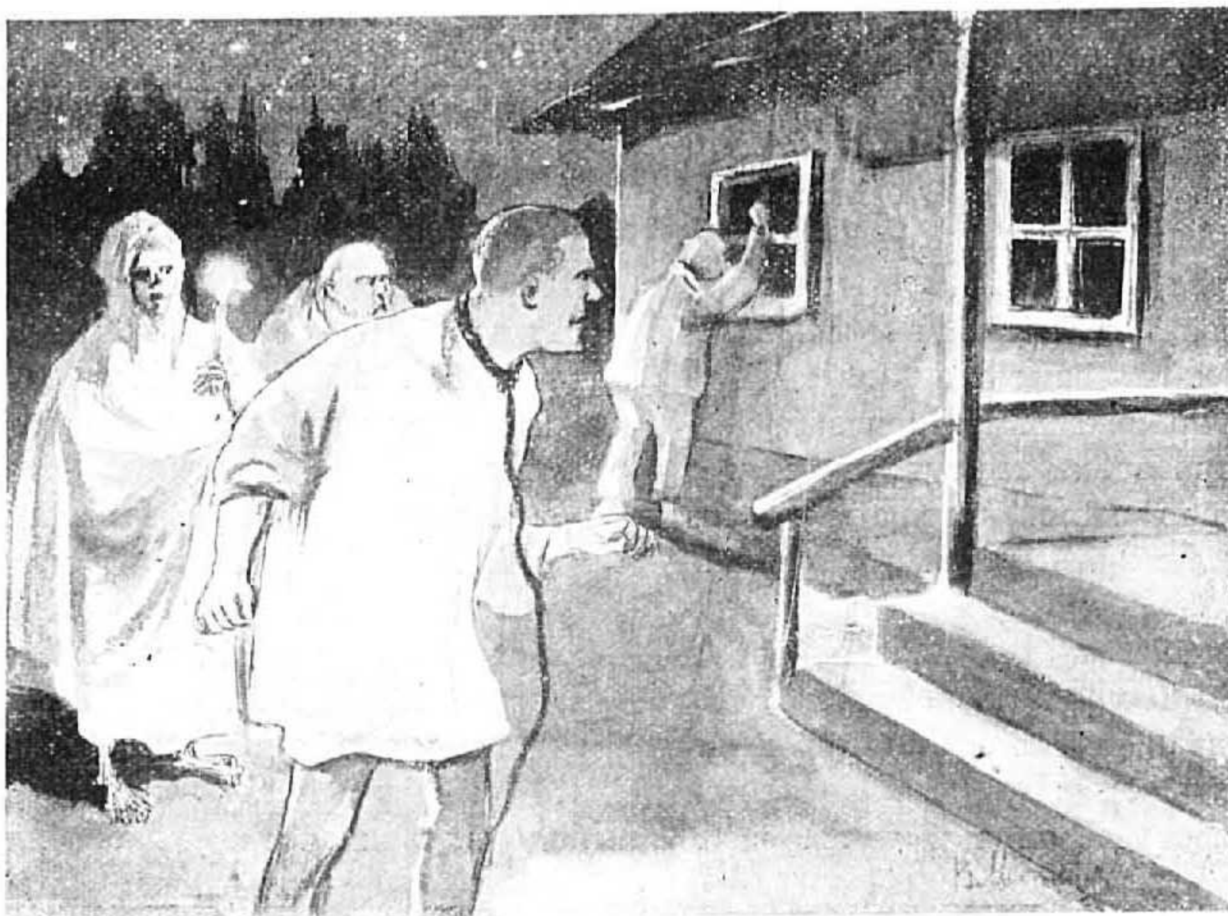
„Что-же домовой дѣлаетъ?" — спросилъ я.

— Домовой-то? А домовой — голова всему дому, онъ всѣхъ оберегаетъ и домъ блюдетъ, коли въ дому все ему по мысля.

Разсказъ тетушки Катерины.

— „Недалеча отсюдого, знаешь есть деревня Шатенино? Вотъ въ эфтомъ Шатенинѣ и жила одна, значитъ, вдова, баба была робьяча: дѣти, значитъ, у ей были. Толь, вотъ вѣдь быть же грѣху, она и сжилась съ „чернымъ". Сядутъ обѣдать, она и ложку лишнюю на столъ положитъ. Робятишки ее малы, малы, а и удумали спросить матку, пошто эфто она на столъ кладетъ лишнюю ложку.

„А ложку, говоритъ баба, эфту батьку надыть, онъ завсегда тута съ нами жи-

Кругомъ дому съ огнемъ ходятъ. Рисунокъ В. Малышева.

За обѣдомъ. Рисунокъ В. Малышева.

ветъ, хоша и померъ, а живетъ съ нами; вы то его не видите, а я знаю, коли говорю". Долго-ли, коротко-ли, только стали сусѣди примѣчать, что баба, что-то зачала съ чрева прибывать. И ей въ очи тоже говорить. А она только про себя ухмыльнется и прочь отъ нихъ отойдетъ. И все-то, батюшка, она какъ-то людей-то сторонилась. Въ деревнѣ, знакомо, все про всѣхъ знаютъ; ну и про бабу эфту порѣшили, што она апосля шута роспутно жить учала. Да толичко вотъ што, съ кѣмъ слюбилась, не знаютъ. Мужиковъ подходячихъ не было: либо стары, либо робятенки годовъ по 15. Думали, гадали, да такъ и не могли никого съ бабой сложить. Только порядкомъ время спустя одна бабенка и запримѣтила разъ какъ-то, что въ самую полуночь къ бабѣ въ избу, черезъ трубу, что-то проблеснуло. Подумала бабенка, что-бы эфто было такое? Одначе порѣшила постеречь и на другую ночь. Ладно, вышла на другой вечеръ и дождалась полуночи. Что-же вѣдь? опеть тоже увидала. Ну, знакомо, сичасъ эфта баба сказала про эфто сусѣдкѣ—пріятельницѣ, а та своей и пошло. Такъ что вся деревня живымъ манеромъ узнала, что къ вдовѣ въ избу „черный" летаетъ". Въ ту-то ночь всѣ бабы не легли спать, а собрались у сусѣдки, что на супротивъ вдовы жила, что-бы всѣмъ увидать экое чудо. И доподлинно увидали: въ самую что ни есть полуночь, увидали онѣ что надъ вдовниной трубой огненной шаръ

Да прямо въ трубу. Рисунокъ В. Малышева.

завертѣлся, потомъ вытянулся веревкой, да прямо въ трубу. Бабы, значитъ, сичасъ изъ избы вонъ и къ окошкамъ вдовниной избы слушать... Ну и услыхали, что надо было. Ну вѣдь, что те, батюшка ты мой, вышло? Вѣдь „онъ" замучилъ вдову-то: не родимши, померла. Да и ладно, что померла. А вдругъ кабы родила, такъ подика что-бы и родила-то. Страсти. Избави насъ отъ лукаваго, Господи".

Разсказъ тетушки Катерины.

То-же жила, была одна вдова съ дѣтками и „покойной мужъ" ее съ ей жилъ. Знала баба, что эфто за мужъ за такой. „Какъ-де такъ?" думаетъ, мужа я сама скоронила и таперичи кажинную память панафиду служу, а накось, при мнѣ сичасъ тутъ все. Нѣтъ не ладно что-то эфто. Нечистой тутъ впутался: потому покойника-то своего я страсти любила, а эфтаго не люблю, хоша и эфтотъ акуратъ такой-же, какъ и тотъ, желанной. Охъ я грѣшница акаянная."

Какъ баба марызнетъ веревкой. Рисунокъ В. Малышева.

Только вотъ однажды въ деревнѣ ихной померъ сусѣдъ. На покороны звали и вдову эту съ мужемъ, а какой, въ омутъ, мужъ. Ну, знамо, по порядку, все какъ слѣда: покойника принесли къ приходу за обѣдню, а потомъ и на кладбище. Всѣ подошли къ могилѣ и вдова со своимъ то же. Ну, опустили покойника въ могилу, а черной-то и говоритъ вдовѣ: „встань, говоритъ, мнѣ на лѣвую ногу своей лѣвой ногой и гляди въ гробъ". Баба такъ и сдѣлала. И видитъ она, что кто-то съ покойника кожу деретъ. „Што эфто дѣлаютъ? Пошто?— Спросила баба". „А эфто, говоритъ" черной вотъ пошто: какая баба, тоись жена, больно прытко тоскуетъ по мужѣ, да ревитъ, то черти („Спаси Господи; перекрестясь, молвила Катерина) сдерутъ съ покойника кожу, а опосля одинъ изъ ихняго отродья эфту кожу наденетъ на себя и въ мужевниной кожѣ будетъ къ его вдовѣ ходить:" объяснилъ сожитель своей пріятельницѣ. „А какъ этого миноваться?"—спросила она.— „А нужно, говоритъ, добыть парную узду, да эфтой уздой-то и хлеснуть „его".

Ну, зарыли покойника и домой пошли. А баба ужъ удумала, што не пришлось: потому на поминкахъ были—стало и сыты и пьяны. А ужъ дѣло-то было на другой день. Сѣли эфто всѣ обѣдать и „онъ" какъ завсегда тоже сѣлъ. Вотъ стала баба подавать на столъ хлебова, а сама въ другую руку захватила узду, раньше ужъ припасла ее и держала на шесткѣ. Подошла къ столу, одной рукой хлебово ставитъ, а другой какъ марызнетъ *) „его" и робятъ тѣхъ, что прижила съ нимъ. Всѣ они и пропали. Только и слышно было: ,,эхъ, не образумясь, да самъ себя".

*) Ударитъ, хлеснетъ.

Разсказъ откуда взялись черти.

— Откуля взялись-то? А взялись вотъ какъ: Господь-Батюшка прогнѣвался на андела и проклялъ его, за его гордыню. Вотъ эфтотъ анделъ-отъ и озлобился и сдѣлался чернымъ-причернымъ, лико свое андельское, свѣтлое помрачилъ, одеженьку бѣлую, снѣгу подобную, потерялъ; крылишки легки-пушисты переменились на перепону костястую какъ у мыши, значитъ, что по ночамъ летаетъ, да такого нехорошо пишетъ; на ногахъ, замѣсто перстовъ, копыта отростилъ, а надъ жопой *) хвость спустилъ; замѣсто лика свѣтлаго, харю богопротивну и богомерзку объявилъ, съ носомъ быть крюкъ, зенки косые, ротъ до самыхъ ушей; а уши-то, уши. Страху подобны—не то звѣрины, не то птичины, а на темени-то рога престрашенные. А во рту-то—зубы, быть у свиньи клыки, языкъ тонкой, да долгой, быть ножъ и пламя огненное завсегда во пасти своей окаянной дер-

*) Подлинное выраженіе.

житъ, и черный да страшной въ наготу *оболоченной*, въ *преисподнюю на вѣки* вѣчные Господомъ жить опредѣленъ.

Коли-же когда и случается ему въ свѣтъ изъ ада вытти, то за тѣмъ только что бы насъ грѣшниковъ съ пути Божія совратите, да на грѣхъ наставити. И много зла приносятъ „они“ людямъ.

— Ты мнѣ такъ расписала „его“ что ужъ думается, что ты сама не видала-ли „его“.

„Господи Іисусе.“ Встрепенулась разсказщица. „Да штой-то, батька, ты въ себѣ-ли? *Да рази можетъ „онъ“ хрещенному* человѣку въ своемъ обличьи явиться? Нѣтъ благодарю Бога, не видывала я его. А, што сказала каковъ онъ изъ себя, такъ эфто я по сказкамъ другихъ *говорю. Умные люди* говаривали. А является зачастую, только либо черной кошкой, либо собакой, а не то и зайцемъ. Кошкой-то разъ „онъ“ и мнѣ показался.

Жала я у себя въ полѣ овесъ съ работницей. Поле было дальнее. Дѣло было ужъ къ вечеру. Работница мнѣ рази три ужъ *говорила, што пора домой итти,* а я вѣдь на работу-то лютая; мнѣ и не охота было оставлять у загоновъ концовъ. Вотъ и отемняли. Только вдругъ работница и говоритъ мнѣ: „вишь до *келевой поры дожались, наля кошка за* намъ пришла“. Погляжу я—вѣряшь кошка—черненькая, такая хорошенькая и трется коло насъ, а не наша. Только вотъ жать мы кончили; домой пошли. Я взяла кошечку на руки, ничего сидитъ,

Черненькая, такая хорошенькая кошка. Рисунокъ В. Малышева.

только пѣсенки поетъ да подъ шею морду свою прячетъ. Только какъ терлась-то и зацѣпи кохтямъ гайтанъ отъ креста, а крестъ-то изъ подъ рубахи и выскочи на волю, да и запутайся у кошки на лапѣ. Батюшки, какъ заревитъ она, да прыгъ съ рукъ-то. На чистомъ мѣстѣ пропала, да сичасъ-же какъ загогочетъ надъ нами, да кругъ насъ искры, быть снопъ разсыпались. Вотъ такъ ужъ и напужались же мы въ тѣ-поры. И серпы растеряли, пока бѣжали домой-то, ну, съ тѣхъ поръ шабашъ до потемокъ жать, какъ солнце въ мѣсто и мы домой".

„А скажика ты мнѣ еще вотъ что: откуда взялись маленькіе чертенята?

„А отъ большихъ народились, да отъ вѣдьмъ".

—„Что-же свадьбы у нихъ что-ли бываютъ?"

— А кто ихъ знаетъ. Люди говорятъ, что мятель до пурги—это они поднимаютъ, по тому свадьбы играютъ. Какая чай свадьба: такъ родятся . . . отъ приблуда".

—„А-а-а" Зазѣвала тетушка Катерина и давай ротъ крестить.

—„Зачѣмъ ты крестишь роть, когда зѣваешь?" Спросилъ я у Катерины.

—„А люди старые учили, что-бы значитъ „черной" въ нутро не вошелъ По эфтому и надить уста крестить, когда беретъ позевата. Вотъ што".

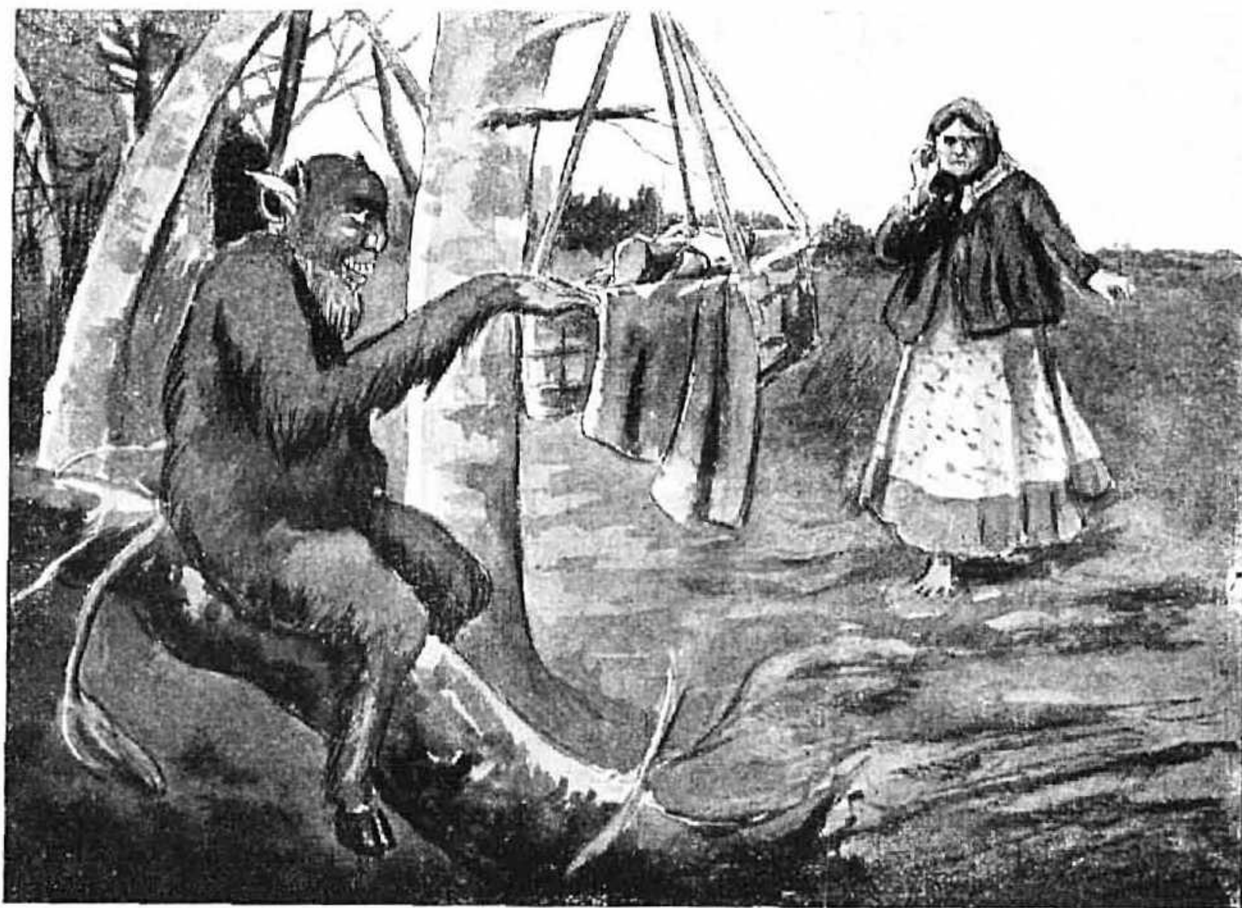
Погоди, разскажи еще что нибудь, еще успѣешь выспаться-то"

—„Да што тебѣ еще-то говорить. Мало-ли я тебѣ наговорила. И куда тебѣ знать-то?" Ну, слухай.

Разсказъ про ребенка.

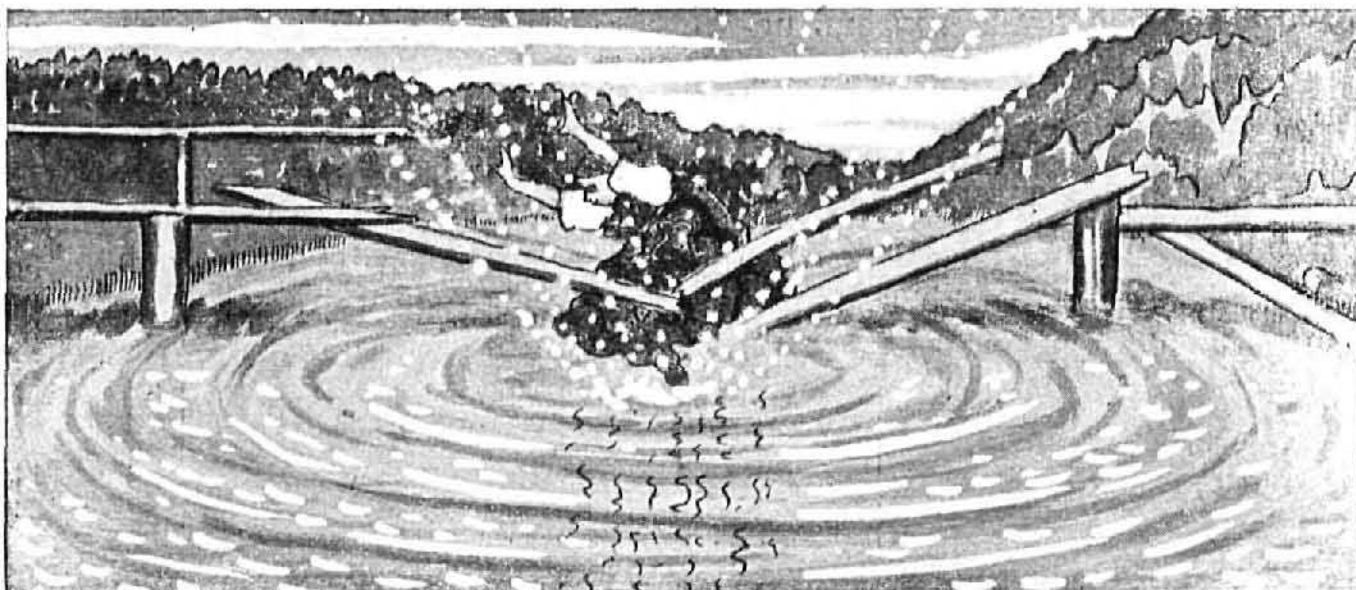
„Жили, были мужикъ да жена, а и былъ у нихъ маленькій. Жили такъ они только о три души: стариковъ не было. Вотъ разъ и надо имъ было на жниву въ дальное поле; робенка тоже съ собой взяли и съ зыбкой. Не въ люди же его было отдавать; тамъ поди и своехъ то не знаютъ куды дѣвать. Пришли на полосу, а зыбку къ березѣ на сучекъ повѣсили. Раблюкъ сѣитъ. Хорошо ему такого: вольно, не жарко, мухъ нѣтути и вѣтерокъ покачиваетъ.—Пожали батька съ матерью, мало-ли много-ли, да только что-то спервуначала зачали спорить, а тутъ и разругались и пошли домой, да ругаются. Про робенка-то и забыли, Одначе баба воротилась, что-бы его взять. Ну, только что стала подходить къ дереву-то, гдѣ зыбка вѣсилась, и услыхала, что ея робенокъ риветъ, а его кто-то баюкатъ. „о-го-го, куминъ роблюкъ не реви о-го-го куминъ робенокъ не реви. Тутъ только баба опомнилась, что не благословясь зыбку въ

лѣсу повѣсила и испугалась. Догадалась, подь, што эфто „нечистой" качаетъ робенка. Вотъ и стала она просить: „батюшка куманекъ, отдай мнѣ робенка, вѣдь мой онъ". — „На, на, кумушка, возьми его, я давно ужъ качаю; возьми кумушка, возьми". Ну, ничево отдалъ бабѣ робенка, та и пошла съ нимъ домой. И чудеса. Съ того раза, кажиной разъ, какъ только бывало коровы той бабы заплутуютъ гдѣ въ лѣсу „онъ" ихъ сичасъ и выгонитъ на дорогу, къ самой почитай деревнѣ, тѣ и придутъ домой. Такъ вотъ какъ. Не назовика баба „его" куманькомъ такъ и не видать-бы ей робенка-та. Завсегда надыть все благословясь дѣлать, и баба-то зыбку вѣсила зря, ну а ужъ „онъ" тутъ и былъ, потому знаменья противъ „его" на зыбкѣ не было.

„Нечистый качаетъ ребенка." — Рисунокъ В. Малышева.

О ворѣ Климушкѣ и водяномъ.

Въ одной волости жилъ у барина воръ, по имени Климушка. Барину стали жаловаться на продѣлки вора. Баринъ призываетъ его къ себѣ и говоритъ ему:

— Ну, Климушка, я накладу на столъ денегъ, а ты уворуй ихъ ночью. Если сумѣешь украсть, то получишь отъ меня награду.

Воръ согласился на предложенiе своего барина и ушелъ домой.

Баринъ наклалъ на столъ деньги. А Климушка съ паужины забрался къ нему и спрятался въ сѣно. Баринъ приказалъ съ вечера запереть ворота, ничего не вѣдая про то, что Климушка давно уже лежитъ у него въ сѣнѣ.

Вотъ наступила глубокая полночь. Климушка вышелъ изъ сѣна и отперъ ворота, а старика сторожа убилъ. Потомъ поставилъ къ окну барскаго дома лѣсенку, влѣзъ по ней и втащилъ съ собой убитаго имъ старика. Открывъ окно, онъ пропихнулъ въ него старикову руку и сталъ ею сгребать со стола лежавшiе на немъ деньги. Видя это, поставленные бариномъ для караула слуги, взяли и отрубили руку. Климушка пропихнулъ другую старикову руку, — слуги отрубили и другую. Тогда воръ пропихнулъ ногу,— и ее отрубили; онъ пихаетъ другую,— и эту тоже отрубили. Послѣ этого онъ впихнулъ въ окно старикову голову—слуги отрубили и голову. Воръ выпустилъ обрубокъ тѣла изъ рукъ—и оно упало внизъ. Слуги же, видя, что послѣ головы имъ рубить

Послѣ этого онъ впихнулъ въ окно старикову голову,—слуги отрубили и голову.

Рисунокъ В. Ткаченко.

больше нечего и опасаться теперь некого,—такъ какъ полагали, что это была голова вора,—преспокойно ушли къ себѣ въ комнату спать.

Лишь только слуги удалились, Климушка тотчасъ влѣзъ въ окно, забралъ со стола всѣ лежавшія на немъ деньги и, какъ ни въ чемъ не бывало, ушелъ себѣ преспокойно домой.

Всталъ поутру баринъ и видитъ, что въ комнатѣ валяются обрубленныя руки, ноги и голова, только не вора, а другого человѣка; но денегъ нѣтъ, они украдены. Баринъ сталъ звать слугъ.

— Что вы спите—закричалъ онъ на нихъ. Бѣгите скорѣй къ Климушкѣ, деньги у него. Это не его вы изрубили, а другого человѣка. Онъ теперь дома.

Прибѣжали слуги подъ окно Климушкина дома и стали окликать его:

— Климушка! ты дома?

— Чего вы орете,не даете мнѣ спать!—отвѣтилъ имъ воръ.

— Иди скорѣй къ барину, онъ зоветъ тебя.

Приходитъ Климушка къ барину, а тотъ его спрашиваетъ:

— Ты, Климушка, укралъ деньги.

— Я, отвѣчаетъ воръ.

— Укради у меня барыню, — говоритъ ему баринъ.

— Чтожъ, украду,—согласился тотъ.

Опять съ паужины забрался Климушка къ барину и спрятался въ сѣно. Баринъ приказалъ съ вечера запереть всѣ ворота. Ночью Климушка вылѣзъ изъ сѣна, натворилъ въ кринкѣ пеплу съ водой, потомъ потихоньку прошелъ въ барскую спальню и все, что было въ кринкѣ, вылилъ между спавшими бариномъ и барыней, послѣ чего ушелъ и спрятался на сараѣ.

Барыня вскорѣ же проснулась и, видя себя перепачканной во что-то мокрое и грязное, пошла на сарай умываться. Климушка схватилъ ее и потащилъ къ себѣ домой. А идти ему надо было мимо рѣки. Идетъ онъ, а изъ воды выскакиваетъ чертенокъ и говоритъ ему:

— Продай барыню.

— Купи,—отвѣчаетъ Климушка.

И они сторговались за три сотни рублей. Воръ получилъ съ чертенка деньги, отдалъ ему барыню и самъ пошелъ домой.

Проснулся баринъ, спохватился, что барыни нѣтъ и закричалъ опять на своихъ слугъ.

— Что вы спите! Барыню украли.

Потомъ тотчасъ же послалъ ихъ къ Климушкѣ, чтобы тотъ явился къ нему.

Приходятъ слуги къ вору подъ окно, окликаютъ его:

— Климушка дома?

— Что вы не даете поспать, — отвѣчаетъ имъ воръ.

— Иди къ барину; онъ зоветъ тебя, —говорятъ ему слуги.

Приходитъ Климушка къ барину.

— Ты укралъ у меня барыню?—спрашиваетъ его баринъ.

— Я,—отвѣчаетъ воръ.

— Гдѣ же она, куда ты ее дѣвалъ?—снова спрашиваетъ его баринъ.

— Да я черту ее продалъ за триста рублей,—отвѣтилъ Климушка.

— Поди выкупи ее; я дамъ тебѣ триста рублей,—говоритъ баринъ.

— Дай три воза конопли, такъ я выкуплю ее.

Баринъ согласился.

Пришелъ воръ къ рѣкѣ, сѣлъ на бережку и началъ веревку вить. Выска-

Воръ Климушка. Рисунокъ В. Ткаченко.

Воръ Климушка и водяной. Рисунокъ В. Ткаченко.

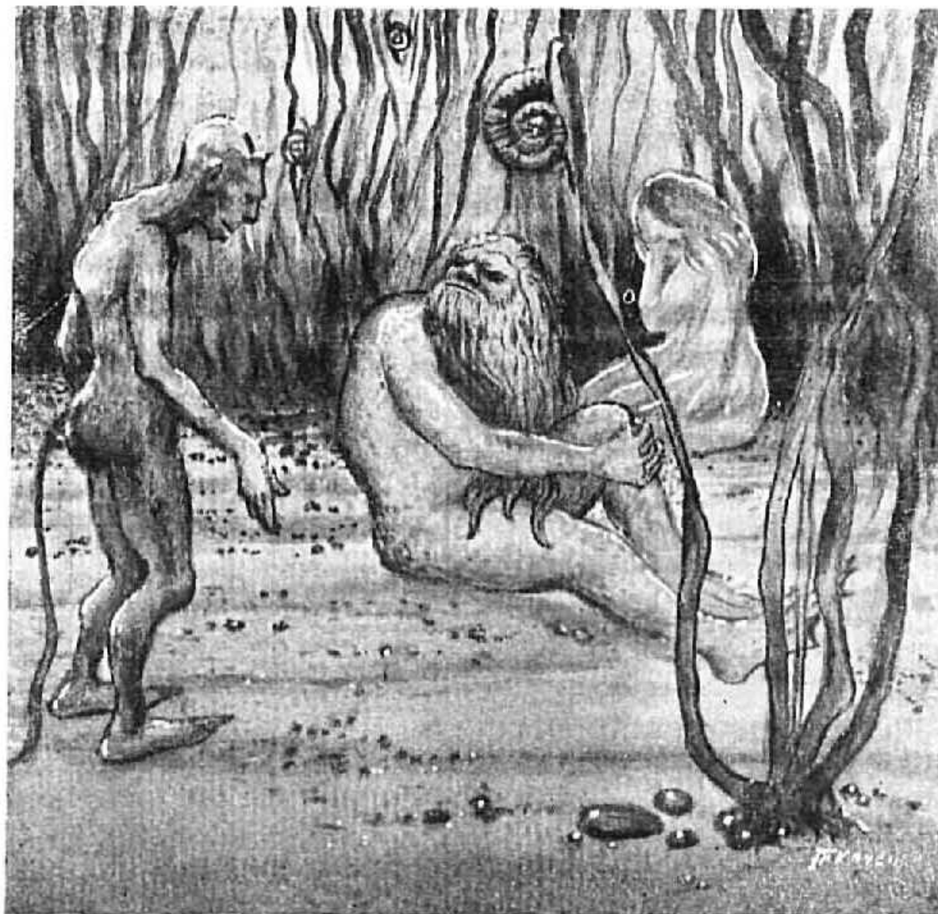
киваетъ изъ воды чертенокъ и спрашиваетъ его:

— Что ты тутъ, Климушка, дѣлаешь?

— А вотъ если ты не отдашь мнѣ назадъ барыню, такъ я стану воду морщить и васъ чертей въ бараній рогъ корчить.

Испугался чертенокъ, нырнулъ въ воду и говоритъ водяному дѣду:

— Ой дѣдушка, дѣдушка! Климушка хочетъ воду морщить и всѣхъ чертей въ бараній рогъ корчить, если мы не отдадимъ ему назадъ барыни.

Дѣдушка Водяной. *Рисунокъ В. Ткаченко.*

— А ты ступай и поборись съ нимъ: кто одолѣетъ, того и барыня будетъ,— приказалъ чертенку его дѣдушка.

— Прибѣгаетъ чертенокъ къ Климушкѣ и говоритъ ему:

— Давай побарахтаемся, кто того оборетъ, того и барыня.

— Что съ тобой бороться,—говоритъ воръ, — у меня есть дѣдъ семидесяти лѣтъ, и тотъ тебя оборетъ.

- Пойдемъ, гдѣ онъ.

Шли, шли и повстрѣчали на дорогѣ медвѣдя. Климушка и говоритъ чертенку, указывая на медвѣдя:

— Вотъ онъ!

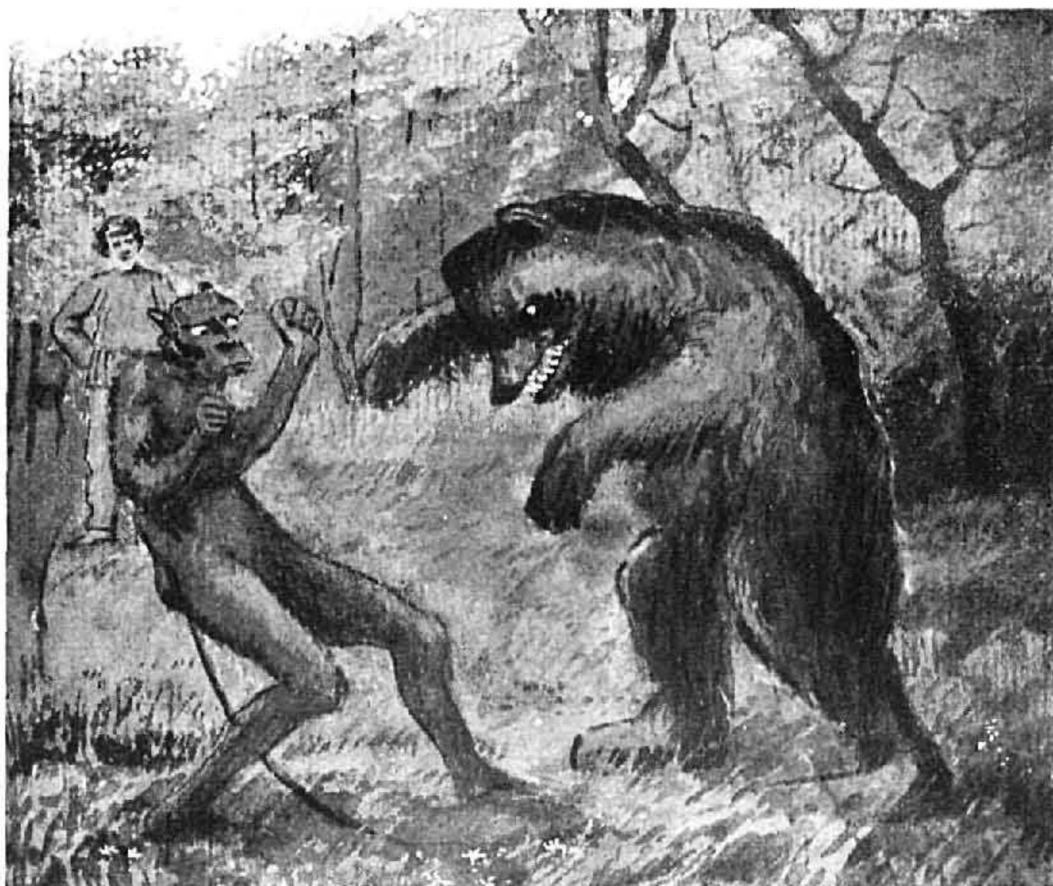
Чертенокъ подошелъ къ медвѣдю.

Дѣдушка, давай побарахтаемся, — предложилъ онъ ему.

— Онъ глухой, — проговорилъ Климушка; — ты возьми батожокъ и ожарь его хорошенько.

Чертенокъ такъ и сдѣлалъ.

Медвѣдь всталъ на заднія лапы и съ

Медвѣдь всталъ на заднія лапы. *Рисунокъ В. Ткаченко.*

рычаніемъ устремился на чертенка; схватилъ его, повалилъ и давай мять, что есть силы. Чуть живой вырвался чертенокъ изъ медвѣжьихъ лапъ и опрометью бросился бѣжать отъ медвѣдя. Прибѣжалъ къ своему дѣду и говоритъ ему:

Ой, дѣдушка, дѣдушка! Есть у него дѣдъ семидесяти лѣтъ и тотъ оборолъ меня, едва живой ушелъ отъ него.

Дѣдъ опять посылаетъ чертенка къ Климушкѣ и говоритъ ему:

Ты ступай теперь побѣгай съ нимъ: кто кого обѣжитъ, того и барыня будетъ.

Прибѣгалъ чертенокъ къ вору и вызываетъ его побѣгать съ нимъ въ перегонку.

А Климушка отвѣчаетъ ему:

— У меня есть сынокъ малый, вчера только родился и еще не крещенъ, такъ и тотъ тебя обѣжитъ.

— А гдѣ онъ? — спрашиваетъ чертенокъ. — Давай его сюда, пусть онъ со мной побѣгаетъ.

— Ладно, — согласился Климушка, — пойдемъ къ нему.

Идутъ они, а у дороги сидитъ заяцъ. Климушка на него и указалъ чертенку.

— Вотъ онъ. Бѣги за нимъ.

Чертенокъ кинулся бѣжать за зайцемъ, а тотъ отъ него въ крючки да въ кочерыжки и убѣжалъ.

Возвращается чертенокъ къ дѣду и разсказываетъ ему:

Ой, дѣдушко, дѣдушко! есть у него маленькій мальчикъ ростомъ съ пальчикъ и тотъ убѣжалъ отъ меня.

Дѣдъ опять посылаетъ своего чертенка къ вору и велитъ ему чтобы онъ бросилъ съ Климушкой вверхъ палицу, и кто броситъ выше, тому пусть и достанется барыня.

Приходитъ чертенокъ къ Климушкѣ съ толстой палицей и говаритъ ему:

— Давай кинемъ съ тобой эту палицу вверхъ, и кто изъ насъ броситъ выше, тому пусть и барыня достанется.

Климушка согласился.

— Ладно, сказалъ онъ чертенку. — Брось сперва ты, а я потомъ кину.

Схватилъ чертенокъ палицу и со всей силы запустилъ ее вверхъ.

Въ то самое время, когда чертенокъ кинулъ вверхъ свою палицу, по небу плыло легкое облачко. Подулъ вѣтеръ, — и облачко разорвалось на двѣ части. Все это Климушка замѣтилъ и рѣшилъ этимъ случаемъ воспользоваться. Поднялъ онъ голову и смотритъ вверхъ глазъ не отрывая отъ разорваннаго облачка.

— Чего ты, Климушка, тамъ смотришь? — спрашиваетъ его чертенокъ.

— А то и смотрю, что ты бѣды надѣлалъ, — отвѣчаетъ ему Климушка.

— Какой бѣды? — удивился чертенокъ.

— А такой, — говоритъ воръ, — что ты своей дурацкой палицей небесную завѣсу разорвалъ. Придется тебѣ теперь лѣзть на небо зашивать завѣсу.

Испугался чертенокъ такой небывалой работы, схватилъ свою палицу и понесся со всѣхъ ногъ къ своему дѣду. Прибѣгаетъ къ нему и говоритъ:

— Ой, дѣдушка, дѣдушка! Ничего не подѣлать съ этимъ воромъ; отдадимъ ему барыню, а то еще бѣды какой наживешь съ нимъ.

Старый чортъ выкинулъ на берегъ барыню, а Климушка взялъ ее и увезъ обратно къ барину. Баринъ далъ ему триста рублей. Онъ ушелъ домой и на эти деньги сталъ жить богачемъ.

Кривая вѣдьма.

Жилъ-былъ мужикъ. Семьи у него не было. Задумалъ онъ жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и лѣнивая. Заставляетъ онъ ее работать, а она ни съ мѣста, и знать мужа не хочетъ. Ни обѣда ему не состряпаетъ, ни одежды ему не сдѣлаетъ, а такъ живетъ даромъ. Разъ какъ-то и говоритъ мужикъ: ты бы, жена, хоть пряла.— Ладно, отвѣчаетъ жена, стану прясть; только сходи въ лѣсъ, да изготовь мнѣ мотовило. — Обрадовался мужикъ, что жена работать захотѣла, живо пошелъ въ лѣсъ. Только жена—откуда и прыть у нея тутъ взялась—опередила мужика, обѣжала его другой дорогой и притаилась за деревомъ. Мужикъ пришелъ въ лѣсъ, выбралъ лѣсину и сталъ ее ру-

Мужикъ пришелъ въ лѣсъ и сталъ рубить дерево.

Рисунокъ В. Ткаченко.

бить, да едва успѣлъ раза два по дереву ударить, какъ жена его жалобнымъ, такимъ голосомъ заплакала: „чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ“.—Услыхалъ мужикъ плачъ и задумался: „это, видно, какая-то птица поетъ; нѣтъ, не стану дѣлать мотовило; жена теперь у меня стала бойкая — за работу хочетъ приняться; жаль будетъ, если помретъ“.— Мужикъ бросилъ работу и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А жена давно его опе-

редила, идетъ изъ дома къ мужику на встрѣчу и спрашиваетъ:—что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило? — Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль. — Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай.—На другой день мужикъ снова пошелъ въ лѣсъ, а баба опять тоже сдѣлала: забѣжала впередъ, притаилась за деревомъ и мужика дожидается. Только началъ мужикъ топоромъ стучать, а она ужъ плачетъ жалобно: чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ".— Мужикъ снова задумался: дѣлать или не дѣлать мотовило. Нѣтъ, не стану дѣлать, вонъ у меня какая бойкая жена и смерти не боится, такъ работать хочетъ; жаль ея будетъ, коли помретъ. Вернулся мужикъ домой ни съ чѣмъ, а жена, обѣжала его, выходитъ изъ лѣсу и по вчерашнему спрашиваетъ: — что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило? — Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да опять вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль. — Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра пойди и сдѣлай. На другой день мужикъ опять пошелъ въ лѣсъ, а жена ужъ давно тамъ. Только мужикъ за работу а она и плачетъ такъ жалобно: „чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ". Задумался нашъ мужикъ, что ему дѣлать, а потомъ и рѣшилъ: будь, что будетъ, а жаль жену изобидѣть; вонъ какъ она работать хочетъ, по третій день его посылаетъ. Мужикъ сталъ рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, высѣкъ мужикъ мотовило, обдѣлалъ его и идетъ домой, а жена давно уже домой пришла и выходитъ къ мужику на встрѣчу: — что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило?—Принесъ, хозяйка, принесъ; теперь пряди. — Взяла баба мотовило, а прясть ей больно не охота. Всетаки думала, думала, да и напряла нитокъ, намотала на мотовило пасмы съ двѣ примѣрно, взяла большую кадцу, положила туда кудели и поставила ее у порога передъ дверями; потомъ сняла съ мотовила нитки, да растянула ихъ поверхъ кудели. Пришелъ домой мужъ, и вотъ пряха ему говоритъ: — смотри, хозяинъ, собаки въ домъ не пускай, а не то перепрыгнетъ она черезъ кадцу и изъ нитокъ снова кудель станетъ. А вѣдь я вонъ сколько напряла—жалко будетъ.—Смекнулъ мужикъ, что хитритъ его баба. Онъ видитъ, что напрядено мало, и впустилъ въ избушку собаку. Прыгнула собака черезъ кадку, зацѣпилась въ ниткахъ, да и стащила ихъ на полъ. Кричитъ его баба:—охъ хозяинъ, что ты надѣлалъ! Говорила я тебѣ не пускай собаки, а теперь вотъ видишь, что изъ нитокъ стало.—Думалъ, думалъ мужикъ, что съ бабой сдѣлать, и не придумалъ ничего другого, какъ спросить ее: вотъ, хозяйка, идетъ праздникъ большой — Пасха Христова. Всѣ люди снарядные (нарядные) будутъ, а я въ чемъ въ церковь пойду?—Молчи хозяинъ, одежу я тебѣ излажу, снаряжу тебя побассѣе (покрасивѣе) другихъ.— Наканунѣ праздника, взяла баба и заколола курицу; перья съ нея ощипала; потомъ пошла въ лѣсъ и насбирала тамъ сѣры съ деревьевъ. Пришла домой, велѣла мужику раздѣться, обмазала его съ ногъ до головы сѣрой и обсыпала его куриными перьями, да такъ и послала въ церковь. Пришелъ мужикъ въ церковь, а тамъ народу много-премного. Всѣ на него дивуются, всѣ его боятся;

всѣ съ него глазъ не сводятъ: Кто это пришелъ? Кто это такой? Такъ всѣ шептали другъ другу, но узнать его такъ-таки никто не могъ. Допрежь этого, какъ теперь, и въ церквахъ порядка было немного. Въ сутолокѣ кто-то толкнулъ, по нечаянности, мужика, а онъ-то отъ толчка и насунься, на грѣхъ, на свѣчку. Какъ только огонь коснулся перьевъ, тѣ вспыхнули. Загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ. Жжетъ его огонь, давайка онъ бѣжать домой. Прибѣжалъ и говоритъ

Давай-ка онъ бѣжать домой. Рисунокъ В. Ткаченко.

женѣ:—ахъ,ты, такая-сякая, что со мною наробила (сдѣлала)! Поглядико на меня вѣдь я нагой прибѣжалъ и всѣ меня такимъ видѣли. — Шибко разсердился за это мужикъ на свою лѣнивую бабу и задумалъ ее какъ-нибудь извести. Вотъ идетъ онъ какъ-то къ рѣчкѣ и сдѣлалъ черезъ нее два перехода: одинъ изъ хорошихъ досокъ, а другой изъ гнилыхъ. Привелъ онъ свою бабу къ гнилымъ доскамъ и говоритъ: „смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи: пойдешь—худо тебѣ будетъ". А надо сказать, что Лютра (такъ прозвали жену мужика) всегда дѣлала ему на перекоръ: и теперь на слова мужа она перечила: „а вотъ пойду, эле-люкъ пойду, вотъ пойду, эле-люкъ пойду". Она побѣжала по доскамъ, да только не успѣла добѣжать до середины перехода, какъ доски подъ ней подломились, и она упала въ воду. Только мужикъ ее и видѣлъ. Пришелъ мужикъ домой; вошелъ въ избу и видитъ пусто въ избѣ; жалко стало ему своей бабы. Что сдѣлать, какъ достать ее изъ воды, чтобы привести до-

мой. Вотъ сдѣлалъ онъ веревку, привязалъ къ ней зыбку, пошелъ съ снарядомъ къ рѣчкѣ и пустилъ въ нее зыбку. Потянулъ зыбку обратно и слышитъ, что-то попало. Ну, думаетъ мужикъ, вытащу назадъ свою бабу и уведу ее домой, станемъ опять вмѣстѣ жить-поживать. Тащитъ онъ, тащитъ, глядь—вмѣсто

Мужикъ и Кикимора. Рисунокъ В. Ткаченко.

его бабы попала ему въ зыбку нечистая сила—кикимора. Мужикъ сталъ было опускать ее обратно въ воду, да нѣтъ: кикимора схватилась за него крѣпко-прекрѣпко и говоритъ: „батюшка, спаси меня отъ кривой Лютры. Попала она въ наше царство и житья отъ нея намъ не стало. Списи меня, вынь изъ воды и за это я тебѣ добро сдѣлаю. Съ этихъ поръ я стану забиваться въ богатые дома; буду тамъ всячески пакостить вездѣ, гдѣ только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать и скоро разбогатѣешь. Только одно запомни: какъ придетъ время меня выгонять, ты войди въ домъ и крикни: „я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ! Я тотчасъ же убѣгу“.

Видитъ мужикъ,—плохо ему приходится; крѣпко схватила его кикимора;

вѣроятно жутко ей пришлось отъ кривой Лютры. Мужикъ вытащилъ изъ воды кикимору, и та сейчасъ же пошла гулять по бѣлому свѣту. Она забилась въ одинъ богатый домъ и стала тамъ пакостить въ чашки и въ ложки, а затѣмъ бить посуду и все, что попадало ей подъ руку. Не рады стали ей въ домѣ и начали искать такого человѣка, который бы вывелъ ее изъ дому. Услыхалъ про это мужикъ, пришелъ и похваляется: „я могу кикимору выгнать". Стали мужику кланяться: выгони кикимору. Онъ согласился выгнать кикимору и выговорилъ себѣ въ награду сто рублей. Взошелъ въ домъ и крикнулъ: „я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ!" Кикимора сейчасъ же убѣжала изъ дому, но по дорогѣ она все же шепнула мужику, куда она опять идти хочетъ. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, какъ благодарить его за такую его услугу. Кикимора, между тѣмъ, полѣзла въ домъ болѣе богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чѣмъ раньше. Такъ она изъѣзжалась (издѣвалась), что хозяевамъ ни пить, ни ѣсть нельзя было—непокойное житье стало. Вотъ рослышавъ о мужикѣ, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообѣщали ему сто рублей. Мужикъ радъ былъ деньгамъ, пришелъ въ домъ, да опять такимъ же образомъ выгналъ кикимору. Получилъ онъ денежки и идетъ домой, а кикимора бѣжитъ рядомъ и шепчетъ ему: „смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя съѣмъ!" Что дѣлать мужику, опять его просятъ

Она захрипѣла:—а, ты опять пришелъ, я тебѣ развѣ не говорила, чтобы ты не ходилъ. Теперь я тебя съѣмъ.

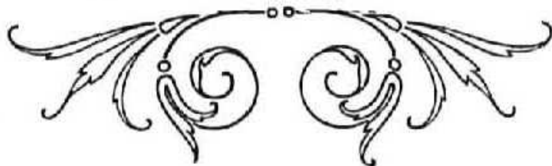
Рисунокъ В. Ткаченко.

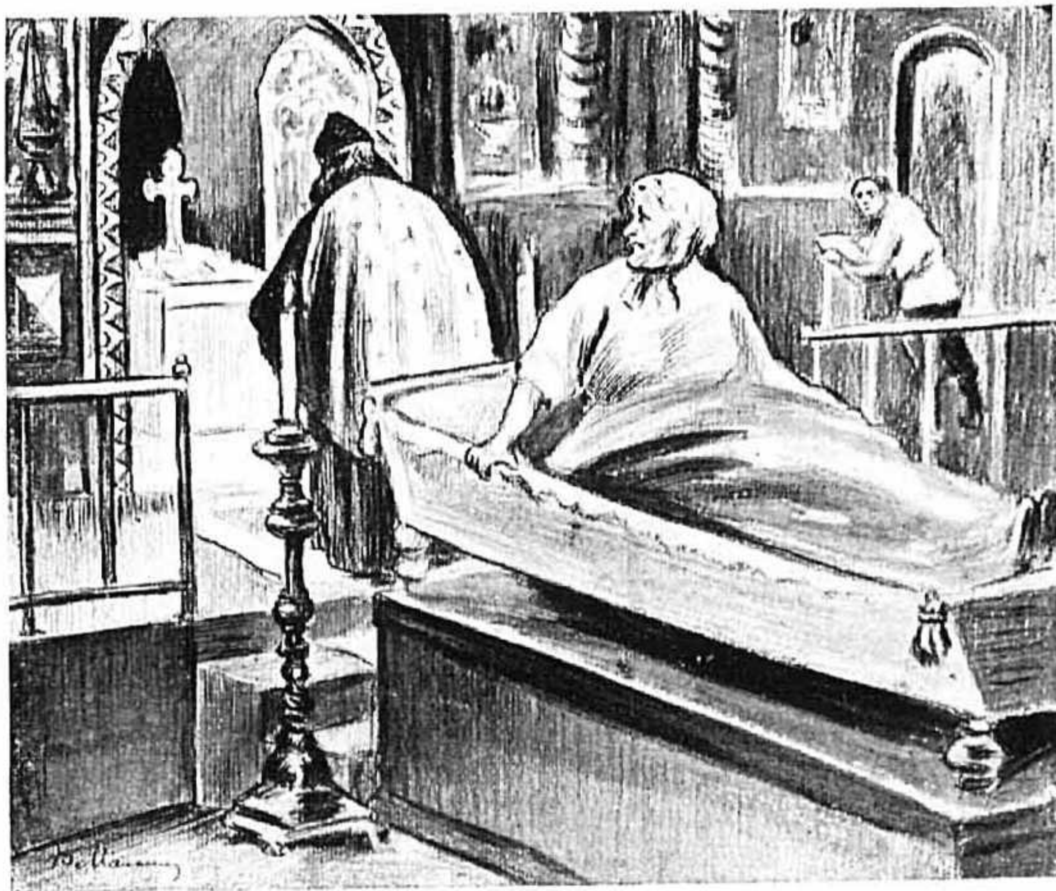
выгнать кикимору изъ дома самаго перваго богатѣя. Всѣ знаютъ, что кромѣ мужика никто выгнать кикимору не можетъ. Долго онъ отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумя стами рублей и пошелъ. „Будь, что будетъ, думаетъ, пойду". Только что взошелъ мужикъ въ двери, а кикимора на него со всѣхъ ногъ такъ и накинулась, да такая презлющая. Она закричала: „а, ты опять пришелъ. Я тебѣ развѣ не говорила, чтобъ ты не ходилъ. Теперь я тебя съѣмъ". Весьма испугался мужикъ, не знаетъ, что сказать, да вдругъ пало ему на умъ: „что ты, матушка, говоритъ онъ, вѣдь я пришелъ не гнать тебя, а сказать, что Лютра изъ воды вышла, тебя и меня ищетъ съѣсть" Быстро вылетѣла кикимора изъ дому, да прямо къ рѣчкѣ— только брызги поднялись. Тѣмъ все дѣло кончилось; мужикъ избавился отъ лѣнивой и упрямой жены и разбогатѣлъ.

Кузнецъ и чортъ.

Жилъ одинъ кузнецъ, человѣкъ бѣднѣйшій-пребѣднѣйшій, а мастеръ своего дѣла, удивительный мастеръ, но счастье ему не давалось въ руки, какъ онъ ни старался зашибить копѣйку—все напрасно. Въ кузницѣ у этого кузнеца висѣлъ портретъ чорта, нарисованъ былъ онъ страшный-престрашный. Кузнецъ всегда во время своей работы взглянетъ нечаянно на картину чортову, да и плюнетъ или каленымъ желѣзомъ пихнетъ въ нее. Въ одно время работа была у него спѣшная, а дѣло не спорилось, такъ онъ съ досады каленымъ гвоздемъ чорту глазъ выжегъ; да и много разныхъ ругательствъ дѣлалъ кузнецъ надъ картиною. Чортъ зналъ про это, что кузнецъ издѣваетса надъ его портретомъ, терпѣлъ, терпѣлъ и не вытерпѣлъ:— „Постой, думаетъ, я задамъ кузнецу ходу!" Взялъ онъ въ одно время, когда кузнеца не было въ кузницѣ и привалилъ огромный камнище къ дверямъ кузницы, такъ что войти въ нее не было никакой возможности, а самъ спрятался за кузницу и сталъ дожидать кузнеца. Вотъ пришелъ кузнецъ, видитъ, что у его кузницы привороченъ камнище, сталъ ругаться на пропалую, потомъ и пошелъ за аншпугомъ, чтобы имъ своротить камень съ мѣста; аншпугъ лежалъ за кузницей. Вотъ бросился туда кузнецъ, взглянулъ и видитъ, что тамъ чортъ запрятавшись.—А, такъ это ты со мной такую штуку сдѣлалъ, закричалъ кузнецъ. Потомъ схватилъ чорта за шиворотъ и давай его лудить аншпугомъ по спинѣ. Чортъ видитъ—дѣло худо, кузнецъ бить не перестаетъ, и сталъ онъ просить прощенья. — Ступай, говоритъ кузнецъ стащи камень на прежнее мѣсто да больше никогда мнѣ и на глаза не кажись, хуже изобью. Чортъ отворотилъ камень и ушелъ отъ кузнеца, а кузнецъ

сталъ еще болѣе потѣшаться надъ картиною. Не вытернѣлъ чортъ, задумалъ идти къ кузнецу; приходитъ въ видѣ человѣка въ синемъ картузѣ, въ желтомъ галстукѣ, въ коричневомъ фракѣ и съ палкою въ рукѣ.—„Сдѣлай мнѣ— говоритъ онъ кузнецу—желѣзную вилу; я тебѣ дорого заплачу".—Изволь, говоритъ кузнецъ.—„А дорого ли ты съ меня возмешь за эту картинку? Чортъ показалъ на свой портретъ.—Она у меня, говоритъ кузнецъ, не продажная, а завѣтная. Чортъ сталъ приставать къ кузнецу: продай да продай, дорого дамъ. Кузнецъ замѣтилъ, что покупатель пристаетъ. Посмотрѣлъ онъ на картузъ, посмотрѣлъ на покупателя, да и замѣтилъ у него повыше ушей маленькіе два рожка. „Постой думаетъ, не обманешь, догадался, что ты за гусь такой, сдеру же я съ тебя за свой портретъ". Взялъ онъ каленое желѣзо да и уткнулъ въ рыло нарисованному чорту, а настоящій чортъ сморщился.—Продай, говоритъ онъ кузнецу, я обогащу тебя.— „А какъ ты обогатишь меня?"—Да дамъ тебѣ кладъ, дорогой кладъ, только согласись.—Ладно, говоритъ кузнецъ, изволь; веди, показывай гдѣ кладъ!—Пойдемъ говоритъ чортъ, да и картину бери съ собою; какъ я тебѣ отдамъ кладъ, такъ ты мнѣ отдашь картину. Кузнецъ согласился и они отправились. Вотъ приходятъ они въ лѣсъ, чортъ вырвалъ одно дерево и показалъ кузнецу котелъ золота. Схватилъ кузнецъ котелъ съ деньгами, бросилъ картину и пустился бѣжать, только не въ ту сторону, гдѣ была его кузница, а совсѣмъ въ другую, да такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ неизвѣстно куда.

Въ одной деревнѣ была волшебница; ее считали вѣдьмой: Она вылетала въ трубу, ѣздила на помелѣ. Пришелъ ей послѣднiй, значитъ, часъ жизни. Позвали попа. Попъ не исповѣдалъ; — однаго грѣха ему не сказала: говорила только что-бы простилъ ее. Попъ отвѣтилъ, что простить ей не можетъ, потому что она не раскаялась. „Ну, говоритъ, попъ, я тебя добуду, коли не прощаешь въ грѣхѣ". И въ этотъ же часъ вылетѣла въ трубу. Попъ ушелъ отъ нея. Еще до дома не дошелъ, ему сказали что она умерла. По обычаю ее одѣли, снесли въ церковь, заказали обѣдню. Попъ велѣлъ пономарю разбудить его пораньше. Поздно вечеромъ, когда попъ едва заснулъ, она явилась къ ево дому въ пономаревской одеждѣ, стучитъ въ окно и говоритъ: „батько, пора заутреню служить". Попъ сталъ, подалъ ключи, самъ сталъ одѣваться. Она же въ это время отперла церковь, отзвонила, зажгла свѣчи и легла въ гробъ опять. Попъ пришелъ съ сыномъ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати. Приходятъ въ церковь, пономаря нѣтъ; дьячка тоже. Начинаетъ служить заутреню съ сыномъ мальчикомъ. Мальчикъ началъ читать. Посмотритъ на гробъ и видитъ, что покрывало свалилось. Покойница стала, вышла изъ гроба и пошла прямо на крыласъ къ мальчику. Мальчикъ испугался и побѣжалъ въ алтарь и спрятался подъ крестомъ. Попа схватила и загрызла въ пономарьскихъ дверяхъ до смерти.

Наступило время служить заутреню. Пономарь пришелъ къ попову дому и

стучитъ, зоветъ служить заутреню. Попадья отвѣчаетъ: „што ты долго спишь? батько ушелъ давно“. Пономарь видитъ што дѣло неладно, взялъ дьячка съ собой и пошли двое. Зашли въ церковь и видятъ попъ лежитъ въ пономарьскихъ дверяхъ. Мальчикъ подъ крестомъ едва живъ. Подняли ево и спросили у нево, какъ это случилось. Мальчикъ сказалъ какъ было. Они сходили за родными. Родные подрѣзали у нея жилы у ногъ; отпили, похоронили... А черезъ трое сутокъ вынели опеть и сожгли тѣло на огнѣ. Пепелъ въ рѣку опустили.

Записано Г. Вересовымъ.

Въ Новгородской губ.

О дѣтяхъ, похищенныхъ чортомъ.

Когда-то чортъ похитилъ гдѣ-то двухъ дѣтей: мальчика и дѣвушку, заставилъ ихъ служить себѣ и всевозможнымъ образомъ мучилъ ихъ. Однажды дѣвушка говоритъ мальчику: „я знаю, какъ намъ можно убѣжать отсюда; если ты женишься

Когда чортъ вечеромъ легъ спать дѣти собрались бѣжать.

Рисунокъ В. Ткаченко.

на мнѣ, такъ я освобожу и тебя". Мальчикъ былъ согласенъ, и скоро они отправились въ дорогу. Когда чортъ вечеромъ легъ спать, они собрались въ бѣгство, но передъ этимъ дѣвушка выпустила на порогъ три капли крови изъ безъимяннаго пальца, а мальчику велѣла взять съ собой немного дерева, камня и воды.

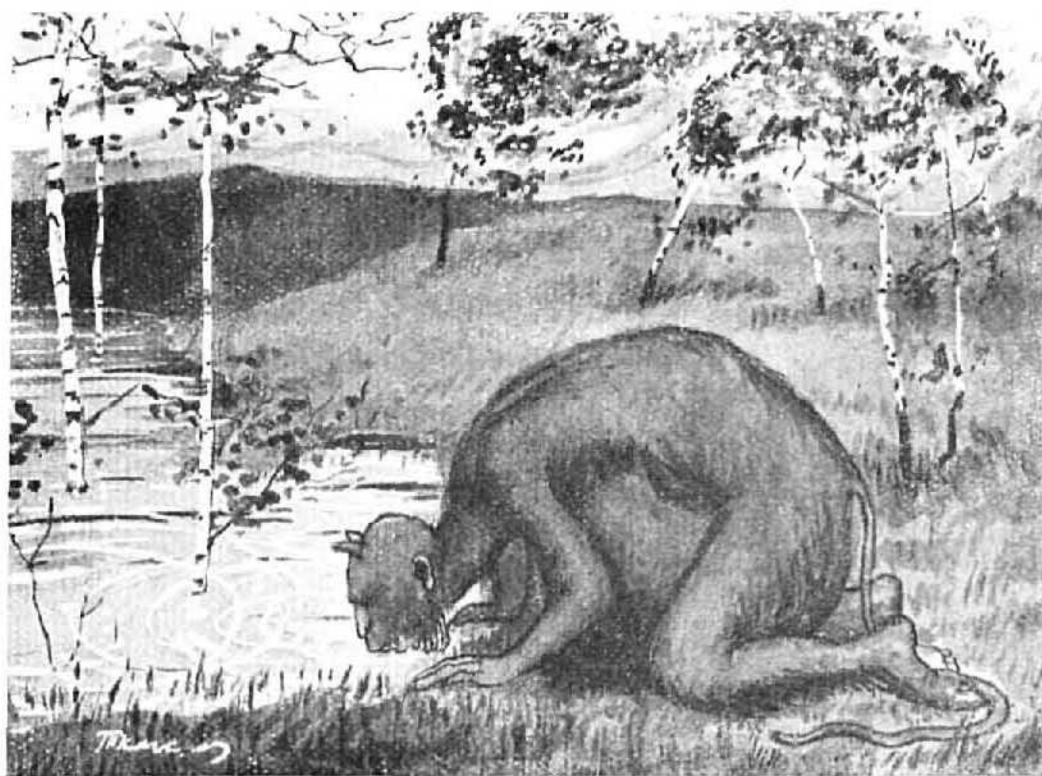
На разсвѣтѣ чортъ проснулся и закричалъ изъ своей комнаты: „вставай, дѣвушка; пора приниматься за работу". Встану, встану! отвѣчала первая капля, и чортъ, думая, что дѣвушка встаетъ, опять заснулъ и спалъ до слѣдующаго дня. Проснувшись, онъ опять закричалъ: „готово ли кушанье?" Только начало кипѣть—отвѣчала вторая капля. „Хорошо", сказалъ онъ и снова спалъ сутки. Наконецъ проголодался и нетерпѣливо вскричалъ: „ну, готово ли?" Готово, пожалуйте кушать—отвѣчала третья капля. Чортъ всталъ и отправился въ кухню, но тамъ не нашелъ ни кушанья, ни дѣвушки. Пошелъ искать мальчика, и того не нашелъ. Онъ тотчасъ догадался, что они бѣжали, и приказалъ тремъ большимъ собакамъ пуститься за ними. Уже на разстояніи

Чортъ бѣжитъ догонять дѣтей. Рисунокъ В. Ткаченко.

одной мили бѣглецы услышали шумъ отъ собакъ; дѣвушка и говоритъ мальчику: „за нами гонятъ! Превратись въ сосну, а я буду елью!" Превратились. Собаки прибѣжали до этихъ деревъ, а тутъ всѣ слѣды простыли, не знали куда бѣжать и потому воротились. Когда они разсказали это чорту, онъ разбранилъ и сказалъ; „это-то они и были, ступайте принесите мнѣ эти деревья!" Дѣвушка опять услышала шумъ отъ гонящихся собакъ и приказала мальчику превратиться въ изгороду, а сама превратилась въ лугъ. Вскорѣ собаки явились, а возлѣ

изгороды слѣдовъ опять нѣтъ, онѣ должны были возвратиться. Тогда чортъ опять послалъ ихъ за изгородою и лугомъ, а бѣглецы превратились въ озеро и утку. Собаки не могли отгадать, что это они, опять возвратились и разсказали дѣло чорту. Теперь онъ самъ пустился вслѣдъ за ними. Тогда дѣвушка приказала своему спутнику бросить за ними кусокъ дерева. Тотчасъ на этомъ мѣстѣ поднялся такой густой лѣсъ, что чортъ не могъ пробраться черезъ него, а долженъ былъ идти за топоромъ. Бѣглецы поспѣшили дальше, и когда опять услыхали шумъ, мальчикъ по приказанію дѣвушки бросилъ за собою камень; тогда за ними сдѣлалась высокая гора. Только на третій день чортъ перешелъ ее и снова сталъ преслѣдовать бѣглецовъ. Теперь дѣвушка приказала мальчику бросить за ними чашу воды, а оттого сдѣлалось большое озеро, черезъ которое чортъ никакъ не могъ пробраться. Въ отчаяніи онъ началъ пить воду изъ озера, чтобъ потомъ сухо перейти его, и въ самомъ дѣлѣ выпилъ почти всю воду, но тутъ лопнулъ и умеръ. Мальчикъ и дѣвушка теперь стали жить спокойно.

Въ отчаяніи чортъ сталъ пить воду изъ озера.

Рисунокъ В. Ткаченко.

Пьеница.

Живъ да бывъ въ одной небольшой деревенькѣ мужицокъ пьеница. Всякой праздникъ и всякое воскресенье — люди въ церковь ко бидни, а онъ въ кабакъ бѣжитъ. Всю послѣдную недѣлецку великаго говѣнья пропировалъ, и пришолъ домой уже въ большую субботу, да и этотъ день весь продрыхнулъ. Въ Христовъ день ковда заблаговѣстили къ заутрени, хозяйка будитъ ево и говоритъ: сходи гытъ хоть въ Христовъ то день въ церковь. Мужикъ съ лѣсъ съ говбца, оболокса и пошолъ въ церковь. Ну какъ онъ всю недѣлецку пропировалъ, то голова у ево больно болѣла, то онъ вздумалъ заити передъ заутреней, кабацокъ опохмилиться только. Онъ объ томъ подумавъ, — глядь и видитъ тутъ знакомова мужицка, тоже пьеницу. Мужицокъ этотъ подошолъ къ нему и спрошавъ ево „ты куда пріятель пошовъ“. — Да голова больно болитъ, такъ хочу передъ заутреней заити опохмилиться.“—„Хорошее дѣло, я тоже гытъ иду; пойдемъ вмистѣ.“—Пошли они въ кабацокъ и спрошали пол-

Пьяница. Рисунокъ В. Малышева.

штофа вина; знакомый наливает ему стаканъ и почуетъ, гытъ: — „Выпей!“— Мужицокъ взялъ стаканъ въ руки и, поднеся ево ко рту, чтобы выпить, да и сказавъ:—„Господи благослови!“—

И вотъ онъ глядь: вмѣсто стакана-то въ рукахъ у ево сосновая шишка, а самъ онъ очутился въ густомъ, пре густомъ лѣсѣ, и сидитъ на долгой ели. Кругомъ и подъ нимъ внизу темнота. Отъ страха мужицокъ цутъ не свалился на землю, а слѣзая съ елки, оцарапалъ себѣ рожу и руки о колючіе прутья. Пошолъ домой и въ лѣсѣ заблудился и домой пришовъ лишь на цетвертый денекъ праздника и то лишь вецеромъ. Долго послѣ тово былъ нездоровъ и ели не умеръ, а царапины на рожѣ, на рукахъ такъ и остались на всю ево жизнь.

Съ того времецка, нашъ мужицокъ— шабашъ въ праздники вино пить.

(Записано лично мною въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ Засодимьѣ).

Одинъ женихъ на замѣчаніе, что нѣтъ ни одной коровы, говаривалъ: „коровъ шесть есть: корову бура да корова будетъ; корова есть, да о коровѣ вѣсть—вотъ и шесть.“

Объ обѣщанномъ мальчикѣ.

Въ нѣкоторое время жили мужъ съ женою. Долгое время они жили вмѣстѣ. Но черезъ нѣкоторое время мужъ оставилъ жену одну дома, а самъ пошелъ на чужую сторону. Жена осталась дома съ мальчикомъ, такъ приблизительно лѣтъ двухъ.

Мужикъ дошелъ до одного города и нанялся къ купцу въ работники. Тутъ ему жилось хорошо, всего было вдоволь.

Прожилъ онъ здѣсь годъ, поднакопилъ денегъ и послалъ ихъ женѣ. И такъ онъ посылалъ ей каждый годъ. Жена получала отъ мужа деньги и справляла все свое хозяйство.

Черезъ нѣсколько времени мужику захотѣлось побывать дома. Онъ разсчитался съ хозяиномъ, получилъ за прожитое время деньги и отправился домой.

Въ одинъ прекрасный день онъ шелъ лѣсомъ. Солнце палило жарко. Мужикъ еле-еле дошелъ до деревни. Въ этой же деревнѣ былъ кабакъ. Онъ зашелъ въ кабакъ, выпилъ съ устатку стаканчикъ и опять отправился въ путь. Отъ деревни до деревни былъ большой во-

локъ. По этому-то волоку мужику и нужно было идти. Мужикъ отправился. На серединѣ волока увидѣлъ онъ мельницу, зашелъ въ нее, но оказалась пуста. Его такъ и клонило попить воды. Онъ наклонился и припадкомъ давай зудить воду. Вдругъ къ нему подплываетъ сѣдой старикъ, беретъ его за бороду и начинаетъ его трясти, говоря при этомъ:

— У меня такъ въ рѣкѣ воды мало, а ты, гляди, какъ напузырился, ровно всю воду выпилъ. Теперь я тебя не отпущу.

Мужикъ не на шутку испугался.

— Пожалуй отпущу,— сказалъ опять старикъ, только съ однимъ условіемъ, если пропишешь мнѣ, чего дома не знаешь.

— Мужикъ подумалъ, подумалъ и и говоритъ старику:

— Не могу знать серебреный старецъ.

Но старикъ отъ него не отступается. Дѣлать нечего. Мужикъ разрѣзалъ ножемъ свой палецъ, накапалъ въ склянку крови и сталъ думать, чего дома не знаетъ. И думалъ онъ тутъ три дня и три ночи. Наконецъ таки догадался, что когда онъ пошелъ на чужую сторону, то женѣ своей наказывалъ, чтобы та отдала мальчика въ училище. „А-а, сказалъ мужичекъ. Воно оно что: сынокъ-то у меня навѣрно въ училище ходитъ.“ Взялъ да и прописалъ его сѣдому старику. Старикъ тогда его отпустилъ.

Мужикъ пошелъ домой. Подходитъ онъ къ деревнѣ. Мальчикъ вышелъ на крылечко и сталъ кричать: „Тятя идетъ!“ Мужикъ пришелъ въ свой домъ и сталъ жить припѣваючи. Но черезъ нѣсколько времени у нихъ случилось несчастье: старикъ, который захватилъ мужика за бороду, сталъ ходить по ночамъ и звать мальчика къ себѣ. А если онъ не пойдетъ, говорилъ старикъ, то онъ вмѣстѣ съ нимъ уведетъ отца и мать его.

Такъ продолжалось двѣ ночи. На третью ночь старикъ явился опять и сказалъ мальчику:

— Если ты не пойдешь со мной, то я убью твоихъ родителей, а тебя силкомъ уведу съ собой.

Стали родители мальчика совѣтываться между собою, какъ поступить имъ, и рѣшили снарядить мальчика и послать его къ старику. Вотъ собрали они его и пошли провожать. По дорогѣ отецъ сталъ говорить сыну:

— На серединѣ волока стоитъ пустая мельница. Ты и простой тутъ часъ и другой. Если ничего не будетъ, то ступай далѣе.

Мальчикъ простился съ отцомъ и матерью и пошелъ одинъ. Шелъ онъ, шелъ и дошелъ до той мельницы, о которой говорилъ ему отецъ. Онъ тутъ просидѣлъ часъ — ничего нѣтъ; просидѣлъ другой—тоже ничего, онъ и пошелъ себѣ далѣе.

Вскорѣ наступилъ вечеръ. Мальчику нужно было забираться куда нибудь на ночлегъ. На его счастье попалась ему

по дорогѣ избушка, и увидалъ тутъ какую-то старуху.

— Здравствуй, бабушка—сказалъ ей мальчикъ.

— Здорово, миленькій, здорово,—ласково проговорила старуха.—Сядь скорѣе на лавочку, отдохни; усталъ вѣдь родимый,—продолжала она.

Мальчикъ присѣлъ на лавочку и сталъ распрашивать у старухи про того старика, къ которому онъ шелъ.

— А на что тебѣ, родимый, старика-то? Да я не знаю про какого ты говоришь старика-то, — отвѣтила ему старуха.

Мальчикъ разсказалъ ей обо всемъ подробно. Окончивъ свой разсказъ, онъ спросилъ ее:

— Ну что, бабушка, вспомнила?

— Вспомнила теперь, батюшка, спомнила. Знаю.

Мальчикъ сталъ разспрашивать ее дальше:

— А далеко ли, бабушка, мнѣ до него идти-то?

Далеко, родимый, далеко, — отвѣчала старуха.—Еще завтра тебѣ нужно идти день, продолжала она, потомъ ужъ до него дойдешь. Еще прежде всего ты побываешь у моихъ сестреницъ, которыя живутъ, какъ и я, тоже на дорогѣ.

Послѣ этого старуха мальчика накормила, напоила и спать повалила. Наступило утро. Мальчикъ пробудился, обулся и одѣлся. Старуха попрежнему опять его накормила, напоила и въ путь дорогу снарядила.

Мальчикъ шелъ цѣлый день лѣсомъ. Опять наступилъ вечеръ. Мальчикъ увидалъ избушку, зашелъ, — а тамъ тоже сидитъ старуха, еще старѣе прежней. Мальчикъ переночевалъ у нея и пошелъ далѣе. Наконецъ онъ дошелъ до третьей старухи. Та ему разсказала, какъ найдти сѣдого старика:

— Ты, мальчикъ, — сказала она,— вскорѣ дойдешь до горы. Взойдешь на гору. Подъ горой течетъ большая рѣка. Приди къ рѣкѣ, сядь у песку за пенекъ. Къ рѣкѣ прилетятъ купаться, семьдесятъ пять лебедей. Семьдесятъ четыре будутъ купаться, а семьдесятъ пятый будетъ надъ ними летать. Когда семьдесятъ четыре лебедя выкупаются, то семьдесятъ пятый будетъ послѣ ихъ купаться. Лебедь снимаетъ съ себя свою лебединую шкуру и станетъ красной дѣвицей. Когда она залѣзетъ въ воду, ты подскочи и схвати ея лебединую шкурку. А когда она спроситъ ее, то ты выйди изъ-за куста и отдай ей шкурку. Мальчикъ распрощался со старухой и пошелъ дальше. Дошелъ онъ до той горы, про которую говорила ему старуха. Взошелъ онъ на гору и видитъ впереди подъ горою течетъ маленькій ручеекъ. Онъ спустился подъ-гору и передъ нимъ открылась огромная и широкая рѣка.

Мальчикъ усѣлся за кустикъ, какъ говорила ему старуха, и сталъ ожидать,

что будетъ дальше. Вдругъ видитъ онъ— летитъ стадо лебедей. Сталъ онъ считать — и насчиталъ семьдесятъ пять штукъ.

Всѣ лебеди, кромѣ одного, начали купаться, а этотъ одинъ сталъ летать надъ ними. Когда выкупались семьдесятъ четыре лебедя, то семьдесятъ пятый сбросилъ съ себя свою лебединую шкуру и превратился вдругъ въ красную дѣвицу. Шкурку она положила на пенекъ, а сама пошла въ воду.

Какъ только красная дѣвица вошла въ воду, мальчикъ быстро выскочилъ изъ-за куста и схватилъ лебединую шкурку.

Тѣмъ временемъ дѣвица—лебедка выкупавшись, вышла изъ воды и видитъ, что шкурки ея нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она была оставлена ею. Изумилась красна дѣвица и говоритъ:

— Если старъ пошутилъ, то отецъ мой; а если младъ пошутилъ, то будь женихъ мой.

Мальчикъ выскочилъ изъ-за куста, подбѣжалъ къ красной дѣвицѣ и говоритъ ей:

— Не печалься, царевна, твоя шкурка никуда не дѣвалась; но я тебѣ скажу, что лучше бы тебѣ быть дѣвицей, чѣмъ лебедкою.

И съ этими словами онъ разорвалъ лебединою шкурку царевны. Послѣ этого они пошли къ старику сѣдому, по прозванію водяному. Этотъ старикъ былъ отецъ царевны-лебедки, которую звали Марьей. Вотъ царевна Марья и говоритъ мальчику, имя которому было Иванъ.

— Ты, Иванъ, ступай къ моему отцу, онъ обѣдаетъ теперь; когда взойдешь, скажи: дѣдушко, хлѣбъ да соль. Онъ отвѣтитъ „хлѣба ѣсть“. Ты съ нимъ и садись.

Отецъ Марьи жилъ на самой рѣчкѣ. Рѣчка эта шла отъ той пустой мельницы, гдѣ дѣдушко водяной захватилъ за бороду отца Иванова.

Мальчикъ пришелъ къ дѣду, который дѣйствительно въ это время обѣдалъ. Иванушка сказалъ ему:

— Хлѣбъ да соль, дѣдко.

Дѣдко отвѣтилъ ему:

— Хлѣба есть.

Иванушка и сѣлъ съ нимъ за столъ обѣдать. Отобѣдали. Дѣдъ и говоритъ Ивану:

— Ну, Иванушка, этотъ денекъ ты погуляй, а завтра я дамъ тебѣ небольшую работу.

Вышелъ Иванушка отъ дѣдки и запечалился. Попадаетъ на встрѣчу ему Марья-царевна и говоритъ:

— Что, Иванушка, не веселъ, что головушку повѣсилъ? Пойдемъ-ка лучше гулять.

Пошли они; Марья-царевна и спрашиваетъ у Иванушки:

— Какую тебѣ работу далъ дѣдушко?

— Пока никакой,—отвѣчаетъ Иванъ, —а завтра дастъ.

А Марья-церевна ему и говоритъ:

— Если онъ задастъ тебѣ какую работу, обращайся ко мнѣ, и я все сдѣлаю.

Прогуляли они до вечера и пошли домой. Наступилъ другой день. Дѣдушка призываетъ къ себѣ Ивана и задаетъ ему работу:

— Вотъ,—говоритъ онъ,—у меня есть семьдесятъ семь десятинъ лѣсу. Ты его выруби, сожги, землю вспаши и хлѣба засѣй.

Иванъ про себя и думаетъ: „Вотъ такъ работа,—да это на всю жизнь хватитъ!" Пошелъ и запечалился, а навстрѣчу ему Марья-царевна идетъ.

— Что, Иванушка, невеселъ, что головушку повѣсилъ?—говоритъ она Ивану.

А тотъ ей отвѣчаетъ:

— Какъ мнѣ, Марья-царевна, не печалиться когда отецъ твой задалъ мнѣ такую работу, что на всю жизнь мнѣ хватитъ.

Марья царевна ему и говоритъ:

— Молись-ка Богу да ложись спать, такъ все хорошо будетъ.

Легъ Иванушко и заснулъ, Марья царевна махнула платкомъ и вдругъ прилетѣли семьдесятъ четыре лебедя и спрашиваютъ:

— Что нужно?

Марья царевна отдала имъ ту самую работу, что дѣдко далъ Иванушкѣ, и при этомъ добавила:

— Все дѣлайте, только на краю одну елку оставьте.

Вотъ прилетѣли семьдесять четыре лебедя и живо принялись за работу: кто рубитъ, кто въ груды кладетъ, кто жгетъ, кто землю пашетъ, кто хлѣбъ сѣетъ. Быстро они всю работу исправили и говорятъ Ивану:

— Только остается тебѣ срубить одну ель, сжечь ее—вся твоя работа будетъ готова.

Иванъ срубилъ и сжегъ ту елку и послѣ этого пошелъ къ дѣдушкѣ. Марья царевна тамъ ужъ была. Пришелъ Иванушка и говоритъ:

— Охъ, дѣдушка, какъ я усталъ. Всю твою работу исполнилъ:

Дѣдушкѣ не любо стало: онъ хотѣлъ Иванушку заморить на работѣ, но къ счастью, тутъ явилась Марья-царевна, его спасительница. Дѣдушко заругался, а Марья ему и говоритъ:

— Полно, старый чортъ! Сколько тебѣ не работай, а все не ладно.

Послѣ этого опять дѣдушка отпустилъ Ивана гулять. Иванъ гулялъ съ

Марьей-царевной до самаго вечера. На второй день дѣдушка далъ Ивану другую работу, сказавъ ему.

— Слушай, Иванъ: у меня есть семьдесять семь десятинъ ржи. Ты ступай выжни ее, потомъ собери, измолоти, измели, хлѣба напеки и на поддачу мнѣ короваевъ десять принеси.

Вышелъ Иванушка отъ дѣда и запечалился. Навстрѣчу ему попадается Марья-царевна и спрашиваетъ его:

— Что ты опять, Иванушка, не веселъ, что головушку повѣсилъ? Али опять работа тяжелая дана тебѣ?

Иванъ разсказалъ ей, какую ему дѣдушка задалъ работу. Выслушала его царевна и говоритъ:

— Молись Спасу да ложись спать и все дѣло ладно будетъ.

Послѣ этого царевна попрежнему махнула платкомъ и къ ней опять прилетѣли семьдесять четыре лебедя и спросили:

— Что нужно?

Царевна отдала имъ приказъ исполнить Иванову работу. Они тотчасъ принялись за нее: кто рожь началъ жать, кто убирать, кто молотить, кто молоть на мельницѣ, а кто хлѣбы печь. Живо всю работу исправили.

Марья-царевна разбудила Ивана и сказала ему:

— Наклади цѣлую ношу хлѣба, снеси дѣдушкѣ и скажи ему: на-ко, дѣдушко, поѣшь.

Иванъ пошелъ накладывать хлѣба, а Марья-царевна пошла къ дѣдушкѣ, или лучше сказать, къ своему отцу.

Наложивъ цѣлую ношу хлѣба, Иванъ принесъ его къ дѣду и сказалъ:

— На-ко дѣдушко, поѣшь.

Дѣдъ заругался, а Марья царевна опять тутъ, какъ и раньше промолвила:

О-о, старый! сколько тебѣ ни работай, все тебѣ не ладно.

На третій день дѣдушка задалъ Ивану самую трудную работу: построить церковь, и при этомъ все необходимое для постройки, какъ-то: кирпичи, камни, бревна и прочее—долженъ былъ приготовить самъ же Иванъ.

Дѣлать было нечего, Иванъ взялся. Вышелъ онъ отъ дѣда и запечалился. Опять навстрѣчу ему попадается Марья царевна. Выспросивъ у него про заданную ему работу, она сказала ему, чтобъ онъ не безпокоился и ложился-бъ спать.

Опять, какъ и прежде, Марья царевна махнула платкомъ и къ ней вмигъ прилетѣли семьдесятъ четыре лебедя. Она приказала имъ исполнить Иванову работу и въ ночь вся работа была исполнена и церковь стояла совсѣмъ готовой.

На четвертый день дѣдушка объявилъ Ивану свою волю:

— Я тебя, Иванъ,—сказалъ онъ,—повѣнчаю съ моей дочерью Марьей царевной.

Иванъ тотчасъ поспѣшилъ къ Марьѣ царевнѣ, чтобъ передать ей о намѣреніи ея отца. Но она, какъ волшебница, знала объ этомъ уже раньше.

Наконецъ Ивана и Марью царевну повѣнчали и оставили ихъ на первую ночь спать въ той самой церкви, которую велѣно было построить Ивану въ минувшую ночь.

Когда молодые осталисъ одни и улеглись спать, Марья царевна стала сговаривать своего мужа на побѣгъ. Иванъ согласился. Марья царевна, такъ какъ была волшебница, то накатала изъ хлѣба пять шариковъ и велѣла имъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые услышатъ они, Послѣ этого молодые выскочили въ окошко и пустились въ бѣгство.

Когда настало утро, дѣдъ послалъ будить молодыхъ. Приходятъ посланные и начинаютъ будить новобрачныхъ.

— Молодые, вставайте!

А шарики имъ отвѣчаютъ:

— Сейчасъ, встаемъ.

Черезъ нѣкоторое время дѣдъ снова посылаетъ за молодыми. Посланные приходятъ къ двери и опять начинаютъ будить молодыхъ:

— Что же вы, молодые, такъ долго не встаете.

А хлѣбные шарики попрежнему отвѣчаютъ посланнымъ:

— Сейчасъ, одѣваемся.

— Что же это вы, молодые такъ долго одѣваетесь?

— Сейчасъ идемъ,—снова отвѣчаютъ шарики.

По прошествіи недолгаго времени дѣдъ опять посылаетъ за новобрачными.

Приходятъ посланные и говорятъ:

— Да что же это вы, молодые, изъ комнаты не выходите?

— И съ этими словами посланные начали двери выламывать. Когда двери были сломаны, и посланные взошли въ комнату, то увидѣли, что молодыхъ тутъ и въ поминѣ нѣтъ и слѣдъ простылъ.

Прибѣжали посланные къ дѣду и сообщили ему о случившемся. Дѣдъ тотчасъ нарядилъ погоню за молодыми.

Марья царевна со своимъ мужемъ Иваномъ были уже далеко, когда только что погнались за ними, и поэтому погоня настигнуть ихъ скоро не могла. А всетаки изъ предосторожности Марья царевна велѣла мужу послушать, нѣтъ ли поблизости гдѣ погони за ними.

Припалъ Иванъ къ землѣ—ничего не слыхать.

Спустя немного времени Марья царевна опять стала безпокоиться насчетъ

погони. На этотъ разъ она сама рѣшилась припасть къ землѣ и послушать хорошенько. Вотъ припала она и говоритъ мужу:

— Ой, Иванъ! самъ отецъ за нами летитъ.

И тотчасъ же Марья царевна сама превратилась рѣкой, а мужа своего Ивана оборотила ершомъ.

Прибѣгаетъ къ рѣкѣ старикъ со своей старухой и давай руками ловить ерша. Извѣстное дѣло, что ерша ловить трудно. Половилъ старикъ, половила и старуха, но ни тотъ, ни другой не могли изловить ерша. Такъ ни съ чѣмъ и домой пошли.

Какъ только ушли старикъ со старухой, Марья царевна и мужъ ея Иванъ сдѣлались опять людьми и пошли на родину Ивана. Тамъ они устроились и зажили себѣ припѣваючи.

